

- [свт. Иоанн Златоуст](#)
 - [Беседа 1](#)
 - [Беседа 2](#)
 - [Беседа 3](#)
 - [Беседа 4](#)
 - [Беседа 5](#)
 - [Беседа 6](#)
 - [Беседа 7](#)
 - [Беседа 8](#)
 - [Беседа 9](#)
 - [Беседа 10](#)
 - [Беседа 11](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-
-

Введение

Глава [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#)

Фессалоники (современный греческий город Салоники) был важнейшим торговым портом Римской империи. Апостол Павел вместе с Силой побывал там во время своего второго миссионерского путешествия после изгнания из Филипп ([Деян. 17:1–10](#)). Несмотря на буйную вражду иудеев, которая вынудила Павла и Силу покинуть Фессалоники, апостол Павел сумел заложить в городе основы христианской общины.

Первое послание к Фессалоникийцам – одно из первых посланий Павла. Соавторами письма выступают Сила и Тимофей. Оно написано

после посещения Павлом Афин ([1Фес. 3:1](#)) и после возвращения Тимофея из инспекторской поездки в Фессалоники к местной христианской общине ([1Фес. 3:6](#)), которой Павел остался доволен. Автор не скупится на похвалы общине, которая состояла из бывших язычников ([1Фес. 1:9](#)). Он называет её «образцом» (греч. τύπος) для всех верующих в Македонии и Ахайи ([1Фес. 1:7](#)), а её прихожан – сынами света ([1Фес. 5:5](#)).

Послание было известно древним отцам Церкви, оно упомянуто у Иринея Лионского, Климента Александрийского и Тертуллиана.

**свт. Иоанн Златоуст
**

**Толкование на первое послание к
Фессалоникийцам¹**

Беседа 1

[1Сол.1:1-3](#). Павел и Силуан и Тимофей – церкви Фессалоникской в Боге Отце и Господе Иисусе Христе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Всегда благодарим Бога за всех вас, вспоминая о вас в молитвах наших, непрестанно памятуя ваше дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа пред Богом и Отцем нашим.

О необходимости бодрствования. – При каких условиях молитвы бывают полезными.

1. Почему (апостол), когда писал послание к Ефессянам², хотя имел при себе Тимофея, не упомянул о нем вместе с собою, несмотря на то, что он был известен им и пользовался их уважением («его верность вам известна, – говорит, – потому что он, как сын отцу, служил мне в благовествовании» ([Фил. 2:22](#)) – и еще: «Ибо я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас» ([Филип. 2:20](#)), а здесь ставит его наряду с собою? Мне кажется, потому, что он имел намерение немедленно послать его (Тимофея); поэтому излишним было писать от лица того, кто вскоре должен был получить самое послание для отнесения: «Итак я надеюсь, – говорит, – послать его тотчас же» ([Филип.2:23](#)). А теперь не то: (Тимофей) недавно возвратился от фессалоникийцев, – следовательно, прилично было и ему писать: «теперь же, – говорит, – когда пришел к нам от вас Тимофей» ([1Сол. 3:6](#)). Но почему он ставит Силуана прежде его (Тимофея), хотя сам свидетельствует о бесчисленных достохвальных свойствах его и предпочитает его всем? Вероятно, (Тимофей), по своему глубокому смирению, сам хотел того и просил об этом Павла; когда видел в своем учителе столь великое смиренномудрие, что он ставит наряду с собою ученика, то тем более мог пожелать явить в себе подобное свойство. Итак, говорит (апостол): «Павел и Силуан и Тимофей – церкви Фессалоникской». Здесь он ничего не ставит пред своим именем, ни – апостол, ни – раб. Не выставляет своего достоинства, мне кажется, потому, что они (фессалоникийцы) были новооглашенные, еще не узнали его коротко; может быть даже, только еще начиналась проповедь его к ним.

«Церкви, – говорит, – Фессалоникской». Прекрасно сказано. Так как, вероятно, общество (солунян) было немногочисленно и еще неустроенно, то названием Церкви он утешает их. Там, где Церковь существовала давно

и состав ее был значителен, он не употребляет этого слова. Между тем он дает это название (фессалоникийцам) потому, что слово Церковь обыкновенно имеет значение множества и собрания людей, уже тесно с собою соединившихся. «В Боге, – говорит – Отце и Господе Иисусе Христе». «Церкви фессоланикской, – говорит, – которая есть В Боге». Вот опять слово Бог пред именами Отца и Сына. «В Боге» же говорит потому, что много было церквей и иудейских, и эллинских. Велико и ни с чем несравнимо достоинство Церкви, если она «в Боге». О, если бы и эта Церковь могла быть так названа! Но я боюсь, чтобы она не сделалась недостойной этого названия. Если кто раб греха, то о нем нельзя сказать что он «в Боге».

«Благодать вам и мир». Видишь ли, что послание начинается прямо похвалами? «Всегда благодарим Бога за всех вас, вспоминая о вас в молитвах наших». Благодарением за них Бога (апостол) свидетельствует о великом их преуспеянии, когда не только хвалит их, но и благодарит Бога, как совершителя всего их преуспеяния. Но вместе с тем он научает их и смирению, как бы говоря, что все это есть дело силы Божией. Итак, он говорит о благодарении по причине их добрых дел, а о воспоминании их в молитвах – по своей любви к ним. Потом, желая показать, что он вспоминает о них не только в молитвах, но и помимо молитвы, говорит, подобно как и во многих других местах: «непрестанно памятуя ваше дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа пред Богом и Отцом нашим». Что значит «постоянно помня»? Или то, что памятуя пред Богом и Отцом, или – памятуя труд любви, сущий пред Богом и Отцом нашим. Не сказал просто: «непрестанно памятуя дело веры», но – «ваше». И опять, чтобы ты не подумал, что самое это: «ваше» сказано без цели, прибавил – «пред Богом и Отцом нашим». Так как никто из людей не прославлял их подвигов, никто не воздавал им награды, то он и присовокупил это, как бы говоря: дерзайте – вы подвизаетесь пред Богом. Что же такое – «дело веры»? Это значит: ничто не поколебало вашего постоянства. Вот что есть дело веры! Если веруешь, все терпи; а если не терпишь, то и не веруешь. Разве не таковы (данные нам) обетования, что они могут склонить верующего к перенесению тысячи смертей? Нам обещаны небесное царство, бессмертие, вечная жизнь. Итак, кто верует, тот все перенесет, потому что вера показывается делами. Справедливо поэтому так сказал (апостол), желая выразить: вы не только показали веру, но оправдали ее делами, постоянством, усердием. «И труд любви». Что за труд кое-как любить? Нет никакого. Но любить в собственном смысле – труд великий. В самом деле, когда восстают

бесчисленные искушения, чтобы отвлечь нас от любви, между тем мы твердо противостоим всему, – не труд ли это, скажи мне? А чего не потерпели (фессалоникийцы), чтобы не изменить любви? Не приступили ли враги проповеди к принявшему в дом свой Павла, и, не нашедши (апостола), не повлекли ли самого Иасона к городским начальникам ([Деян.17:5–6](#))? Малый ли это труд, скажи мне, перенести такую бурю, такие искушения, когда семена проповеди еще не успели укорениться? И требовали от него удостоверения. И когда, говорится, было дано удостоверение, он отослал Павла ([Деян.17:9](#)). Малый ли это подвиг, – скажи мне? Не подвергал ли он даже себя самого опасности для него (апостола)? Вот это и называет (апостол) трудом любви, – до такой степени простиралась преданность (к нему фессалоникийцев).

2. Заметь при том: прежде он говорит об их подвигах, а потом уже о своих, чтобы не показалось, что он превозносится и что не полюбил их прежде обнаружения их любви. «И терпение», говорит, – потому что упомянутое преследование было не однократное, но непрерывное, и гонители враждовали не только против учителя, Павла, но и против научаемых. Если они были так враждебны к тем, кто творил чудеса, к людям, внушавшим благоговение, то как, ты думаешь, смотрели они на тех, кто жил вместе с ними, принадлежал к их обществу и вдруг потом отделился от них. Именно на это и указывает (апостол), говоря: «сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее» ([1Сол. 2:14](#)). И «упования, – продолжает далее, – на Господа нашего Иисуса Христа, пред Богом и Отцом нашим». Справедливо сказал он так. Все это произошло от веры и упования, так что в случившемся выразилось не только мужество их, но и то, что они с полным убеждением уверовали в обетованные награды. А Бог попустил немедленно быть гонениям на них для того, чтобы кто не сказал, что проповедь Христова утвердилась случайно, или чрез обман, – чтобы обнаружилась теплота их веры, и явно было, что не убеждение человеческое, но сила Божия дала такую крепость душам верующих, что они готовы были перенести даже тысячу смертей; а этого не могло бы быть, если бы проповедь вскоре же не укоренилась глубоко и не сделалась непоколебимою. «Зная избрание ваше, возлюбленные Богом братия; потому что наше благовествование у вас было не в слове только, но и в силе и во Святом Духе, и со многим удостоверением, как вы сами знаете, каковы были мы для вас между вами» ([1Сол.1:4–5](#)). Что такое говорит он: «знаете, каковы были мы для вас между вами». Здесь он и своих касается подвигов, но прикровенно; главным же образом хочет их похвалить. Смысл

его слов такой: мы знаем, что вы принадлежите к числу благородных и великих, к числу избранных; поэтому-то и мы терпим все ради вас; слова: «каковы были мы для вас» и означают то, что мы с великим усердием и великим мужеством готовы были положить за вас и души свои, и однакоже за это благодарность не нам, а вам; так как вы избранные. Потому он и в другом месте говорит: «Посему я все терплю ради избранных» ([2 Тим.2:10](#)). Подлинно, за возлюбленных Божиих чего бы кто не согласился потерпеть? И, упоминая о себе, он говорит как бы так: если вы и возлюбленные и избранные, то нам и должно терпеть все. Таким образом служили ободрением для них не только похвала, но и напоминание о том, что и сами (апостолы) являли мужество соответствующее их ревности. Далее говорит: «И вы сделались подражателями нам и Господу, приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святаго» ([1Сол.1:6](#)). Смотри, какая похвала! Ученики вдруг сделались учителями. Они не только вняли учению, но и достигли высоты одинаковой с Павлом. Но это ничто в сравнении с тем, что следует далее. В самом деле, посмотри, куда возводит их, говоря: «сделались подражателями Господу. Каким же образом? Приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святаго». Не просто – при скорбях, но – при многих. И это можно видеть в Деяниях Апостольских, – какое гонение воздвигли против них. Встревожили, говорится там, всех градоначальников, и весь город подвигли против них ([Деян.17:8](#)). Не довольно было сказать: вы скорбели и среди бедствий не переставали веровать; но: вы веровали с великой радостью. Так поступили и апостолы: «радуясь, – говорится о них, – что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» ([Деян.5:41](#)). Это именно и удивительно. Если уже и то не мало, чтобы переносить скорби как-нибудь, то переносить их с радостью свойственно тем, кто выше человеческой природы, кто имеет тело как бы бесстрастное. Чем же они соделались «подражателями Господу»? Тем, что и Он сам претерпевал великие страдания и не предавался скорби, но радовался. Он для того и пришел добровольно, для того и истощил Себя за нас, чтобы претерпеть заплевывание, заушение и распятие; и претерпевая все это, так радовался, что говорил Отцу своему: «прославь Меня» ([Ин.17:5](#)). «С радостью, – говорит, – Духа Святого». Чтобы кто не сказал: как ты говоришь о скорби и вместе о радости, – как та и другая могут быть совместны? – он прибавил: «с радостью Духа Святого». Скорбь в них, как в телесных, а радость, как в духовных. Как же это? Обстоятельства скорбны, а то, что они производят, не таково, так как Дух не попускает этого. Оттого можно не радоваться среди страдания, когда кто страдает за грехи, но можно и веселиться среди

бичевания, когда кто страдает за Христа.

3. Такова-то радость Духа! Вместо кажущихся печалей Дух Божий производит радость. Вас, говорит, огорчали и преследовали; но Дух не оставлял вас и тогда, и как три отрока орошаемы были в огне, так и вы в скорбях. Но как там орошение было действием не естества огня, но Духа прохлаждающего, так и здесь не естество скорби производит радость, но страдание за Христа и Дух, орошающий и чрез пещь искушений приводящий к прохладе и покою. Не просто говорит: «с радостью», но: «великою», так как это именно означают слова: «Духа Святого». «Так что вы стали образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии» (1Сол.1:7). Хотя он приходил к ним проповедовать позже, нежели к другим, но говорит: вы так просияли, что сделались учителями принявших веру прежде вас. И это – апостольское достоинство. В самом деле он не сказал: так что стали образцом для имеющих уверовать, но – стали образцом уже верующим, то есть, вы, вступив с самого начала в борьбу, научили этим, как должно веровать в Бога. «И в Ахаии», говорит, то есть, в Элладе. Видишь ли, как много значит усердие? При усердии, не нужно ни времени, ни промедления, ни отлагательства; достаточно только приняться за дело, и все будет приведено в исполнение. Оттого-то и они, приняв проповедь после других, сделались учителями принявших ее прежде. Итак, пусть никто не отчаивается, хотя бы, и много потратив времени, ничего не сделал. И в короткое время он имеет возможность сделать столько, сколько не сделал бы во всю прежнюю жизнь. Если неверовавший прежде так просиял в самом начале, то тем более (могут достигнуть этого) уже уверовавшие.

Впрочем, имея это в мысли, – что в короткое время можно вознаградить все, – пусть никто не остается беспечным. Будущее неизвестно, и день Господень, как тать, внезапно застигнет нас спящих. Если же мы не будем спать, то он не застигнет нас, как тать, и не представит (на суд) неприготовленными. Если мы будем бодрствовать и трезвиться, то он придет к нам не как тать, а как царский вестник, призывающий нас к уготованным для нас благам. Если же будем спать, то он предстанет как тать. Итак, пусть никто не спит, пусть никто не будет ленивым в добродетели; а это и есть сон. Ужели не знаете, как небезопасно наше имущество, когда мы спим, – как легко бывает тогда делать покушения на него? Когда бодрствуем, тогда нам нет надобности в особенных предосторожностях. Напротив, когда спим, то и при всех предосторожностях часто погибаем. Есть и двери, и запоры, и стражи, и караульные; между тем вор успеваеет войти. Но к чему я говорю это? К

тому, что если мы будем бодрствовать, то не будем нуждаться в помощи других, а если будем спать, то помощь других не принесет нам никакой пользы, но и при ней можем погибнуть. Хорошо уповать на молитву святых, но – тогда, когда мы и сами трудимся. Для чего же нужна мне, скажет кто-нибудь, молитва других, когда я сам буду деятелен и таким образом не доведу себя до нужды в ней? И я не желаю вам того; но если судить здраво, то мы всегда испытываем эту нужду. Павел не говорил: что мне за нужда в молитве других? Хотя молившиеся за него не были достойнее его, и даже не были равны ему; а ты говоришь: какая мне нужда в молитве других? Петр не говорил: что мне за нужда в молитве? – молитва, сказано, «церковь прилежно молилась о нем Богу» ([Деян.12:5](#)); а ты говоришь: зачем мне нужна молитва других? Затем тебе нужна, что ты считаешь ее для себя ненужною. Хотя бы ты был равен Павлу, ты имеешь нужду в молитве. Не возносись, чтобы не унизиться. Но, как я уже сказал, только тогда приносят нам пользу молитвы за нас, когда мы и сами трудимся. Послушай, что говорит Павел. «Ибо знаю, – говорит, – что это послужит мне во спасение по вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа» ([Флп.1:19](#)), – и еще: «при содействии и вашей молитвы за нас, дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас» ([2 Кор.1:11](#)). А ты говоришь: какая мне нужда в молитве? Конечно, если мы сами будем беспечны, никто не в состоянии будет помочь нам своими молитвами. Какую пользу принес Иудеям Иеремия? Не троекратно ли он приступал к Богу и не троекратно ли слышал: «Не возноси за них молитвы и прошения, и не ходатайствуй предо Мною, ибо Я не услышу тебя» ([Иер.7:16](#))? Какую пользу оказал Саулу Самуил? Не до последнего ли дня он плакал о нем, а не просто молился только? Какую пользу принес он израильтянам? Не говорил ли он: «и я также не допущу себе греха пред Господом, чтобы перестать молиться за вас» ([1Цар.12:23](#))? И не погибли ли они все? Итак, скажут, молитвы не приносят никакой пользы? Приносят, и большую, но – когда и мы делаем что-нибудь; молитвы (других) содействуют и помогают, а содействовать кто -либо и помогать может только тому, кто уже сам действует; если же сам останешься в бездействии, то не получишь большой пользы.

4. Действительно, если бы молитвы (других), при бездействии с нашей стороны, имели силу вводить нас в царствие, то почему не все эллины – христиане? Не за весь ли мир мы молимся? Не делал ли того же и Павел? Не молимся ли мы, чтобы все обратились к спасению? Почему же, скажи, нечестивые не делаются благочестивыми? Не оттого ли, очевидно, что они ничего не хотят привнести со своей стороны? Итак, мо-

литвы (других) доставляют великую пользу, когда и сами мы привносим к ним то, что требуется от нас. Хочешь ли знать, как бывали полезны молитвы? Вспомни о Корнилие ([Деян.10:4](#)), о Тавифе ([Деян.9:36](#)). Послушай также, что говорил Иаков Лавану: «Если бы не был со мною Бог отца моего, Бог Авраама и страх Исаака, ты бы теперь отпустил меня ни с чем» ([Быт.31:42](#)). Послушай еще, что говорит Сам Бог: «Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего» ([4Цар.19:34](#)). Но когда это? При Езекии, который был праведен. Между тем если бы молитвы имели силу и для великих нечестивцев, то почему, и во время нашествия Навуходоносора, Бог не сказал того же, а предал город? Потому, что тогда более усилилось нечестие. Опять, тот же самый Самуил молился об израильтянах, и имел успех. Но когда? Когда и сами они благоугождали пред Богом, тогда Бог прогонял врагов их. Какая же мне нужда, скажет кто-нибудь, в молитве другого, когда я живу богоугодно? Никогда не говори этого, человек! Есть нужда, и нужда во многих молитвах. Послушай, что говорит Бог о друзьях Иова. Он «помолится, – говорит, – за вас», и отпустится вам согрешение ([Иов.42:8](#)), потому что, хотя они и согрешили, но не велик был их грех. А этот же самый праведник, спасший тогда молитвою друзей своих, во время иудейского царства не мог спасти иудеев от гибели. И чтобы тебе это понятно было, послушай, что говорит Бог чрез пророка: «и если бы нашлись в ней сии три мужа: Ной, Даниил и Иов, не спасли бы ни сыновей, ни дочерей» ([Иез.14:14–18](#)), потому что превозмогло нечестие. И опять: «хотя бы предстали пред лице Мое Моисей и Самуил» ([Иер.15:1](#)). И заметь, как это говорится двум пророкам, потому что оба они предстательствовали за иудеев, но не имели успеха. Так как Иезекииль говорил: «о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля?» ([Иез.9:8](#)), то Бог, давая знать, что делает это праведно, и не по небрежению к Нему не принимает его ходатайства за них, указывает ему на их грехи, как бы говоря: и эти уже грехи достаточно могут уверить тебя, что Я не по небрежению к тебе не принимаю твоего предстательства, но по множеству их грехов, – при всем том прибавляет и эти слова: «и если бы нашлись в ней сии три мужа: Ной, Даниил и Иов». И в особенности нужно было сказать к нему эти слова, потому что он сам много пострадал для израильтян. Ты сказал мне, Господи, говорит он, чтобы я ел в нечистотах, и я ел; Ты сказал мне, и я обрился; Ты сказал мне, и я лежал на одном боку; Ты сказал мне с ношею пройти сквозь стенное отверстие, и я прошел; Ты взял у меня жену и запретил мне плакать, и я не плакал, но претерпел благодушно. Я сделал тысячи и других самопожертвований ради их, и вот я умоляю Тебя о них, –

а Ты не внимаешь! Итак, Бог, показывая, что делает это не по небрежению к нему, говорит: хотя бы был Ной, хотя бы Иов, хотя бы Даниил, и стали умолять о сынах и дочерях, Я не послушаю. И опять, что говорить Бог Иеремии, менее страдавшему вследствие повелений Божиих, но гораздо более от нечестия иудеев? «Не видишь ли, что они делают» ([Иер.7:17](#))? Правда, говорить пророк, они творят; но Ты сделай ради меня. На это Бог говорить ему: «хотя бы предстали пред лице Мое Моисей и Самуил». Моисей – первый законодатель, много раз избавлявший их от опасностей, сказавший: «прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал». ([Исх. 32:32](#)), – если бы даже он был теперь и говорил это, то и он не успел бы, равно как и Самуил, также избавлявший их и с самых малых лет заслуживший у них великое уважение. О первом Я сказал, что беседовал с ним, как друг с другом, а не в притчах, а о последнем, что Я в отрочестве его явился ему и, преклонившись на просьбу его, отверз заключенный дар пророчества: «Слово Господне, – сказано, – было редко в те дни, видения [были] не часты» ([1Цар.3:1](#)). Итак, если бы оба они предстали, не имели бы никакого успеха. Равным образом говорится и о Ное: «Ной был человек праведный и непорочный в роде своем» ([Быт.6:9](#)), – и об Иове, что он «был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла» ([Иов. 1:1](#)). Но если бы и они предстали, и Даниил, которого халдеи почитали даже как Бога, то не могли бы, говорит Бог, избавить сынов и дочерей их. Итак, зная это, не будем ни пренебрегать молитвами святых, ни полагаться на них всецело. Соблюдаем последнее для того, чтобы не облениться и не проводить жизни в праздности, а первое для того, чтобы не лишиться великой пользы. Напротив, будем и их просить, чтобы они молились о нас и помогали нам, и сами – пребывать в добродетели, чтобы быть в состоянии достигнуть благ, обещанных любящими Бога, благодати и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 2

1 Сол.1:8–10. Ибо от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла [слава] о вере вашей в Бога, так что нам ни о чем не нужно рассказывать. Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам, и как вы обратились к Богу от идолов, [чтобы] служить Богу живому и истинному и ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева.

Об Александре Македонском. – Подвиг проповедника. – Признаки истинного друга. – Пример христианской дружбы.

1. Как благовонное миро не удерживает благоухания в себе самом, но разливает его далеко и, растворяя им воздух, услаждает чувства близ стоящих, так точно благородные и досточтимые мужи не могут скрыть своих доблестей в себе самих, но чрез распространяющуюся о них славу многим приносят пользу, делая их лучшими. То же самое совершилось и тогда (с фессалоникийцами). Поэтому (апостол) и сказал: «вы стали образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии. Ибо от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла *слава* о вере вашей в Бога» (1 Сол.1:7–8). Вы, говорит, представили собой поучительный пример для всех, живущих близ вас, и исполнили удивления всю вселенную: слова: «во всяком месте» такой именно имеют смысл. И не сказал он: распространилась «вера ваша», но «пронеслось», внушая тем, что подобно тому, как глас звучащей трубы наполняет все окрестные места, так и слава о вашей доблести, громкая точно звук трубный, наполнила всю вселенную и повсюду до всех достигла с равною силою. Великие деяния там, где они совершаются, громогласно бывают прославлены, а в отдалении, хотя и прославляются, но не так. Но с вами иначе: слава о вас с одинаковою силою разнеслась по всей земле. И пусть никто не думает, что в этих словах есть преувеличение. Народ этот, народ македонский, был знаменит еще до пришествия Христова и повсюду славился более римлян. Сами римляне тем знамениты, что покорили его. То, что совершил царь македонский, выше всякого слова: выступив в поход из незначительного государства, он овладел всею вселенною. Вот почему пророк его видит под образом летучего барса, изображая этим скорость, силу, пылкость и ту быстроту, с которою он промчался чрез всю вселенную со своими трофеями и победою. Говорят, что он, услышав от некоего

философа о существовании бесчисленного множества миров, горько жалел, что, несмотря на их бесчисленность, он не завоевал даже и одного. Так он был предприимчив и велик душою и так был славен по всей земле! Но со славою царя соединялась и слава народа: ведь Александра называли македонянином. Поэтому вместе со славою о нем самом, естественно, распространялась повсюду слава и о событиях его царства, так как ничто знаменитое не может оставаться в неизвестности. Итак, деяния македонян были не менее славны, как и деяния римлян.

«Во всяком месте, – говорит, – прошла *слава* о вере вашей в Бога»
Смотри, что он говорит как бы о чем-то одушевленном, употребляя слово: «прошла». И этот образ выражения внушен, конечно, силою их (веры). Потом, желая показать, что они точно обнаружили веру крепкую и действенную, прибавляет далее: «так что нам ни о чем не нужно рассказывать. Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам». То есть, – нигде не ждут услышать наше повествование о вас, но люди, не посещавшие вас и не видевшие ничего, предваряют своими рассказами о вас тех, которые у вас были и видели ваши подвиги. Так всюду по слухам сделалась известною ваша вера! Итак, нам нет надобности рассказывать о ваших делах, для возбуждения в других подобного же соревнования, – потому что о чем надлежало бы слышать от нас, о том они, предупреждая нас, рассказывают сами. Хотя при таких случаях в людях часто действует зависть, но ваше превосходство победило и ее, они сделались провозвестниками ваших подвигов. Несмотря на то, что они и отстали от вас, они все – таки не молчат, но даже прежде других рассказывает о вас. Если же так поступают они, то нельзя не доверять нашим словам. Что значит: «какой вход имели мы к вам?» То, что он был соединен с опасностями, с тысячею смертей, и однако ничто вас не возмутило, напротив, – вы обращались с нами так, как будто бы ничего не случилось, вы приняли нас после этого так, как будто не претерпели никакого зла, а насладились бесчисленными благами. Упоминаемый здесь вход был вторичный. Именно, (апостол и его спутники) отправились (из Фессалоники) в Веррию, будучи преследуемы, и впоследствии, пришедши опять (к фессалоникийцам), так были приняты ими, что и сами (фессалоникийцы) были почтены (апостолами), так что эти последние готовы были положить за них свою душу. Следовательно, значение выражения: «какой вход имели мы к вам» – обоюдно: оно содержит в себе похвалу и апостолу с его спутниками и фессалоникийцам, но апостол обратил его в похвалу фессалоникийцев.

«Как, – говорит он, – вы обратились к Богу от идолов, *чтобы* служить

Богу живому и истинному», то есть, – вы обратились весьма легко, с большой готовностью, и не чувствовали нужды в особенном усилии для того, чтобы решиться служить Богу живому и истинному. К этому (апостол) присоединил и увещание, делая чрез это свою речь менее тяжелой. «И ожидать, – говорит, – с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева». «И ожидать с небес Сына Его» – Того, Который был распят, Который был погребен, поэтому, поясняя сказанное, он прибавляет: «Которого Он воскресил из мертвых». Видишь все вместе: и воскресение, и вознесение, и второе пришествие, суд, воздаяние праведным и наказание злых? «Иисуса, – говорит, – избавляющего нас от грядущего гнева». Здесь и ободрение, и утешение, и наставление для них. Если (Бог) воскресил Его из мертвых, если Он на небесах, и придет оттуда (а вы уверовали, что это действительно так, потому что, не уверовав, вы не перенесли бы таких страданий), то в этом заключается уже достаточное ободрение. А если еще и гонители непременно будут наказаны, о чем говорит (апостол) и во втором послании ([2Сол.1:8, 9](#)), то вы имеете и другое, также не малое ободрение. С другой стороны, он сказал об ожидании Сына Его с небес и для того, чтобы показать, что бедствия на лицо, а блага в будущем, когда Христос придет с небес. Смотри же, сколько надобно иметь надежды, – надейся, что Распятый воскрес, что Он вознесся на небеса, что придет судить живых и мертвых. «Вы сами знаете, братия, о нашем входе к вам, что он был не бездейственный; но, прежде пострадав и быв поруганы в Филиппах, как вы знаете, мы дерзнули в Боге нашем проповедать вам благовестие Божие с великим подвигом» ([1Сол.2:1, 2](#)).

2. Велики и ваши подвиги; но и мы не человеческое проповедовали слово. Здесь (апостол) хочет выразить то, что и выше говорил, именно, что свойства проповеди обнаруживаются с обеих сторон – как со стороны чудес и решимости проповедников, так и со стороны ревности и усердия принимающих. «Вы сами знаете, братия, – говорит, – о нашем входе к вам, что он был не бездейственный», то есть, не обыкновенный, не случайный. Едва избавившись от великих опасностей, от смертей, от поражений; мы тотчас же впали в новые опасности. Но «но, прежде пострадав, – говорит, – и быв поруганы в Филиппах, как вы знаете, мы дерзнули в Боге нашем проповедать». Видишь ли, как опять все приписывает Богу? «Проповедать вам благовестие Божие с великим подвигом». Нельзя, говорит, сказать, чтобы там мы подвергались опасностям, а здесь – нет. Знаете и вы, какова эта опасность и каков нужен был подвиг – быть у вас. (Апостол) говорит это и коринфянам в послании к ним: «И был я у вас в немощи и в страхе и

в великом трепете» ([1 Кор.2:3](#)).

«Ибо в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых *побуждений*, ни лукавства; но, как Бог удостоил нас того, чтобы вверить нам благовестие, так мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши» ([1Сол.2:3–4](#)). Видишь ли, что, как я уже сказал, от твердости проповедников заимствуется доказательство Божественности их проповеди? Если бы, значит, проповедь наша была не такова, если бы она была обманом, то мы не подвергли бы себя таким бедствиям, которые не дают нам и вздохнуть свободно. Что же из этого следует? Если бы нас не одушевляло нечто, ожидаемое в будущем, если бы мы не уверены были, что надежда наша несомненна, то мы не оставались бы столь бодрыми среди страданий. В самом деле, кто решился бы ради здешних благ потерпеть столько бедствий и проводить жизнь страдальческую и полную опасностей? Да и кого бы убедил такой проповедник? Не достаточно ли было бы для устрашения учеников одного того, что они видели бы учителей своих постоянно в опасностях? Но с вами не случилось этого. «Ибо в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых *побуждений*, ни лукавства». Дело наше, говорит, не обман, не обольщение, в которое бы мы вдались, не из рода дел темных, каковы дела чародеев и волшебников, – это выражается словом: «от нечистых побуждений», – не злонамеренное, не мятежническое какое-нибудь, как дело Февды: «Но, как Бог удостоил нас того, чтобы вверить нам благовестие, так мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши». Видишь ли, что это не тщеславие? «Но Богу – говорит, – испытывающему сердца наши». Мы ничего, говорит, не делаем из угождения людям; да и для чего мы стали бы делать что-нибудь такое? Похвалив таким образом самих себя, в словах: не потому, чтобы мы хотели угождать людям, или домогались от людей чести, – апостол продолжает: «Но, как Бог удостоил нас того, чтобы вверить нам благовестие». Если бы Бог не знал, как бы так говорит он, что мы совершенно отреклись от всего житейского, то не избрал бы нас. Как Он искусил нас, такими мы и остаемся. «Испытующему, – говорит, – сердца наши», то есть, (Бог) искусил нас и вверил нам благовествование. Итак, как оказались мы пред Богом безукоризненными, такими и остаемся. Доказательством подобного достоинства нашего служит то, что нам вверено благовествование. Если бы в нас было что-нибудь дурное, то Бог не искусил бы нас. Слово же – искусил (.....) употреблено здесь в смысле – нашел стоящими доверия (.....) и вверил, а не в смысле – испробовал, потому что мы только действуем вследствие испытания, а Бог не имеет

нужды в испытывании. Таким образом, мы говорим так, как свойственно искушенным от Бога и признанным достойными благовествования. «И говорим, угождая не человекам», то есть, не ради вас все это делаем. Так как он пред этим похвалил их, то, чтобы не навлечь на свои слова подозрения, продолжает: «Ибо никогда не было у нас перед вами ни слов ласкательства, как вы знаете, ни видов корысти: Бог свидетель! Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других. Мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы» ([1Сол.2:5-7](#)). «Никогда не было, – говорит, – у нас пред вами слов ласкательства», – то есть, мы не льстили, как это делают обманщики, люди, ищущее корысти или власти. Нельзя сказать, что мы льстили, чтобы достигнуть власти или что мы решились на это для денег. В свидетели этого, хотя это было очевидно, он призывает, наконец, их самих. Льстили ли мы, говорит, вы знаете. В свидетели же того, что было неочевидно, то есть, проповедовал ли он ради любостязания, призывает самого Бога. «Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других. Мы могли бы явиться с важностью, как апостолы Христовы», то есть не требуя почестей, не тщеславясь и не окружая себя копыеносцами, хотя, если бы мы и делали это, не сделали бы ничего странного. Если посланники царя пользуются честью, тем более можно нам. И не сказал: мы терпели бесчестье, или: не пользовались честью, что значило бы упрекать (фессалоникийцев), но: мы не искали. Итак, если мы не искали славы, хотя и можно было искать, и самая проповедь того требовала, то каким образом мы делаем что-нибудь для славы? Между тем, если бы мы и искали, то и того нельзя было бы поставить нам в вину, потому что тем, которые посланы к людям от Бога, по всей справедливости надлежит, как явившимся ныне с неба вестникам, пользоваться большою честью. И, несмотря на все это, мы не делаем ничего подобного, чтобы заградить уста противников.

3. И нельзя сказать, будто мы с вами поступали так, а с другими иначе. В самом деле, (апостол) то же говорил и в послании коринфянам: «Вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто перевозносится, когда кто бьет вас в лицо» ([2 Кор.11:20](#)). И еще: «в личном присутствии слаб, и речь его незначительна» ([2 Кор.10:10](#)). И еще: «Простите мне такую вину» ([2 Кор.12:13](#)). Таким образом и там показывает, что он был весьма смиренным, потому что перенес много (бедствий). А здесь говорит и о деньгах: «Мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы, но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими. Так мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши, потому что вы

стали нам любезны» (1Сол.2:7,8) «Но были, – говорит, – тихи», то есть, мы не обнаружили ни грубости, ни притеснения, ни высокомерия, ни хвастовства; а слова: «среди вас» означают то же, как если бы кто сказал: мы такие же, как и вы, и не получили никакого высшего жребия.

«Как кормилица, – говорит, – нежно обходится с детьми своими». Таким должно быть учителю. Льстит ли кормилица дитяти, чтобы заслужить у него славу? Ищет ли она денег от малюток? Бывает ли высокомерна с ними и сурова? Напротив, не бывает ли она нежнее самих матерей? Здесь (апостол) обнаруживает в себе нежную любовь. «Так, – говорит, – из усердия к вам» то есть, усердствуя к вам; мы, говорит, преданы вам до такой степени, что не только ничего не берем от вас, но, если бы нужно было, не отказались бы отдать вам и свои души. Итак, человеческий ли это расчет, скажи мне? Но кто будет столько безрассуден, чтобы сказать это? «Восхотели передать, – говорит, – вам не только благовестие Божие, но и души наши». Последнее, следовательно, труднее первого. А что больше приносит пользы? От благовествования действительная польза для них; но предать душу – подвиг больший по своей трудности. В самом деле, не все равно – проповедовать только, и – отдать душу. Первое само по себе досточтимее, последнее гораздо труднее. Мы готовы были, говорит, если бы это было нужно, и души свои истощить для вас. Так как (апостол) и прежде хвалил и теперь хвалит (фессалоникийцев), то и говорит поэтому: мы делаем это не для выпрашивания денег, не из лести, не для снискания у вас славы. Обрати однако внимание! Так как (фессалоникийцы) оказали много подвигов, и их следовало безмерно хвалить и им удивляться, чтобы они явили себя еще более непреклонными, то похвала такого рода могла показаться подозрительною. Поэтому, устраняя всякое подозрение, он говорит о своих бедствиях. С другой стороны, опасаясь, чтобы не подумали, что он говорит о бедствиях с целью показать, как он трудился для них и какою, следовательно, честью должен у них пользоваться, он, сказав о бедствиях, прибавил: «потому что вы стали нам любезны», показывая таким образом, что мы даже охотно отдали бы вам свои души, потому что были вам совершенно преданы. Итак, благовествование мы возвещаем вам потому, что Бог повелел нам это; но, со своей стороны, мы вас столько любим, что, если бы нужно было, отдали бы вам даже свои души. Так-то должен любить истинно любящий. Он не откажет даже в своей душе, если бы у него потребовали ее и если бы это было возможно. Но что я говорю: потребовали? Он сам вызовется на такое пожертвование. Ничего, подлинно ничего не может быть сластнее такой любви. Для нее ничто не

представляется прискорбным. Верный друг поистине – услада жизни. Верный друг поистине – твердый покров. Чего, в самом деле, не сделал бы искренний друг? Какого не доставил бы он удовольствия? Какой пользы? Какой безопасности? Укажи ты на бесчисленные сокровища, и все это – ничто в сравнении с искренним другом. Но скажем прежде, сколько удовольствия заключает дружба в себе самой. Взвешивая на друга просветляется от радости, тает от удовольствия и соединяется с ним по душе каким-то особенным союзом, заключающим в себе неизъяснимое наслаждение. Он оживает духом и окрыляется даже при одном только воспоминании о нем. Я говорю о друзьях искренних, единокоренных, готовых умереть друг за друга, горячо любящих друг друга. Не думайте опровергнуть мои слова, воображая себе обыкновенных приятелей, сообщников застольных, друзей по одному имени. Кто имеет такого друга, о каком говорю я, тот поймет мои слова. Хотя бы он видел его каждый день, он не пресытится; он желает ему того же, чего и себе самому. Я знал одного человека, который, призывая в молитве за друга святых Божиих мужей, молил их предстательствовать прежде за него, а потом уже за себя. Друг так мил, что даже места и времена становятся любезны от него. Как светлые тела разливают свет на окружающие предметы, так и друзья своим местам, в которых случалось им бывать, сообщают свою приятность. И часто бывает, что, посетив эти места без друзей, мы плачем, вспоминая о тех днях, в которые были здесь вместе, и рыдаем. Невозможно однако словами выразить, сколько удовольствия доставляет присутствие друзей; это понимают только те, которые испытали. От друга можно без зазрения и просить услуги, и принимать услугу. Когда они приказывают нам, мы им благодарны, – и скорбим, когда они стесняются. У нас нет ничего, что не принадлежало бы им. Часто, презирая все здешнее, мы однако не хотим расстаться с здешнею жизнью только для них. Они вожденнее нам самого света.

4. И действительно, друг вожденнее самого света. Я говорю о друге искреннем. И не дивись этому. В самом деле, лучше для нас, чтобы солнце померкло, чем лишиться друзей; лучше проводить жизнь во тьме, нежели жить без друзей. И я скажу, почему это. Многие, взвешивая на солнце, находятся во тьме, а богатые друзьями никогда не бывают скорбны. Я говорю о друзьях духовных, ничего не предпочитающих дружбе. Таков был Павел, который, охотно отдавая (друзьям) свою душу, хотя они и не просили его о том, охотно бросился бы за них в геенну. Так надобно любить пламенною любовью! Я хочу представить пример дружбы. Друга дороже отцов и сыновей, – друзья о Христе. Не говори мне о друзьях

нынешних, потому что вместе со многим другим утрачено ныне и это благо; но вспомни, что при апостолах, – не говорю о первостоятелях, а о самих даже веровавших, – у всех, как сказано: «было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее.» И «каждому давалось, в чем кто имел нужду» ([Деян.4:32, 35](#)). Тогда не было моего и твоего. Вот дружба, когда кто не почитает своего своим, но принадлежащим ближнему, а собственность ближнего считает чуждой для себя, – когда один так бережет жизнь другого, как свою собственную, а тот платит ему взаимно таким же расположением. Но где же, скажут, можно теперь отыскать такого друга? Именно, нигде нельзя, потому что мы не хотим быть такими, а если бы захотели, было бы даже очень можно. Если бы это было в самом деле невозможно, то Христос не заповедал бы этого и не говорил бы так много о любви. Великое дело дружба, и в какой мере великое, этого никто не может понять, этого не выразит даже никакое слово, разве кто узнает по своему опыту. Непонимание ее произвело ереси; оно заставляет эллинов доселе еще оставаться эллинами. Любящий не желает ни повелевать, ни начальствовать; но рад лучше сам находиться под начальством и принимать приказания. Он желает лучше благодетельствовать, нежели принимать благодеяния, потому что он любит и, следовательно, всегда находится в состоянии человека, как бы не удовлетворившего своему желанию. Он не столько радуется, принимая благодеяние, сколько делая благодеяние, потому что желает лучше обязать другого, нежели быть обязанным ему, лучше же сказать – хочет и быть обязанным ему и его иметь своим должником. Он и хочет благодетельствовать и не хочет показать, что благодетельствует, но представляет себя как бы должником другого. Думаю, что многие из вас, может быть, не понимают сказанного; поэтому считаю необходимым опять повторить то же. Он хочет и начать благодеяние и не казаться начинающим, а только как бы платящим за одолжение. Так и Бог поступил с людьми. Он восхотел даровать за нас Сына Своего; однако, чтобы не показать, что (единственно по благодати) дарует Его, но – как бы отдает нам долг, Он повелел Аврааму дать (Себе) своего сына, чтобы казалось, что Он, делая нечто великое, ничего не делает великого. Когда нет дружбы, то мы ставим в укор другим наши благодеяния, превозносим их даже при всей их незначительности. А когда есть дружба, мы скрываем их, и великие хотим выдать за малые, чтобы не показать, что друг у нас в долгу, но – что мы сами одолжены ему тем, что он позволил нам одолжить его. Знаю, что многие не понимают того, о чем я говорю; причина этого в том, что я говорю о такой вещи, которая имеет

место теперь только на небе. Если бы я стал говорить о каком-нибудь растении, прозябающем в Индии, которого никто здесь не знает по опыту, то, сколько бы я ни говорил, слово было бы не в состоянии вполне изобразить его: так и в настоящем случае, сколько я ни стану говорить, буду говорить напрасно, потому что никто не в состоянии будет понять. На небе насаждено это растение; ветви его отягчены не жемчугами, но плодом гораздо приятнейшим – жизнью добродетельной. Какое хочешь, представь себе удовольствие – низкое ли, благородное ли – сладость дружбы будет выше всех их. Укажи даже на сладость меда, но и мед делается приторным; а друг никогда, пока остается другом, напротив – любовь к нему более и более возрастает, между тем проистекающее из нее удовольствие никогда не производит пресыщения. Друг милее этой временной жизни. Потому-то многие по кончине друзей не желали более жить. С другом иной с удовольствием может жить и в ссылке; а без друга и дома жить не захотел бы. С другом и бедность не тяжела, а без него в тягость и здоровье и богатство. Имеющий друга имеет другого себя. Жалею, что не могу объяснить этого примером, так как сознаю, что все сказанное будет гораздо менее того, что следовало бы сказать. Вот что значит дружба для этой жизни. А у Бога уготована ей такая великая награда, что и выразить нельзя. Он дает нам награду для того, чтобы мы любили друг друга. Люби, говорит, и прими за это награду, – между тем как мы за это должны бы воздавать награду. Молись, говорит, и получи за это награду, – тогда как мы должны бы принести воздаяние, потому что мы просим у Него благ. За то, что просишь, говорит; получи награду. Постись, и получи награду. Будь добродетелен, и получи награду, хотя ты сам должен бы вознаградить. Истинно, как отцы, когда сделают своих детей благонравными, дают им тогда награды, потому что считают себя должниками за то, что (дети) доставили им удовольствие, так и Бог. Получи, говорит, награду, если ты добродетелен, потому что ты радуешь Отца, и Я должен тебя за это наградить. А если ты зол, нет тебе ничего, потому что ты оскорбляешь Родившего тебя. Не будем же оскорблять Бога, но постараемся радовать Его, чтобы сподобиться царства небесного во Христе Иисусе Господе нашем (с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 3

[1Фес.2:9–12](#). Ибо вы помните, братья, труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедывали у вас благовестие Божие. Свидетели вы и Бог, как свято и праведно и безукоризненно поступали мы перед вами, верующими, потому что вы знаете, как каждого из вас, как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли поступать достойно Бога, призвавшего вас в Свое Царство и славу.

Обязанность учителя. – Не должно смущаться искушениями. – Заговоры и повязки с целью врачевания больных. – О гадателях. – Не следует заботиться о деньгах.

1. Учитель ничего не должен считать для себя обременительным, что клонится к спасению учеников. Если блаженный Иаков днем и ночью до изнурения трудился на страже овец, то тем более должен делать все тот, кому вверены души, (хотя бы) занятия его были изнурительны или унижительны, имея в виду только одно – спасение поучаемых и проистекающую отсюда славу Божию. Смотри поэтому, как и Павел, будучи проповедником и апостолом вселенной и удостоившись столь высокой чести, работал собственными руками, чтобы не отяготить поучаемых. «Ибо вы помните, – говорит, – братья, труд наш и изнурение». Выше сказал он: «мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы» ([1Фес.2:7](#)). То же говорит и в послании коринфянам: «Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника? Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования». ([1Кор.9:13, 14](#)). Но я, говорит, не хотел этого, а трудился сам. И не просто трудился, но с великим старанием. И смотри, что говорит: «вы помните, – не сказал: благодеяния мои, но: труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедывали у вас благовестие Божие». Но коринфянам говорит иное: «Другим церквам я причинял издержки, получая *от них* содержание для служения вам». ([2 Кор. 11:8](#)). Там он тоже работал, но не упомянул об этом, а употребил другое (выражение), более язвительное, как бы говоря: вам служа, я питался от других. Но здесь (говорит) не то, – а что же? – «ночью и днем работая». Хотя и там он говорит»: «Будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал», и «Другим церквам я причинял издержки, получая *от них* содержание для

служения вам» ([2Кор.11:8](#)), но здесь показывает, что люди (которым он пишет) находятся в бедности, а там нет. Поэтому-то он постоянно призывает их самих в свидетели: «Вы, – говорит, – свидетели и Бог», доставляя чрез это словам своим большую степень достоверности и присовокупляя (доказательство), которое особенно могло их убедить, так как первое для несведущих может показаться неверным, а последнее не оставляет никакого сомнения. И ты не удивляйся этому, – потому что (апостол) не обращал внимания на то, что он, Павел, говорит это, а на то, что он очень желал убедить их. Поэтому говорит: «Свидетели вы и Бог, как свято и праведно и безукоризненно поступали мы перед вами, верующими». Нужно было опять похвалить их: поэтому он предпосылает то, что достаточно могло уверить их (в его бескорыстии). Он рассуждает так: если я, находясь в нужде там, ничем не пользовался, то тем более – теперь. «Как свято и праведно и безукоризненно поступали мы перед вами, верующими, потому что вы знаете, как каждого из вас, как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли». Сказав выше о своем обращении с ними, здесь говорит о своей любви к ним, и в этом выражалось более, нежели одно покровительство. И сказанное им чуждо надменности: «как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли»³ поступать достойно Бога, призвавшего вас в Свое Царство и славу». Сказав: «и умоляли» он упомянул об отцах, показывая тем, что хотя мы «и умоляли», однако не употребляли при этом насилия, а (поступали) как отцы. «С каждым из вас». Удивительно! При таком множестве не пропустить никого – ни малого, ни великого, ни богатого, ни бедного! «Умоляли», – сказал он, – о чем? О перенесении всего. «И утешали и свидетельствовали». «Умоляли»: следовательно (апостолы) не искали славы; и «свидетельствовали», следовательно не льстили. «Жить достойной жизнью перед Богом, призывающим вас в свое Царство и в свою славу». Смотри опять, как (апостол), повествуя (о прежде случившемся), и учит и убеждает: если (Бог) призвал в царство, то должно переносить все. Мы молим не о том, чтобы вы дали нам что-нибудь, но о том, чтобы вы получили царство небесное.

«Посему и мы непрестанно благодарим Бога, что, приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не как слово человеческое, но как слово Божие, – каково оно есть по истине, – которое и действует в вас, верующих» ([1Фес.2:13](#)). Нельзя сказать, говорит он, что мы одни поступали во всем безукоризненно, а вы делали нечто несообразное с тем, как мы с вами обращались, потому что вы слушали нас не с таким расположением, с каким слушают людей, но внимали нам так, как будто

наставлял (вас) сам Бог. Откуда это видно? Подобно тому, как он, (ссылаясь) на свои искушения, свидетельства фессалоникийцев и совершенные им дела, доказывает то, что проповедовал не из лести и не ради пустой славы, так и то, что они приняли слово его надлежащим образом, он доказывает искушениями (которым они подвергались). Как бы вы, говорит, стали переносить такие опасности, если бы не внимали словам нашим, как словам самого Бога? Впрочем, посмотри и на доказательство. «Ибо вы, – говорит, – братья, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись, и через это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца» ([1Фес.2:14–16](#)).

2. «Вы, – говорит, – братья, последовали примеру Божьих церквей в Иудее». Утешение великое! Нет ничего удивительного, говорит, если (ваши единоплеменники) с вами так же поступают, как те (иудеи) со своими единоплеменниками. Но если и иудеи решились с терпением перенести все, то это служит немаловажным доказательством того, что проповедь истинна. «И вы то же, – говорит, – претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев». Говоря: и те во Иудеи, он хочет сказать нечто особенное, именно указывает на то, что (иудеи) повсюду радовались тому, что подвизались. Поэтому-то и говорит: «вы то же претерпели». И опять, что удивительного, если они с вами (так поступали), когда дерзнули восстать против самого Господа? Видишь, как (апостол) ввел то, что содержит в себе великое утешение? И к этой мысли он постоянно возвращается, так что, при внимательном исследовании, во всех почти посланиях найдешь, как он, говоря об искушениях, всегда, каким бы то ни было образом, упоминает о Христе. Вот и здесь, обвиняя иудеев, приводит им на память Господа и страдания Господни. До такой степени уверен был он, что в этом заключается величайшее утешение! «Которые убили и Господа», – говорит он. Но, может быть, иудеи не познали Его? Напротив, они знали Его очень хорошо. Да что? Не они ли убили и камнями побили своих пророков, которых писания повсюду носят с собою? Конечно, они поступали так не из любви к истине. Итак, он не только предлагает утешение в искушениях, но и убеждает не думать, будто иудеи так поступают из любви к истине, и не смущаться этим. «И нас, – говорит, – изгнали», – т. е. и мы претерпели от них бесчисленные напасти. «И Богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют

нам говорить язычникам, чтобы спаслись». «Противятся, – говорит, – всем человекам». Каким образом? Таким, что если должно проповедовать всей вселенной, а они препятствуют, то они общие враги вселенной. Они убили Христа и пророков, оскорбляют Бога; они – общие враги вселенной; они и нас, пришедших на дело спасения, гонят; что же удивительного, если они поступили и с вами так же, как и в Иудее? «Препятствуют нам, – говорит, – говорить язычникам, чтобы спаслись». Подлинно, (одной) зависти свойственно препятствовать спасению всех. «И через это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца». Не будет уже более того, что было прежде, не будет возврата, не будет предела, наступает гнев неизбежный. Из чего же это видно? Из предсказания Христова. Ведь утешительно не только иметь соучастников в скорбях, но и слышать о казни своих притеснителей. Если же опечаливает их замедление (грядущего гнева), то да послужит утешением то, что притеснители уже более не восстанут. При том, сказав слово: «гнев», (апостол) сократил даже самое замедление, снова показывая, что он (гнев) должен последовать, так как предназначен и предсказан.

«Мы же, братия, быв разлучены⁴ с вами на короткое время лицом, а не сердцем, тем с большим желанием старались увидеть лице ваше» (1Фес.2:17). Не сказал: разлучившись, но: «осиротевши», что гораздо сильнее. Выше говорил о лести, доказывая, что не льстит, что не ищет славы; здесь говорит о любви. Так как выше сказал: «как отец детей, как кормилица», то здесь говорит и другое: «осиротевши», что свойственно детям, ищущим родителей. Да при том, они ли осиротели? Не они, говорит, а мы. В самом деле, кто исследовал это чувство, (тот знает), что подобно тому, как малые дети, беззащитные, подвергшиеся безвременному сиротству, сильно тоскуют о своих родителях, не в силу самой природы только, но и вследствие одиночества, – так точно и мы. Этим он показывает и печаль свою, в которой находился по причине разлуки. И того, говорит, нельзя сказать, чтобы мы разлучены были на продолжительное время, но – ко времени, и при том только «лицом, а не сердцем»: ведь мы всегда имеем вас в мысли. Смотри, какая любовь! Хотя всегда имел их в сердце, но желал и личного их присутствия. Не говори мне, что это излишнее мудрствование. Воистину, таково свойство пламенной любви, что она желает и видеть, и слушать любимых, и говорить с ними; и это много содействовало (появлению такого желания). «С большим, – говорит, – желанием». Что же значить – «с большим»? Полагать можно – или то, что мы весьма дорого ценим вас, или, как вероятно, то, что мы, разлучившись на короткое время, старались опять ви-

деть ваше лицо. Смотри, как блаженный Павел, не имея возможности сам лично исполнить свое желание, исполняет его через других; так, посылая Тимофея к филиппийцам и опять его же к коринфянам, он пребывает с ними при посредстве других, когда не может быть лично. Он любил как бы до исступления, и в чувствах дружества был неупорядочен и неукротим. «Очень хотели прийти к вам». Таково свойство любви! Впрочем, говорит, я не нахожу никакого к тому другого побуждения, кроме того, чтобы видеть вас. «И потому мы, я Павел, и раз и два хотели прийти к вам, но воспрепятствовал нам сатана» (1Фес.2:18).

3. Что ты говоришь? «Воспрепятствовал сатана»? Так точно, потому что это не было дело Божие. В послании к римлянам он говорит, что Бог воспрепятствовал (Рим.15:22); и Лука в одном месте говорит, что не допустил их Дух идти в Асию (Деян.16:6); и к коринфянам говорит, что это было дело Духа, – и только здесь, что это дело сатаны. Какое же он разумеет препятствие от сатаны? Какие-нибудь внезапные и сильные искушения. «Когда же, – говорится, – по случаю возмущения, сделанного против него Иудеями», он удерживаем был в Элладе три месяца (Деян.20:3). Но иное дело медлить ради устройства чего-нибудь, и при том добровольно, и иное вследствие препятствий. Там именно (апостол) говорит: «Ныне же, не имея *такого* места в сих странах» (Рим.15:23), и: «щадя вас, я доселе не приходил в Коринф». (2 Кор.1:23). Здесь же он не говорит ничего такого, – а что? «Сатана препятствовал». «Я Павел, – говорит, и раз и два». Смотри, какое он обнаруживает честолюбие, как хвалит себя, когда хочет показать, что он любил их больше всех. Говорит: «Я Павел», вместо того, чтобы сказать: я не как другие; другие только желали придти к вам, а я и решался. «Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли пред Господом нашим Иисусом Христом в пришествие Его?» (1Фес.2:19)? Одни ли македоняне упование твое, скажи мне, блаженный Павел? Не одни они, отвечает. Поэтому-то он присовокупил: «Не и вы ли? Ибо кто, – говорит, – наша надежда, или радость, или венец похвалы»? Не узнаете ли (здесь) языка женщин, пламенеющих нежнейшею любовью, и разговаривающих с малыми детьми? «Или венец, – говорит, – похвалы». Одного слова: «венец» ему недостаточно было, чтобы показать блеск (своего украшения), но еще присовокупил и – похвалы. Какая пламенность! Мать и отец, сойдясь вместе и слив свою любовь, никогда не могли бы выразить любви своей наравне с Павлом. «Радость, – говорит, – или венец», – т. е. я более, говорит, радуюсь о вас, нежели о венце. И подлинно, представь, насколько возможно, всю Церковь, насажденную и утвержденную Павлом: кто бы не

возрадовался о таком ее многочадии и благочадии? И так, и это не лесть; он не просто сказал: «вы», но: «и вы» вместе с другими. «Ибо вы – слава наша и радость!» (1Фес.2:20). «И потому, не терпя более, мы восхотели остаться в Афинах одни – это сказал он вместо: мы решились. И послали Тимофея, брата нашего и служителя Божия и сотрудника нашего в благовествовании Христовом» (1Фес.3:1, 2). И это говорит, не Тимофея возвышая, а им воздавая честь тем, что послал к ним сотрудника и служителя благовествования, говоря как бы так: отвлекши от дел, мы послали к вам служителя Божия и споспешника нашего во благовестии Христовом. Потом показывает и причину: «чтобы никто не поколебался в скорбях сих: ибо вы сами знаете, что так нам суждено» (1Фес.3:3). Что здесь говорит (апостол)? Так как искушения учителей смущают учеников, а он тогда находился среди многих искушений, как и сам говорит: «сатана нам препятствовал», – то говорит это для их ободрения. Смысл его слов такой: и раз и два хотел я идти к вам, но не мог, потому что встречалось много препятствий. И это, вероятно, смущало их, так как ученики смущаются не столько от собственных искушений, сколько от искушений учителей, подобно тому, как воин не столько приходит в смущение от своих собственных искушений, сколько тогда, когда увидит раненым своего вождя. «Укрепить вас», – говорит. Следовательно, посылал Тимофея для того, чтобы они не смущались, а не потому, что будто заметил какой-либо недостаток в вере их, или нужду научить их чему-либо. «Утвердить вас и утешить в вере вашей, чтобы никто не поколебался в скорбях сих: ибо вы сами знаете, что так нам суждено» (1Фес.3:3–4). Не должно, говорит, смущаться, потому что ничего необыкновенного и неожиданного не случается с нами. И этого довольно было для ободрения их. Видишь ли, что и Христос для того же предсказывал ученикам Своим? Послушай, в самом деле, что говорит Он: «И вот, Я сказал вам о том, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется» (Ин.14:29). Много, поистине много (служит) к утешению учеников, когда они слышат от наставников о том, что с ними случится. Как больной, если наперед услышит от врача, что с ним будет то и то, не слишком смущается; а если случится с ним что-нибудь неожиданно, так что и сам врач приходит в недоумение, и болезнь превышает его искусство, то больной тоскует и смущается, – так и здесь. Павел, предвидя это, предсказал им: «будем страдать, – говорит, – как и случилось, и вы знаете». Не о том только говорит (апостол), что случилось, но и о том, что он предсказывал многое другое, что также сбылось. «Так нам суждено». Следовательно, не только прошедшими искушениями не должно тревожиться и беспокоиться, – а это и значит:

смущаться, – но и будущими, если бы таковые случались. «Так нам суждено».

4. У кого из нас есть уши слышать, пусть слышит: на это предназначен христианин. «Так нам суждено», – (апостол) говорит о всех верующих. «Так нам суждено», – а мы, точно предназначенные к неге, избегаем страданий. Почему же однакож мы избегаем страданий? В самом деле, нас не постигло ни время скорби, ни искушение, кроме как человеческое ([1 Кор.10:13](#)). Благовременно и к вам сказать: «Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха» ([Евр.12:4](#)); или лучше, не это благовременно к вам сказать, – а что? То, что вы еще не отрешились от привязанности к имуществу. Тем (евреям), которые лишились всего своего достояния, действительно, уместно было сказать это; но тем, которых имение цело, скажу следующее: у кого из вас разграблено имущество за Христа? Кто бит был палицами? Кто обижен, даже словами? Чем ты можешь похвалиться? На что можешь надеяться? Христос столько претерпел за нас «бывших некогда отчужденными и врагами» ([Кол.1:21](#)); а мы на какие можем указать страдания, которые претерпели за Него? Страданий за Него мы не переносили никаких, между тем блага, которые получаем от Него, бесчисленны. Откуда у нас возьмется дерзновение в «оный день» ([2 Тим.1:18](#))? Ужели вы не знаете, что и воин тогда только может заслужить внимание царя, когда покажет ему множество ран и язв? Если же не может показать ни одного отличного подвига, то, хотя бы не нанес никакого оскорбления, будет считаться в ряду последних. Но теперь, скажут, не время брани. А если бы оно было, то, скажи мне, кто бы стал сражаться? Кто бы напал (на врагов)? Кто бы разогнал полчище? Вероятно, никто. В самом деле, когда я вижу, что ты не презираешь имущества для Христа, то как я поверю тебе, что ты ни во что вступишь язвы? Скажи, благодущны ли вы к оскорбляющим вас и благословляете ли их? Ты этого не делаешь и не повинешься. Ты не делаешь того, что не соединено с опасностью: будешь ли переносить, скажи мне, удары, причиняющие столь великую боль и скорбь? Ужели вы не знаете, что во время мира надобно упражняться в военном искусстве? Не видите ли, как эти воины и тогда, когда вовсе не угрожает война, а царствует глубокий мир, вычистивши оружие, вместе с своими вождями, обучающими их военному искусству, почти каждый день выходят на открытые и широкие поля, и с величайшим тщанием упражняются в военном деле? Делал это кто из воинов духовных? Ни один. Вот почему на войне мы робки и нерадивы, и всякий удобно может нас захватить в плен. И какое безрассудство не считать настоящего времени временем войны, когда Павел взывает: «Все,

желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» ([2 Тим.3:12](#)), и когда сам Христос говорит: «В мире будете иметь скорбь» ([Ин.16:33](#)), и когда тот же блаженный Павел громогласно взывает: «Наша брань не против крови и плоти», и еще: «станьте, препоясав чресла ваши истиною» ([Ефес.6:12, 14](#))? И никто из них не сказал тогда: зачем ты нас вооружаешь, когда нет войны? Зачем понапрасну налагаешь на нас труды, – облакаешь воинов в броню, когда можно покоиться и отдыхать? А если бы кто сказал так, то получил бы в ответ: тогда-то особенно и нужно заботиться о войне, когда ее еще нет. В самом деле, кто заботится о войне во время мира, тот страшен будет и во время войны; а кто неопытен в военном деле, тот и во время мира больше будет тревожиться. Почему? Потому что он станет плакать над своим имуществом и жалеть, что не в состоянии защитить его, так как имущество человека робкого, неопытного и непривыкшего к сражениям принадлежит всякому храброму и умеющему воевать. Итак, во-первых, я вооружаю вас по этой причине, а потом – потому, что все время нашей жизни есть время борьбы. Как и каким образом? Дьявол нападает всегда. Послушай, что о нем сказано: он «ходит, рыкая как лев, желая поглотить» ([1 Пет.5:8](#)). На нас устремляется бесчисленное множество плотских страстей, которые нам необходимо указать (здесь), чтобы напрасно не обольщаться. Скажи мне: что не ведет войны с нами? Богатство, красота, удовольствие, сила, власть, зависть, слава, высокомерие? Против нас воюет не только наша собственная слава, препятствуя нам нисходить до смиренномудрия, но и слава других, возбуждая в нас зависть и ненависть. А что сказать про противоположные (состояния): бедность, незнатность, бесславие, уничижение, совершенное бессилие? Но это (зарождается) в нас; а со стороны других людей (восстают против нас) злоба, коварство, козни, клеветы, бесчисленные обманы. Тоже и со стороны демонов: начальства, власти, миродержители тьмы века сего, духи злобы. Иными бываем в радости, иными – в печали; то и другое может отклонять от прямого пути, равно как и здоровье и болезнь. Откуда не дается повода к греху? Если хотите, я, начав и от Адама, расскажу вам с начала? Что погубило первозданного? Удовольствие, яства и страсть любоначалия. Что – следующего за ним сына его? Зависть и ненависть. Что современников Ноя? Плотские удовольствия и происходящие от них пороки. Что – сына его? Наглость и дерзость. Что – содомлян? Наглость, распутство и пресыщение ([Иез.16:49](#)). А часто и бедность производит это. Вот почему один мудрец сказал: «нищеты и богатства не давай мне» ([Прит.30:8](#)). Вернее сказать – не богатство и не бедность, а наша воля, которая не умеет пользоваться ни тем, ни другим.

«Знай, – говорит мудрый, – что ты посреди сетей идешь» ([Сир.9:18](#)).

5. Чудно сказал блаженный Павел: «Так нам суждено». Не сказал просто: мы терпим искушения, но: «Так нам суждено», вместо: мы на это родились. Это наш долг, это наша жизнь, – и ты ищешь покоя? Перед тобой нет палача, терзающего ребра твои и принуждающего принести жертву; но стоит перед тобой сильное желание богатства и корыстолюбие, исторгающее у нас глаза. Никакой воин не возжег для нас костра, и не положил нас на (раскаленную) решетку; но разжжение плотское сильнее того воспалит душу. Не предстоит царь, обещающая бесчисленные блага и угрожая муками; но предстоит неистовая страсть к славе, которая сильнее его прельщает нас. Подлинно (нам предстоит) великая, и очень великая борьба, если мы захотим бодрствовать: и настоящее время имеет венцы. Послушай, что говорит Павел: «А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его» ([2 Тим.4:8](#)). Если ты лишился сына любимого, единокровного, воспитанного в великом богатстве, подававшего о себе добрые надежды, и единственного твоего наследника, то не сокрушайся, но благодари Бога, и прославляй взявшего (его), и в этом отношении ты будешь ничем не ниже Авраама: как тот отдал сына Богу, когда Он повелел, так и ты не сокрушался, когда Он взял у тебя.

Ты впал в тяжкую болезнь, и многие приходят к тебе и убеждают унять боль – одни заговорами, другие привязками, третьи иным чем-либо? Но ты, ради страха Божия, перенес (болезнь) мужественно и непоколебимо, и решился лучше претерпеть все, нежели позволить сделать что-нибудь идольское? Это доставляет тебе мученический венец; и не сомневайся в этом. Как это и каким образом? Я скажу тебе. Как тот мужественно переносит боль, причиняемую пытками, чтобы не поклониться кумиру, так и ты переносишь страдания, причиняемые болезнью, чтобы только не нуждаться ни в чем таком, что она предлагает и не исполнять ее повелений. Но первые (страдания) сильнее? Зато последние продолжительнее; следовательно, равносильны. А часто даже последние бывают сильнее. В самом деле, скажи мне, когда внутренний жар мучит и палит, и ты, несмотря на убеждения других, отверг нашептывания, то не мученический ли венец возложил на себя? Еще: лишился кто-нибудь денег? Многие советуют идти к гадалкам; но ты, по страху Божию, так как это запрещено, решился лучше не получить денег, нежели преступить заповедь Божию? Ты имеешь равную награду с тем, кто раздал деньги бедным. Если, лишившись (денег), ты будешь благодарить (Бога) и, имея возможность идти к гадалкам, решишься

лучше не получить их, нежели получить таким образом, то равную будешь иметь прибыль с тем, кто расточил их для Бога. Ведь как этот, по страху Божию, раздал их нуждающимся, так и ты, по страху же Божию, не получил их обратно от похитивших. В нашей власти и обижать себя самих и не обижать; а другой никто не властен. И если хотите, мы объясним это самым (случаем с) воровством. Вор проломал стену, вломился в сокровищницу, унес многоценные золотые (сосуды) и дорогие камни, словом: все сокровище похитил, – и не был пойман. Случай неприятный, по-видимому наносящий вред, но на самом деле нет, – и от тебя зависит обратить это или во вред, или в прибыль. Но каким образом, скажут, это может быть прибылью? Попытаюсь показать, каким образом. Если ты хочешь, будет великою прибылью, а если не хочешь, будет вредом, тягчайшим прежнего. Подобно тому, как между художниками опытный в искусстве употребляет данное вещество как должно, а неопытный только портит и делает себе убыток, так бывает и в (подобного рода) обстоятельствах. Итак, каким образом будет прибылью? Если ты будешь благодарить Бога, если не будешь горько плакать, если будешь говорить словами Иова: «наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял» ([Иов.1:21](#)). Что ты говоришь: «Господь взял»? Вор взял: и как же, говоришь, ты можешь сказать: «Господь взял»? Не удивляйся. И Иов о том, что отнял дьявол, говорил: Господь взял. Если же он дерзнул так сказать, то как же не сказать тебе, что Господь взял то, что взял вор? Скажи мне, кому ты (более) удивляешься? Тому ли, кто истощил свое имение на бедных, или Иову – за эти слова. Ужели он, не подавая тогда (т. е. среди страданий) милостыни, заслуживает менее в сравнении с тем, кто подавал? Не говори: я не заслуживаю милости; это случилось не по моей воле; вор взял, когда я и не знал, и не хотел того; какая будет мне награда? И у Иова взял, когда он не знал и не хотел. Тем не менее он совершил подвиг. И тебе можно получить такую же награду, какую получил бы ты, раздав свое имущество добровольно. И мы по справедливости более удивляемся тому, кто переносит обиды с благодарением, нежели тому, кто добровольно раздает (имение). Почему? Потому что один находит утешение в похвалах и (в свидетельстве своей) совести и имеет благие надежды, и, когда уже наперед мужественно решился на то, чтобы лишиться денег, тогда жертвует ими; а другой, будучи еще привязан к деньгам, насильно лишен был их. А не все равно, наперед решившись оставить деньги, потом расточить их, и лишиться, еще владея ими. Если ты будешь говорить те же слова, какие Иов, то получишь блага, гораздо большие и важнейшие, нежели он. Он получил вдвое здесь;

а тебе Христос обещал воздать сторицею. Ты, по страху Божию, не богохульствовал, не прибегал к гадалеям, воздавал благодарение (Богу), претерпевая обиды? Ты уподобился тому, кто презирает (свое богатство), так как этого не было бы с тобою, когда бы ты наперед не презрел его. При том не одно и то же презирать деньги, по долговременном размышлении, и перенести лишение, внезапно случившееся. Так потеря обращается в прибыль, и дьявол не только не повредит тебе, но еще послужит к пользе.

6. Но когда происходит тяжкий вред? Тогда, когда ты причиняешь вред (своей) душе. В самом деле, скажи мне, вор лишил тебя денег? Но для чего ты сам себя лишаешь спасения? Для чего, жалуясь на обиды, которые терпишь от других, сам себя ввергаешь в большие напасти? Вор, может быть, поверг тебя в бедность; а ты, как злодей, вредишь себе в деле, особенно важном для тебя. Он лишил тебя внешних благ, которые впоследствии и против твоей воли оставили бы тебя; а ты отнимаешь у себя вечное богатство. Опечалил ли тебя диавол, отнявши деньги? Опечаль и ты его, воздав (Богу) благодарение, и не дай ему порадоваться. Если ты ходил к гадалеям, то возвеселил его; если возблагодарил Бога, то нанес ему смертельный удар. И гляди, что происходит: несмотря на то, что ты сходишь к гадалеям, ты не найдешь денег, потому что не их дело знать (где твои деньги), а если бы случайно и сказали – где, то ты и свою душу погубишь, и подвергнешься осмеянию своих братьев, и снова дурным образом их (деньги) потеряешь. Демону, зная, что ты равнодушно переносишь потерю (денег), из-за них отрицаешься и Бога, возвращает тебе их опять для того, чтобы вновь иметь повод обольстить тебя. Но не удивляйтесь, если бы и сказали гадалели (где деньги). Демон бестелесен, он всюду обходит, сам он вооружает грабителей, – такие дела происходят не без демона. Следовательно, если он вооружает их, то знает, где прячут (деньги), – ему нельзя не знать своих слуг. Это и неудивительно. Если увидит, что ты скорбишь о потере, то причиняет тебе и другую. Если же увидит, что ты посмеиваешься и презираешь, то уступит с этого пути. Подобно тому, как мы стараемся врагам своим сделать то, что причиняет печаль, и, если увидим, что они не опечаливаются, то, не имея возможности уязвить их, отступаем от них, так и дьявол.

Да что говорить? Разве ты не знаешь, как плывущие по морю не только не заботятся о деньгах во время бури, но даже и бросают, что имеют. И никто не скажет: что ты делаешь, человек? Ты помогаешь буре и кораблекрушению? Прежде нежели волна отняла у тебя богатство, ты сам делаешь это собственными руками? Зачем ты прежде кораблекрушения подвергаешь себя кораблекрушению? Пожалуй, и сказал бы это какой-

нибудь простец, вовсе незнакомый с морскими опасностями; но мореплаватель, хорошо знающий, что производит тишину, и что возбуждает бурю, посмеется над тем, кто говорит такие слова. Я, скажет он, для того-то и бросаю, чтобы не погрузиться в волнах. Так точно и человек, искушенный опасностями и напастями жизни, когда видит наступающую бурю и духов злобы, желающих произвести кораблекрушение, бросает и остальные деньги. У тебя случилась покража? Подавай милостыню, и этим ты облегчишь корабль. Тебя ограбили разбойники? Отдай остальное Христу. Таким образом утетишься и в прежней потере. Облегчи корабль, не удерживай оставшегося, чтобы судно не потонуло. Те (мореплаватели), для спасения тел, выбрасывают груз и не дожидаются, пока набежавшая волна опрокинет судно; а ты, для спасения душ, ужели не остановишь кораблекрушения? Сделайте опыт, если не верите, умоляю вас, – сделайте опыт, и узрите славу Божию. Когда постигнет тебя что-либо прискорбное, подай тотчас милостыню, возблаговари (Бога) за то, что случилось, – и ты увидишь, какая радость наполнит душу. Польза духовная, хотя бы и малая, такова, что может покрыть всякий вещественный ущерб. Пока ты имеешь (что-либо) подать Христу, ты богат. Скажи мне, если бы к тебе ограбленному подошел царь и протянул руку, желая что-нибудь принять от тебя: ужели ты не почел бы себя богаче всех, когда и при такой бедности царь не стыдится тебя? Чтобы не быть ограблену, победи только самого себя, – и победишь козни дьявола. Ты можешь получить великую прибыль. Презрим богатство, чтобы не презреть души. А как можно презреть его? Разве вы не знаете, что бывает с прекрасными телами и с теми, которые пленяются ими? Пока они находятся пред глазами, то (в душе) воспламеняется огонь и возгорается яркий пламень; но как скоро кто удалит их от глаз, все погаснет и успокоится. То же бывает и с богатством. Пусть никто не приобретает ни золота, ни дорогих камней, ни ожерельев: находясь перед глазами, они обольщают взор. А если хочешь быть богатым, то подобно древним собирай не золото, а необходимые вещи, чтобы от готового уделять и другим. Не будь пристрастен к украшениям. Такое богатство привлекает козни разбойников и нам причиняет заботы. Не приобретай золотых и серебряных сосудов; но пусть будут у тебя житницы, наполненные хлебом, вином и елеем, не для того, чтобы через продажу получить серебро, а для того, чтобы раздавать нуждающимся. Если мы будем удаляться от этих излишеств, то приобретем небесные блага; которые да получим все мы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки

веков. Аминь.

Беседа 4

[1Фес.3:5–8](#). Посему и я, не терпя более, послал узнать о вере вашей, чтобы как не искусил вас искуситель и не сделался тщетным труд наш. Теперь же, когда пришел к нам от вас Тимофей и принес нам добрую весть о вере и любви вашей, и что вы всегда имеете добрую память о нас, желая нас видеть, как и мы вас, то мы, при всей скорби и нужде нашей, утешились вами, братия, ради вашей веры; ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе.

Попечительность ап. Павла об учениках. – Всякий грех – нечистота и всякая добродетель – чистота. Целомудрие Иосифа. – Не нужно помнить об обидах.

1. Сегодня предстоит нам вопрос, задаваемый многими и выводимый из многих мест (Писания). Какой же это вопрос? «Посему, – говорит, – и я, не терпя более, послал узнать о вере вашей». Что ты говоришь? Ужели тот, кто так много знал, кто слышал неизреченные глаголы, кто восходил до третьего неба, не знал, даже находясь в Афинах, когда и небольшое было расстояние и недавно с ними разлучился, как сам говорит: «быв разлучены с вами на короткое время». Следовательно, и он не знал, что происходило с фессалоникийцами и был вынужден послать Тимофея, чтобы узнать о вере их: «как не, – говорит, – искусил вас искуситель и не сделался тщетным труд наш»? Что ж, если кто и сказал, что и святые не все знали? Что действительно они не все знали, в этом каждый может удостовериться из многих примеров, как древних, так и позднейших. Так Елисей не знал о жене ([4 Цар.4](#)); так Илия говорил Богу: «остался я один, но и моей души ищут» ([3Цар.19:10](#)), и потому услышал от Бога: «оставил между Израильтянами семь тысяч [мужей]» ([3Цар.19:18](#)); так опять Самуил, посланный помазать Давида, говорит: «Господь сказал Самуилу: не смотри на вид его и на высоту роста его; Я отринул его; Я *смотрю не так*, как смотрит человек; ибо человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце» ([1Цар.16:7](#)). И это бывает по особенному попечению Божию. Для чего и каким образом?

И для самих святых и для верующих в них. Подобно тому, как Бог попускает, чтобы были гонения, так и не дает им (святым) знать о многом, чтобы они смирились. Потому-то и Павел говорил: «дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» ([2 Кор.12:7](#)). Опять же для того, чтоб и другие не слишком много о них

воображали. В самом деле, если их считали богами из-за чудес, то тем более (так думали бы об них), если бы они всегда все знали. И об этом сам же (Павел) опять говорит: «чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня». ([2 Кор.12:6](#)). Еще послушай, что говорит Петр, когда он исцелил хромого: «что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит» ([Деян.3:12](#))? Если же, несмотря на то, что они так говорили и действовали, и при том в то время, когда они совершали немногие и маловажные чудеса, рождались о них неправые толки, то тем более (это могло случиться) при великих чудесах. Это было допускаяемо и по другой причине. Именно, чтобы кто-нибудь не сказал, что они, как будто перестав быть людьми, совершали те подвиги, которые совершали, и чтобы оттого не предались все беспечности, – Бог являет, что и они немощны, чтобы чрез это у желающих оставаться в заблуждении отнять всякий предлог к бесстыдству. Вот почему (Павел) не знает; вот почему, и после многократных обещаний (придти), не приходит, чтобы узнали, что и он многого не знал. От этого немалая была польза. Ведь были, еще и такие, которые утверждали, что он – великая сила Божия, другие же говорили, что он такой-то и такой. Если бы этого не было (в Павле), то чего бы еще не подумали? Таким образом, хотя это и кажется в них (святых) недостатком, но если кто тщательно вникнет, для того ясно откроется и дивная сила их, и чрезмерность искушения. Каким же образом? Внимай. Если ты (Павел) выше сказал им: «Так нам суждено», и: «чтобы никто из вас не поколебался» – то для чего после этого посылаешь Тимофея, как бы опасаясь, чтобы чего не случилось вопреки твоему желанию? Но он делает это от избытка любви: любящие от пламенной ревности опасаются и за то, что безопасно, а это (происходит) от множества искушений. Правда, я сказал: «Так нам суждено»; но чрезмерное множество зол устрашило меня. Потому-то он не сказал, что, заметив в вас нечто худое, посылаю, но – «когда я не мог уже больше терпеть», что собственно происходило от любви. Что значит: «не искусил ли вас искуситель»? Видишь ли, что смущение в скорби есть действие диавола и его коварства? Когда он не может (поколебать) нас самих, то чрез нас колеблет слабейших, – что и служит признаком их крайнего и ничем неизвиняемого бессилия. Так поступил он с Иовом, возбудив (против него) жену. «Похули, – сказала она, – Бога и умри». ([Иов.2:9](#)). Смотри, в какое искушение ввел ее. Но почему (апостол) не сказал: поколебал, а: «искусил»? Потому, говорит, что я опасался только, не подвергались ли вы искушению. Искушения от диавола он не называет колебанием, потому что тот только поколебался,

кто уже принял обаяние его. О, как велика сердобольность Павлова! Он не заботился о скорбях и наветах (которым сам подвергался). А я думаю, что в это время он там находился (среди искушений), так как Лука говорит, что в Элладе он пробыл «пробыл он три месяца. Когда же, по случаю возмущения, сделанного против него Иудеями» ([Деян.20:3](#)).

2. Итак, он заботился не об опасностях, ему (угрожавших), но об учениках. Видишь ли, что он превзошел всякого отца по плоти? Мы в скорбях и опасностях перестаем помнить обо всех, а он так боялся и трепетал за детей, что даже того, кто был единственно для него утешением – Тимофея, сообщника и споспешника своего, послал к ним, (находясь сам) посреди опасностей. «И не сделался тщетным, – говорит, – труд наш». Почему? Ведь если бы они и совратились, то не по твоей вине, не по твоему нерадению. Но все же и в этом случае, по причине сильной братской любви, я считал бы труд мой потерянным. «Чтобы как не искусил вас искушитель». Он искушает, не зная, одолеет ли. Но хотя бы он наступал и не зная, а мы знали бы, что мужественно преодолеем, – ужели мы не должны трезвиться? А что нападает на нас, не зная (одолеет ли), это показал на Иове. Злой тот дух говорил Богу: «Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но прости руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?» ([Иов.1:10, 11](#)). Искушает и, если видит нечто слабое, нападает, а если – сильное, отступает. «И не сделался ли тщетным, – говорит, – труд наш». Послушаем все, как трудился Павел. Не сказал: «дело», но: «труд»; не сказал: и вы погибнете, но: «труд наш». Поэтому, если бы что-нибудь и случилось, то (случилось бы) то, что было вероятным; но так как не случилось ничего, то большое диво. Мы, говорит, ожидали того, а случилось противное. Мы не только не получили от вас никакого усиления печали, но даже утешение. «Теперь же, – говорит, – когда пришел к нам от вас Тимофей и принес нам добрую весть⁵ о вере и любви вашей. И добрую весть», – говорит. Видишь ли великую радость Павла? Не сказал: «возвестил», но: «благовествовал», «принес добрую весть» – столь великим благом он считает их твердость в вере и любовь! И необходимо, чтобы усиливалась последняя, когда пребывает непоколебимою первая. Потому он и радовался о любви их, что она была признаком их веры. «И что, – говорит, – вы всегда имеете добрую память о нас, желая нас видеть, как и мы вас», – то есть с похвалами. Не только когда мы находились у вас и когда совершали чудеса, но и теперь, когда мы пребываем вдали от вас, терпим побои и переносим бесчисленные

бедствия, вы имеете о нас добрую память. Послушайте, как восхваляют и как убаживают учеников, сохраняющих добрую память о своих наставниках. Будем подражать им: (чрез это) мы доставим пользу себе самим, а не тем, которых любим. «Желая, – говорит, – нас видеть, как и мы вас» . И это их радовало. Для любящего ведь весьма приятно и утешительно, если любимый знает, что он любим. «То мы, при всей скорби и нужде нашей, утешились вами, братия, ради вашей веры; ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе». Что может сравниться с Павлом, который спасение ближних считал за свое собственное, имея такое же отношение ко всем, какое тело к членам? Кто бы мог ныне говорить таким языком? Или лучше: кто бы мог когда-либо помыслить так? Он не хотел, чтобы они изъявляли благодарность ему за перенесенные им ради их искушения; но им изъявляет благодарность за то, что не поколебались по причине искушений, с ним случившихся, говоря как бы так: вам предстояло более опасности от искушений, чем нам; вы более подвергались искушениям, нежели мы, – хотя вы и не страдали во время страданий наших. С тех пор, говорит далее, как Тимофей принес нам радостную весть, мы не чувствуем никакой горести, но «при всей скорби и нужде нашей, утешились вами», и не в скорби только, но и «при нужде» говорит. И подлинно, доброго учителя ничто не может смутить до тех пор, пока дела учеников текут по желанию его. «Утешились вами», т. е. вы нас подкрепили. Между тем, было наоборот, так как то, что они не изнемогли от страданий, а мужественно перенесли их, содействовало укреплению учеников. Но Павел представляет все с противоположной стороны, и обращает это в похвалу им: вы, говорит, нас умастили, вы нам дали вздохнуть, вы не допустили нас до того, чтобы мы чувствовали искушения. И не сказал: мы воодушевились, не сказал также: мы утешились, – а что же? Мы «теперь живы», показывая этим, что и искушением и смертью для себя считает не иное что, как их преткновение, почему и жизнью (считает для себя) их преспеяние. Каким образом кто-либо иной высказал бы (так) и печаль о немощи учеников, и радость? Не сказал: радуемся, но: «ибо теперь мы живы», разумея жизнь будущую.

3. Итак, без этого жизнь не считаем жизнью. Таковы должны быть расположения наставников и учеников, – и тогда не будет ничего неуместного. Потом, распространяя эту мысль, смотри, что он говорит: «Какую благодарность можем мы воздать Богу за вас, за всю радость, которою радуемся о вас пред Богом нашим, ночь и день всеусердно молясь о том, чтобы видеть лице ваше и дополнить, чего недоставало вере вашей?» ([1Фес.3:9–10](#)). Вы, говорит, были для нас виновниками не только

жизни, но и великой радости, – столь великой, что мы не в силах и возблагодарить достойно Бога. Успех ваш мы считаем, говорит, даром Божиим. Вы столько облагодетельствовали нас, что мы считаем это (делом совершившимся) по внушению Божию, или лучше – делом самого Бога, так как столь возвышенные чувствования несвойственны человеческой душе и заботливости. «Ночь и день всеусердно молясь». И это признак радости. Как земледелец, слыша о своем поле, которое он возделал, что оно изобилует плодами, нетерпеливо желает видеть сам то, что ему доставляет такое удовольствие, так и Павел – Македонию. «Ночь и день всеусердно молясь». Заметь гиперболу! «Чтобы видеть лице ваше и дополнить, чего недоставало вере вашей». Здесь возникает важный вопрос. Если ты теперь жив, потому что (фессалоникийцы) устояли, и Тимофей благовестил тебе их веру и любовь, и ты исполнен столь великой радости, что не можешь достойно возблагодарить Бога, – то как здесь говоришь ты о недостатке в их вере? Те слова не составляют ли лести? Никак, – да не будет! Выше он свидетельствовал, что они оказали великие подвиги и не менее перенесли, чем и церкви, находящиеся в Иудеи. Что же это значит? То, что они еще не всем учением воспользовались и не всему научились, чему надлежало научиться; и это он поясняет к концу (послания). А быть может, между ними были и состязания о воскресении, и много было таких, которые смущали их уже не искушениями и опасностями, но тем, что выдавали себя за учителей. Это-то он и называет: «недостаток веры», – и потому-то и выразился таким образом; не сказал: «утвердить», но: «дополнить». Когда он страшился за самую веру, то «послал, – говорит, – Тимофея утвердить вас»; а здесь говорит: «дополнить, чего недоставало вере вашей», что более относится к научению, нежели к утверждению, подобно тому, как и в другом месте говорит: «да усовершит вас во всяком добром деле» ([Евр.13:21](#)). Совершенное же – то, чему не достает немногого, и оно восполняется.

«Сам же Бог и Отец наш и Господь наш Иисус Христос да управит путь наш к вам. А вас Господь да исполнит и преисполнит любовью друг к другу и ко всем, какую мы исполнены к вам» ([1Фес.3:11, 12](#)). Молиться не только внутренно, но и излагать молитву в послании, это – свойство чрезвычайной любви, свойство души пламенной и поистине непреоборимой, а также свидетельство о том, что молитвы приносились за них и там (в Элладе), и вместе оправдание в том, что они не пришли не по собственному произволу или нерадению. Он говорит как бы так: сам же Бог да прекратит искушения, отовсюду препятствующие нам иметь прямой к вам путь. «А вас Господь да исполнит и преисполнит». Видишь ли

неудержимый порыв любви, выражающийся в этих словах? «А вас Господь да исполнит, – говорит он, – и преисполнит» – вместо: да возрастит. Как бы с преизбытком, так можно сказать, он желает быть любимым от них. «Какою, – говорит, – мы исполнены к вам», т. е. с нашей стороны уже есть (любовь к вам); желаем, чтобы была и с вашей. Видишь, куда хочет распространить эту любовь? Не только друг к другу, но и ко всем. В том поистине обнаруживается любовь по Богу, что (она стремится) обнять собою всех. Если же ты одного любишь, а другого нет, то твоя любовь – человеческая. Но наша не такова. «Какою мы исполнены к вам, чтобы утвердить сердца ваши непорочными во святые пред Богом и Отцем нашим в пришествие Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его» ([1Фес.3:13](#)). Показывает, что эта любовь приносит пользу им самим, а не тем, которых любят. Хочу, говорит, чтобы эта любовь преизбыточествовала настолько, чтобы не было никакого порока. Не сказал: утвердить вас, но: «сердца ваши, – из сердца исходят злые помыслы» ([Мф.15:19](#)). Можно быть злым, не делая никакого зла, как-то: иметь ненависть, неверие, быть коварным, радоваться несчастьям, быть недружелюбным, держаться превратного учения: все это – дело сердца. Быть чистым от всего этого составляет святость. Правда, святостью главным образом и по преимуществу называется целомудрие, так же как и нечистотою блуд и прелюбодеяние; но, вообще, всякий грех есть нечистота, и всякая добродетель чистота: «Блаженны, – говорит (Спаситель), – чистые сердцем» ([Мф.5:8](#)), разумея под чистыми чистых по всему.

4. Знаю, что и другие пороки не менее оскверняют душу. Что (вообще) порок оскверняет душу, послушай, что говорит пророк: «Смой злое с сердца твоего, Иерусалим» ([Иер.4:14](#)), и еще: «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши» ([Ис.1:16](#)). Не сказал – (перестаньте) блудодеяния, потому что не один блуд, но и прочие пороки оскверняют душу, «чтобы утвердить сердца ваши непорочными во святые пред Богом и Отцем нашим в пришествие Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его». Судиею тогда будет Христос; но мы не пред Ним, а и пред Отцом будем предстоять во время суда. Или здесь (апостол) разумеет то, что нам должно быть непорочными пред Богом, о чем и я всегда говорю, что именно – не пред лицом людей, а пред лицом Божиим, – в этом и состоит истинная добродетель. Итак, любовь делает непорочными, и при том воистину непорочными делает она. И когда я некоторому человеку однажды изъяснял это и говорил, что любовь делает нас непорочными, и что любовь к ближнему заграждает всякий вход греху, равно и о многом

другом подробно рассуждал и говорил, – тогда один мой знакомый, подошедши ко мне, сказал: „а что же блуд? Разве нельзя и любить и блудодействовать? Ведь и это происходит от любви. Любостязание, прелюбодеяние, зависть, коварство и прочее тому подобное может удалить нас от любви к ближним; но блуд каким же, говорит, образом?» Я сказал, что любовь может отсечь и это. Кто полюбит распутную женщину, тот будет стараться удалять ее и от других мужчин и сам не предаться греху с нею. Поэтому только тому, кто весьма ненавидит блудницу, свойственно творить с нею блуд, а истинно любящему ее – отклонять ее от этого постыдного дела. И нет, решительно нет ни одного греха, которого бы, подобно огню, не истребляла сила любви. Удобнее слабому хворосту устоять против сильного огня, нежели естеству греха против силы любви. Возрастим же эту любовь в душах своих, чтобы стать со всеми святыми. Ведь и они все благоугодили (Богу) любовью к ближнему. Отчего Авель убит, а не убил? Конечно оттого, что, сильно любя брата, не мог и помыслить об этом. Откуда Каин воспринял яд зависти? Впрочем я не хотел бы называть его и братом Авеля, так как не утвердился в нем незыблемо основания любви. Чем заслужили похвалу два сына Ноевы? Не тем ли, что сильно любили отца и не могли видеть наготы его? А за что один подпал проклятию? Не за то ли, что не любил? Чем также Авраам прославился? Не любовь ли, с какою он заботился о племяннике, и тем, что ходатайствовал о содомлянах? Святые были весьма любвеобильны и сострадательны. Представь, как размягчается от любви Павел, даже огонь ни во что вменявший, адамантовый, твердый, непоколебимый, всегда сильный, проникнутый страхом Божиим, непреклонный! «Кто, – говорит он, – отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» ([Рим.8:35](#))? Но и он, который так дерзает против всего этого и на суше и на море, который посмеивается, и адамантовым вратам ада, которого решительно ничто не останавливало, – этот адамант, когда увидел слезы некоторых возлюбленных, до того был сокрушен и растроган, что не мог скрыть сильного душевного волнения и тотчас сказал: «что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое» ([Деян. 21:13](#))? Что ты говоришь, скажи мне? Эту адамантову душу могла сокрушить слеза? Да, отвечает, против всего могу устоять, кроме любви. Она одолевает меня и поработает. Так угодно Богу. Бездна вод не сокрушила его, а немногие слезы сокрушили: «что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое?»» Подлинно, велика сила любви! Хочешь ли видеть его опять плачущим? Послушай, что говорит он в другом месте: «три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас»

(Деян.20:31). От великой любви он боялся, чтобы не приключилось какого-либо вреда. И еще: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами» (2 Кор.2:4). Что же Иосиф, скажи мне, этот твердый, устоявший против такого насилия, проявивший столько доблести против такого пламени любви, так славно подвизавшийся и преодолевший такое неистовство госпожи? Что тогда не соблазняло его? И красивое лицо, важность сана, многоценность и великолепие одежд, благовоние ароматов, – ведь и это может разнеживать душу, – слова самые нежные.

5. Вы знаете, что (женщина) любящая, и при том так сильно, не откажется ни от чего унижительного, приняв вид умоляющей (рабыни). До того поражена была страстью эта жена, носящая златотканые одежды и имевшая почти царское достоинство, что припадала может быть к коленам пленного раба, а может быть, и с плачем умоляла его, обнимая колена; и делала это не однажды, не дважды, а много раз. Тогда можно было видеть и ее весьма блестящий взор. Конечно, и украшалась она не кое-как, а с величайшею изысканностью, потому что старалась разными сетями уловить агнца Христова. Прибавь к этому и многие волхвования. И однако этот непреклонный, крепкий, твердый как камень, когда увидел братьев, которые его продали, ввергли в ров, предали, хотели убить, были виновниками его заключения в темницу и возвышения, когда от них услышал слова, опечалившие отца, – скажем, говорится, что он был пожран зверями (Быт.37:20),-поколебался, размягчился, смутился и заплакал, и, будучи не в силах преодолеть душевного волнения, выходя (к братьям), «скрепился» (Быт.43:31), т. е. обтер слезы. Что это? Ты плачешь, Иосиф? Но предстоящее не слез достойно, а гнева и ярости, негодования и строгого наказания и отмщения. У тебя в руках враги, братоубийцы; ты можешь вполне удовлетворить своему гневу. При том, это не будет несправедливостью, потому что не ты начнешь наносить обиды, а (только) отмстишь обидевшим. Не обращай внимания на свой сан: это случилось не по их намерению, а по воле Бога, изливающего на тебя милость Свою. Почему плачешь? Но он сказал бы: не дай Бог, чтобы я, приобрев у всех добрую славу, потерял все это чрез такое памятозлобие. Подлинно, (теперь) время слез. Я не лютее зверей: и те поступают согласно своей природе, какое бы зло ни потерпели. Я плачу, говорит, потому что меня это совершенно растрогало. Будем и мы подражать ему и станем оплакивать обидевших нас, а не гневаться на них, – они подлинно достойны слез, потому что соделывают себя повинными осуждению и наказанию. Я вижу, как вы теперь плачете, как радуетесь, удивляясь Павлу и изумляясь Иосифу, и ублажая (того и другого). Но если кто имеет врага, тот пусть его

теперь приведет себе на память, пусть представит его в уме, чтобы сердце, пока еще оно согревается воспоминанием об этих святых, могло отложить ярость гнева и смягчить свою суровость и жестокость. Знаю, что по выходе отсюда, после того, как я перестану говорить, хотя и останется (в вас) некоторый жар и рвение, но уже не столь сильный, как теперь во время слушания. Итак, если кто покрылся инеем, то пусть отряхнет его. А памятозлобие действительно – иней и лед. Но воззовем к Солнцу правды, будем умолять Его, да ниспошлет лучи Свои и не будет более жестокого инея, а будет вода утоляющая жажду. Если огонь Солнца правды коснется нашей души, то ничего не останется в ней затверделого, ничего жестокого, ничего жгучего, ничего бесплодного. Все явится зрелым, все сладким, все исполненным великой приятности. Если будем любить друг друга, то этот луч низойдет (на нас). Дайте мне (возможность), умоляю, говорить об этом с усердием; пусть я услышу, что вы от этих слов получили некоторую пользу, что кто-нибудь из вас, выйдя отсюда, тотчас простер обе руки своему врагу, обнял его, прижал, облобызал, заплакал! Если бы он был даже зверь, если бы камень, если бы что-нибудь другое, то и тогда он смягчился бы от такого дружелюбия. Отчего в самом деле он твой враг? Поносил тебя? Но не причинил никакой обиды. Не из-за денег ли ты презираешь враждующего брата? «Прости его», – прошу – «прекратим всё». Время в нашем распоряжении, будем пользоваться им, как должно; разорвем греховные узы; прежде нежели предстанем на суд, сами разсудим друг друга. «Солнце, сказано, да не зайдет во гнев вашем» ([Еф. 4:26](#)). Пусть никто не медлит. Замедление производит закоснение. Если промедлишь сегодня, будет больше стыда; еще больше, если отложишь до завтра; несравненно больше, если до послезавтра. Не будем же срамить самих себя, но отпустим, чтобы отпустилось нам. А если отпустится, то мы наследуем все блага небесные во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веков. Аминь.

Беседа 5

[1Фес.4:1-3](#). За сим, братия, просим и умоляем вас Христом Иисусом, чтобы вы, приняв от нас, как должно вам поступать и угождать Богу, более в том преуспевали, ибо вы знаете, какие мы дали вам заповеди от Господа Иисуса. Ибо воля Божия есть освящение ваше.

Чистота в браке. – Не нужно юношам медлить со вступлением в брак.
– Осторожность Златоуста при рассуждении о нескромных предметах.

1. Довольно побеседовав о том, что не терпело отлагательства и было как бы под руками, и затем намереваясь уже приступить к тому, что постоянно (заслуживает внимания) и о чем всегда нужно слушать, (апостол) предпосылает такое слово: «За сим т.е. всегда и непрестанно, просим и умоляем вас Христом Иисусом». Смотри! Он не признает себя даже достойным умолять от своего имени, между тем как кто был в такой мере достоин этого? Он представляет Христа: Богом умоляем вас, говорит, – это именно и значит слово: «о Господе». То же говорил и коринфянам: Бог вас молит чрез нас ([2 Кор.5:20](#)). «Чтобы вы, приняв от нас» Выражение: «приняв» относиться не к словам только, но и к делам. «Как должно вам поступать». Этим указывает на весь образ жизни. «И угождать Богу, более в том преуспевали», т. е. чтобы вы, при умножении усердия, не останавливались на исполнении заповедей, но восходили бы и выше. Это и значит слово: «преуспевали». В предыдущей беседе он хвалит твердость их веры, а здесь научает преуспевать в жизни. Преспеяние же состоит в том, чтобы превосходить заповеди и постановления: тогда уже все совершается не по понуждению от наставника, а по собственной воле. Подобно тому, как земля должна производить не то только, что в нее брошено, так и душа должна не останавливаться на заповедях, ей предложенных, но восходить выше. Видишь ли, как справедливо сказал он – превосходить? Ведь добродетель совмещает в себе две стороны: уклонение от зла и делание добра. Поэтому, чтобы быть добродетельным, не довольно только уклоняться от зла, – в этом состоит начало (совершенства) и как бы путь, ведущий к добродетели; кроме того, еще нужно много усилий. Поэтому, правила касательно того, чего должно избегать, предлагает им в виде повеления. И справедливо, – потому что делание того, чего должно, избегать, влечет за собою наказание, а неделание не заслуживает вовсе похвалы. Между тем дела добродетели, как напр. раздаяние имущества и тому подобные, предлагает уже не в виде

повеления, – а как? «Кто может вместить, да вместит» ([Мф.19:12](#)). Вероятно в этом послании (апостол) напоминает им о том же, о чем говорил уже со многим опасением и страхом, – о святости. Поэтому не излагает самых повелений, а только напоминает им об них. «Ибо вы знаете, – говорит, – какие мы дали вам заповеди от Господа Иисуса. Ибо воля Божия есть освящение ваше». Заметь, что он никогда ни на что иное так часто не намекает, как на это. И в другом месте пишет, заповедует: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» ([Евр.12:14](#)). И что удивляться, если он везде пишет об этом ученикам, когда даже в послании Тимофею сказал: «Храни себя чистым» ([1 Тим.5:22](#))? И во втором послании к коринфянам говорил: «в великом терпении, в постах, в чистоте» ([2 Кор.6:4, 5, 6](#)). И во многих местах можно найти это – и в послании к римлянам, и во всех других посланиях. И подлинно, это зло для всех пагубно. Как свинья, извалявшаяся в грязи, куда бы ни вошла, все наполняет зловонием, и поражает чувство отвратительным запахом, так и блуд; зло это омывается с трудом. Когда же делают это и имеющие жен, то какое это крайнее безумие? «Ибо воля, – говорит, – Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда». Много видов бесчиния, многообразны и многообразны любострастные наслаждения, о которых и говорить несносно. Сказав же: от всякого блуда», оставляет (перечисление видов) знающим. «Чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога» ([1Фес.4:4, 5](#)). «Чтобы каждый из вас, – говорит, – умел соблюдать свой сосуд в святости и чести» Следовательно, надобно учиться, и много, чтобы не предаваться нечистоте. Следовательно, когда сосуд чист, и пребывает в святости, мы владеем им; когда же нечист, тогда владеет им грех. И действительно, – потому что он делает тогда не то, чего мы хотим, но то, что повелевает грех. «Не в страсти похотения», – говорит. Здесь показывает и способ, как должно уцеломудряться, т. е. отсекая страсти похотения. Действительно, и роскошь, и богатство, и лень, и нерадение, и праздность, – все это приводит нас к гнусной похоти. «Как, – говорит, – и язычники, не знающие Бога» ; язычники же таковы потому, что не ожидают будущего наказания. «Чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво» ([1Фес.4:6](#)).

2. Хорошо сказал: «Чтобы ни в чем не поступали». Бог каждому дал жену и положил пределы природе, именно совокупление с одною. Поэтому совокупление с другою есть уже преступление, и разбой, и лихоимство, даже ужаснее всякого разбоя, потому что мы не столько

скорбим тогда, когда похищают у нас деньги, сколько тогда, когда окрадывают брак. Называешь братом, и причиняешь обиду в том, в чем (преимущественно) не должно? Здесь (апостол) говорит о прелюбодеянии, а выше говорил о всяком блуде. Так как он намеревался сказать о том, чтобы не поступать с братом противозаконно и корыстолюбиво, то, предупреждая (ложное толкование), он говорит: не подумай, что я говорю это только о братьях; нет, любодействовать не должно ни с чужими женами, ни с незамужними, и (вообще) не должно иметь жен общих; должно хранить себя от всякого блуда, – почему и прибавляет: «Потому что Господь – мститель за все это». Сперва он умолял, заставлял краснеть, говоря: «Как это делают язычники»; потом посредством доводов показал гнусность дела, употребив выражение: «обманывать брата»; наконец присовокупляет главное: «Потому что Господь – мститель за все это, как и прежде мы говорили вам и свидетельствовали». Делая это, мы не останемся без наказания и не испытаем такого удовольствия, которое бы равнялось ожидающему нас мучению. «Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости» ([1Фес.4:7](#)). Так как он сказал: (Чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно, и присовокупил, что «Господь – мститель», то этими словами внушает, что нанесший обиду не останется без наказания и тогда, когда претерпевший ее будет неверный. Смысл его слов такой: Бог накажет тебя не с целью отомстить за него, но потому, что ты в нем оскорбил самого Бога; Он тебя призвал, а ты Призвавшего оскорбил. Поэтому (апостол) присовокупил: «Итак непокорный непокорен не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святаго» ([1Фес.4:8](#)). Таким образом, говорит, одинаковое совершишь преступление, когда растлишь царицу или же рабу твою замужнюю. Почему? Потому что (Бог) мстит не за лица, тобою оскорбленные, но за Себя; а ты одинаково осквернил себя, одинаково оскорбил Бога. Ведь и то и другое есть прелюбодеяние, так как и то и другое – брак. Хотя ты и не прелюбодействуешь, а блудодействуешь, хотя блудница и не имеет мужа, однако же Бог отмщает, так как Он мстит за Себя. Делая это, ты оказываешь презрение не столько к мужу, сколько к Богу; это видно из того, что от мужа, по крайней мере, скрываешь это, а о Боге, Который видит, и не думаешь. Скажи мне, если бы царь удостоил кого-либо багряницы и многих иных почестей, а тот, получив приказание жить сообразно с саном, пошел и осквернился с какою-либо женщиною, – кого бы он оскорбил: женщину, или царя, удостоившего его награды? Оскорблена была бы, конечно, и она, но не столько. Поэтому, умоляю, будем хранить себя от этого греха. Подобно тому, как мы наказываем жен,

когда они, живя с нами, отдают себя другим, так и мы сами будем наказаны, если не по законам римским, то от Бога, – потому что и это есть прелюбодеяние. Прелюбодеяние, ведь, бывает не только тогда, когда прелюбодействует (женщина) связанная браком с другим, но и тогда, когда прелюбодействует женатый. Внимательно слушай, о чем я говорю. Хотя для многих и тяжело, что я говорю, но сказать об этом необходимо, чтобы впоследствии исправиться. Не то только прелюбодеяние, когда растлеваем замужнюю женщину, но и то также прелюбодеяние, когда, сами будучи женаты, (совершаем блуд) с отпущенною и свободною. Что из того, что прелюбодействующая не сопряжена с мужем? Ты сопряжен, ты закон преступил, ты обидел свою плоть. За что, в самом деле, скажи мне, наказываешь ты жену свою, когда она сотворит блуд со свободным и не имеющим жены мужчиною? За прелюбодеяние (скажешь), так как хотя соблудивший с нею не имеет жены, но она замужняя. Следовательно, если и ты женат, то и твой поступок одинаково прелюбодеяние. «Кто разводится с женой, – говорится, – кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует» ([Мф.5:32](#)). Если женящийся на отпущенной прелюбодействует, то не тем ли более виновен в прелюбодеянии тот, кто согрешает с нею, имея свою жену? Конечно, это для всякого очевидно. Но для вас, мужья, довольно будет того, что сказано; а о таких и Христос говорит: «червь их не умирает и огонь не угасает» ([Мр.9:44](#)). Однако надобно говорить к вам ради юношей, или лучше не столько ради их, сколько ради вас; не к ним это идет, а к вам. Как именно – сейчас скажу. Не узнавший блуда, не будет знать и прелюбодейства; а осквернившийся с блудницами, скоро дойдет и до этого и будет творить блуд если не с замужними женами, то с отпущенными.

3. Итак, какое преподам вам наставление? Чтобы отсечь самые корни (зла), пусть те, которые имеют детей, находящихся в юношеском возрасте, и намереваются ввести их в мирскую жизнь, скорее соединяют их узами брака. Так как еще в юности возмущают их страстные пожелания, то до времени брака воздерживайте их увещаниями, угрозами, страхом, обещаниями и другими бесчисленными средствами; а когда наступит пора брака, – пусть никто не медлит связывать детей своих брачными узами. Не правда ли, что я говорю, точно сваха; но я не стыжусь говорить это, потому что и Павел не стыдился, когда говорил: «Не уклоняйтесь друг от друга» ([1 Кор.7:5](#)). Этого, по-видимому, более надлежало стыдиться, однако он не стыдился, потому что обращал внимание не на слова, а на поступки, которые (хотел) исправить при помощи слов.

Итак, когда сын возрастет, то прежде, чем вступить в воинское звание, или в другой род жизни, позаботься об его супружестве. И если он будет знать, что ты скоро приведешь ему невесту и что уже немного остается времени до брака, то в состоянии будет терпеливо переносить пламень (страсти). Если же он узнает, что ты нерадишь об этом, и медлишь, и выжидаешь, когда он будет получать большие доходы, чтобы тогда женить его, то, пришедши в отчаяние от долгого ожидания, легко устремится к блуду. Но, – уввы, – и здесь корень зла составляет сребролюбие! И так как никто не заботится о том, чтобы сделать сына целомудренным и скромным, а все с неистовством прилепляются к золоту, ради которого никто и не имеет попечения (о целомудрии), то умоляю вас прежде всего заботиться об их душах. В самом деле, если он вступит в брак с невестою непорочною, если будет знать только ее тело, то и любовь будет пламеннее, и страха Божия будет больше, и брак будет подлинно честный, связывая тела чистые и нескверные, и рождаемые будут исполнены всякого благословения; и будут угождать друг другу – жених и невеста, так как, будучи оба незнакомы с привычками других людей, будут взаимно подчиняться друг другу. А кто с юных лет начал вести жизнь распутную и ознакомился с обычаями блудниц, тот в первый и второй вечер будет любоваться своею женою, а затем скоро обратится к прежнему распутству, к чрезмерному и бесчинному смеху, – будет искать речей, исполненных бесстыдства, телодвижений страстных и всякой другой мерзости, о которой нам и говорить неприлично. Жена же благородная не допустит этого, и не позволит осквернять себя. Она вышла замуж для сожителства и для деторождения, а не для распутства и смеха, – для того, чтобы беречь дом, чтобы научить и мужа быть честным, а не для того, чтобы воспламенять в нем сладострастие. Но тебе приятными являются телодвижения блудницы? Знаю. И Писание говорит об этом: «ибо мед источают уста чужой жены» ([Прит.5:3](#)). Для того я и говорю все это, чтобы ты не отведывал этого меда, так как он тотчас обращается в желчь. То же самое говорит и Писание: «но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый» ([Прит.5:4](#)).

Что ты говоришь (скажете)? Будьте снисходительны ко мне, если я говорю нечто, так сказать, нечистое, не стыдясь и не краснея. Не по доброй воле делаю это, а вынуждаюсь говорить такие слова для тех, которые не стыдятся таких дел. Много подобного мы видим и в Писании. Так Иезекииль, укоряя Иерусалим, много говорит подобного, – и не стыдится. И справедливо. Ведь не по собственному желанию говорил он это, но из благопопечительности. Хотя мои слова, по-видимому, неприличны, но

цель не неприлична, а даже весьма хороша для того, кто хочет истребить нечистоту души. Действительно, если не услышит таких слов бесстыдная душа, то не устрасится. Как врач, желая пресечь гниение, сперва влагает персты в раны и, если прежде не осквернит целебных рук, то не сможет уврачевать, так и я. Если сперва не оскверню уст, исцеляющих ваши страсти, то не смогу вас исцелить. Лучше же сказать, здесь уста точно так же не оскверняются, как там руки. Почему именно? Потому, что это не есть нечистота естественная, и не от нашего тела происходит она, подобно как и там – не от рук врача, но от чужих (ран). Если же там он не отказывается вкладывать свои руки в чужое тело, то здесь, где наше тело, скажи мне, откажемся ли мы? А вы – наше тело, хотя больное и нечистое, но все же наше.

4. Итак, что же значит то, что я говорю, и для чего я сделал такое наставление? Одежды, которую носит раб, конечно, ты не согласишься когда-либо надеть, гнушаясь ею по причине нечистоты, но лучше согласишься быть нагим, нежели пользоваться ею; а тело нечистое и скверное, которым пользуется не только раб твой, но и другие без числа, ты будешь употреблять во зло и не будешь им гнушаться? Вам стыдно стало слышать это. Стыдитесь дел, а не слов. Я умалчиваю обо всем остальном, о развращении и нечистоте нравов, и о прочем, что есть рабского и низкого в жизни. Скажи мне, не к одной ли и той же (ходишь) и ты, и раб твой? И, о, если бы только раб, – но ведь и палач! Ты не решился бы взять палача за руку; между тем ту, которая была с ним одно тело, обнимаешь и лобызает, – и не трепещешь, не боишься? Не стыдишься? Не краснеешь? Не смущаешься? Говорил я вашим отцам, что скорее надобно вас женить; впрочем, и вы не изъяты от наказания. Если бы не было много других юношей, целомудренно живущих и прежде и ныне, то, может быть, нашлось бы для вас какое-нибудь оправдание; но так как они существуют, то как можете сказать, что мы не были в силах подавить пламя вожделения? Те, которые могли (преодолеть), будут вашими обвинителями, потому что они одной с вами природы. Послушайте, что говорить Павел: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» ([Евр.12:14](#)). Ужели эта угроза не может утратить вас? Видишь, что другие всю жизнь хранят целомудрие и живут в чистоте; а ты до юношеских лет не хочешь потерпеть? Видишь, что другие тысячекратно преобладали похоть; а ты и однажды не устоял? Если хотите, я скажу причину. Не молодость тому причиной, потому что тогда все юноши были бы невоздержны; но мы сами себя повергаем на костер. В самом деле, когда ты войдешь в театр и сядешь там, услаждая взор свой обнаженными

членами женщин, то, конечно, сначала будешь чувствовать удовольствие, но потом сильный воспламенишь в себе жар. Когда видишь женщин, являющихся как бы в образе (обнаженного) тела; когда и зрелище, и песни не что иное выражают, как только одну гнусную любовь, именно: такая-то, говорят, полюбила такого-то, и не имела успеха и удавилась; когда предаются даже преступной любви к матерям; когда все это принимаешь в себя и чрез слух, и чрез женщин, и чрез образы, и даже чрез стариков мужчин (ведь и из них многие, надев на себя маски, представляют нам женщин), – то как, скажи мне, можешь ты после этого быть целомудренным, когда такие рассказы, такие зрелища, такие слухи обдержат твою душу и потом уступят место таким же сновидением, потому что душе прирождено видеть во сне призраки многих таких вещей, которых она днем ищет и желает? Итак, если там и дела видишь срамные, и речи слышишь еще срамнейшие, если раны получаешь, а лекарства не принимаешь, – то как, в самом деле, не увеличиться гнилости? Как не усилиться болезни, и притом в гораздо большем размере, нежели это бывает в телах наших? Воля, если только захотим; легче принимает исправление, нежели тело. Там нужны и лекарства, и врачи, и время; а здесь довольно захотеть, чтобы быть или добрым или злым. Поэтому в тебе усилилась болезнь. Итак, если мы собираем только то, что вредит нам, а о том, что приносит пользу, нимало не помышляем, то как можем мы быть здоровыми? Потому-то Павел и сказал: «как и язычники, не знающие Бога». Если язычники, незнающие Бога, часто бывают целомудренны, то какой стыд и страх должен овладеть нами? Мы хуже их, и потому должны стыдиться. Проводить жизнь в целомудрии легко, если захотим, если будем удаляться от того, что вредит. Если же не захотим, то и блуда не легко избежать. Что легче, как ходить на площадь? Но, по причине великой изнеженности, и это сделалось трудным, не для женщин только, но даже и для мужчин. Что легче сна? Но и это сделали мы трудным. Много богачей всю ночь ворочаются с боку на бок, потому что ложатся спать, не дожидаясь, когда появится потребность сна. И вообще ничто не трудно при нашем желании, равно как ничто не легко при нашем нежелании. Мы над всем властны. Потому-то и (говорит) Писание: «Если захотите и послушаетесь»; и еще «если же отречетесь и будете упорствовать» ([Ис.1:19, 20](#)), – так что все зависит от желания, или нежелания, и в зависимости от этого мы и заслуживаем наказания или похвалы. О, если бы мы, находясь в числе заслуживших похвалу, сподобились получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцем и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и

присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 6

[1Фес.4:9, 10](#). О братолюбии же нет нужды писать к вам; ибо вы сами научены Богом любить друг друга, ибо вы так и поступаете со всеми братьями по всей Македонии. Умоляем же вас, братия, более преуспевать.

Не следует скорбеть об умерших. – Причина такой скорби – неверие.

1. Что это значит, что (апостол), много побеседовав с ними о целомудрии и намереваясь столь же пространно говорить о том, что должно трудиться и не скорбеть об умерших, главу всех благ – любовь как бы отлагает в сторону, говоря: не имеем нужды, писать вам? Это тоже проистекает из великого благоразумия и духовной, его мудрости. Он чрез это достигает двух целей: во-первых, показывает, что эта добродетель до того необходима, что ненужно и учиться ей, так как всякому известно то, что имеет особенную важность для всех; во-вторых, выражаясь таким образом, он больше вразумляет их, чем в том случае, если бы обратился к ним прямо с назиданием. Предполагая, что они ведут жизнь праведную, – хотя бы они и не жили так, – и потому не побуждая их к этому, он скорее приводит их (к такой жизни). И заметь, не говорит о любви ко всем, но о любви к братии. Не имеем нужды, писать вам. Конечно, если не было нужды, то надлежало молчать и не говорить ничего. Но теперь, говоря, что нет нужды, он сделал более, нежели когда бы сказал (т. е. о любви) «Ибо вы сами научены Богом». Смотри, какую воздает им честь, говоря, что сам Бог учит их этому! Вам ненужно, говорит, учиться у человека. Об этом и пророк говорит: «И все сыновья твои будут научены Господом» ([Ис. 54:13](#); ср. [Ин. 6:45](#)). «Ибо вы сами научены Богом любить друг друга, ибо вы так и поступаете со всеми братьями по всей Македонии»: и ко всем другим, говорит. Это служит сильным побуждением исполнять (долг любви). И не без основания говорю, что «вы сами научены Богом», но знаю это из дел ваших. Так и об этом он многое сказал им.

«Умоляем же вас, братия, избыточествовать (изобиловать, преуспевать) более», то есть более преуспевать, «и усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое дело и работать своими собственными руками, как мы заповедывали вам; чтобы вы поступали благоприлично перед внешними и ни в чем не нуждались» ([1Фес.4:11, 12](#)). Здесь дает разуметь, скольких зол причиною бывает праздность, и напротив скольких благ – трудолюбие, и объясняет это, ссылаясь на то, что бывает между нами. Он часто поступает так и делает очень благоразумно, потому что

таким образом легче вразумляются люди, нежели при помощи умозрений. Долг любви к ближним состоит в том, чтобы не от них принимать, но им давать. Заметь его благоразумие: намереваясь наставлять и увещевать их, он начинает говорить о том, что видит хорошего у них, чтобы они ободрились после прежних увещаний и упрека (выраженного) в словах: «Итак непокорный непокорен не человеку, но Богу» , и чтобы таким образом не отпали. А это зависит от трудолюбия – чтобы не принимать (от других ничего) и не жить в праздности, но трудясь давать другим: «блаженнее, – сказано, – давать, нежели принимать» ([Деян.20:35](#)). «И работать, – говорит, – своими руками». Итак, где пребывают ревнующие только о духовном подвиге? Видишь, как он отнял у них всякий предлог к извинению себя, сказавши: «своими руками». Совершает ли кто руками пост? Всенощное бдение? Возлежание на голой земле? Конечно, никто не скажет этого; он говорит о труде духовном, потому что давать другим от своих трудов есть подвиг подлинно духовный, и ничего нет равного ему. «Чтобы вы, – говорит, – поступали благоприлично». Видишь ли, каким образом он обращается с ними? Не сказал: не срамите себя, нищенствуя; но дал понять то же самое, хотя и употребил снисходительный способ выражения, чтобы и дать почувствовать им (как это неприлично) и не слишком огорчить их. В самом деле, если собратия наши соблазняются таковыми, то внешние, которые изыскивают тысячу обвинений и укоризн, тем более соблазняются, когда видят, что человек здоровый, могущий прокормить себя, просит милостыни и нуждается в пособии других. За то и называют нас хриstopродавцами: этим, говорит, «имя Божие хулится» ([Рим.2:24](#)). Но он ничего такого не выставил на вид, а только то, что особенно могло тронуть их, именно – неблагочине. «Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды» ([1Фес.4:13](#)).

2. Их, как и всех людей, особенно сокрушали эти два бедствия – бедность и скорбь. Смотри же, как он врачует их. Бедность произошла у них от разграбления их имущества. Если же питаться трудами он заповедует тем, у которых было разграблено имущество за Христа, то тем более другим. А что их имущество было разграблено, это видно из слов: «Вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее» ([1 Сол.2:14](#)). Чем? Тем; что, пища к последним, (он тоже) сказал: «И расхищение имения вашего приняли с радостью» ([Евр.10:34](#)). Потом здесь говорит о воскресении, – и для чего? Разве он не говорил им об этом? Но здесь имеет в мысли некую другую тайну. Какую же именно? «Мы, – говорит, – живущие, оставшиеся до пришествия

Господня, не предупредим умерших». Конечно, слово о воскресении может утишить скорбящих, а сказанное теперь может соделать воскресение достоверным. Но мы прежде должны сказать о том, о чем и сам (апостол) сказал: «Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших⁶, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды»«. Смотри, как и здесь говорит кротко! Не сказал им, как коринфянам: вы столь бессмысленны, столь безрассудны, что, зная о воскресении, скорбите, как неверующие; но сказал весьма кротко: «не хочу», из уважения к другой их добродетели. И не сказал: «об умерших», – тотчас, в самом начале подавая утешение.

«Дабы вы не скорбели, – говорит, – как прочие, не имеющие надежды». Следовательно, скорбеть об отшедших свойственно неимущим упования. И подлинно. Душа, совершенно не зная о воскресении и эту смерть почитая смертью, естественно скорбит (об умерших), как о погибших, сетует и безутешно плачет; а ты, чающий воскресения, для чего плачешь? Итак, плакать свойственно неимущим упования. Послушайте, жены, которые любите плакать и предаются безмерной скорби: вы поступаете по-язычески. Если же скорбеть об умерших свойственно язычникам, то, скажи мне, кому прилично сокрушаться и терзать ланиты? Зачем плачешь ты, если веруешь, что умерший воскреснет, что он не погиб, что смерть есть сон и покой? Затем, говоришь, что я лишилась в нем супруга, защитника, попечителя и помощника во всех делах и нуждах. Но когда ты лишилась сына в младенческом возрасте, который еще ничего не мог для тебя сделать, тогда о чем плачешь, о чем жалеешь? Он, говоришь, подавал добрые надежды, и я ожидала, что он будет иметь обо мне попечение. Вот почему я сожалею о муже, вот почему о сыне, вот почему терзаюсь и рыдаю, – не потому, чтобы я не веровала в воскресение, но потому, что стала беспомощной и лишилась покровителя, сожителя, сообщника во всем, утешителя. Вот почему плачу я. Знаю, что он воскреснет, но не могу переносить и временной разлуки. Множество угрожает мне неприятностей: всякий, кто бы ни захотел, может обидеть меня; рабы, прежде боявшиеся, теперь презирают и наносят оскорбление; кто был облагодетельствован умершим, тот забыл его благодеяния; кто был им обижен, тот по злобе к нему изливает гнев на меня. Вот почему я не могу равнодушно переносить вдовства и не плакать горько, вот почему терзаюсь, вот почему плачу. Итак, чем утешим их? Что скажем? Чем утолим печаль их? Во-первых, я постараюсь доказать им, что плач их происходит не от этих причин, а от безрассудной страсти. В самом деле, если ты по этим причинам скорбишь, то тебе надлежит по умершем

скорбеть беспрестанно. Если же по прошествии одного года ты до того забываешь его, что как будто ничего не случилось с тобою, то очевидно оплакиваешь не умершего, и не покровительство его. Но ты не можешь перенести разлуки и прекращения супружества? Что же скажут вступившие во второй брак? Конечно, они уже не жалеют о прежних мужьях. Впрочем, не к ним мы обратим слово, а к тем, которые питают искреннюю привязанность к умершим. Почему плачешь ты о сыне, почему о муже? О первом, говоришь, потому, что он не принес мне ожидаемой радости, а о втором потому, что я надеялась долее делить с ним радости. Но не дело ли крайнего неверия думать, что муж или сын защитят тебя, а не Бог? Как тебе не придет на мысль, что ты этим оскорбляешь Бога? Для того ведь Он часто и отнимает их, чтобы ты не была привязана к ним до такой степени, чтобы на них единственно возлагать свои надежды. Бог ревнив и хочет, чтобы мы более всего любили Его, и это происходит из того, что Он весьма любит нас. Вы ведь знаете, что таково свойство пламенно любящих: они крайне ревнивы и скорее согласны потерять жизнь, нежели видеть торжество своих соперников. Поэтому Бог и отнял его, – именно по этим причинам.

3. В самом деле, почему, скажи мне, в древности не было преждевременного ни вдовства, ни сиротства? Почему Аврааму и Исааку (Бог) позволил жить долгое время? Конечно потому, что (Авраам), еще когда жил (Исаак), предпочел ему Бога. Бог сказал: заколи, и он заколол. Почему лета Сарры Он продолжил до такой старости? Потому, что во все время ее жизни Авраам слушался более Бога, нежели ее. Поэтому-то Бог и сказал ему: (послушай Сарры жены твоей) ([Быт.21:12](#)). Тогда никто не навлекал на себя гнева Божия ни любовью к мужу, ни любовью к жене, ни заботливостью о сыне. Ныне же, так как мы пристрастны к земному и глубоко пали, и мужья больше любят жен, нежели Бога, а жены больше почитают мужей, нежели Бога, то Он против воли нашей хочет заставить нас любить Себя. Не люби мужа больше, чем Бога, и никогда не испытывай вдовства, а хотя бы оно и постигло тебя, не почувствуешь его (тяжести). Почему? Потому что покровителем ты имеешь Бессмертного, более любящего тебя. Если ты Бога любишь больше, то не плачь: более Любимый бессмертен и не попустит сокрушаться о потере того, кого ты меньше любишь. Поясню тебе это примером. Если бы ты имела мужа, во всем поступающего по твоему желанию, почтенного, любящего тебя, если бы ты была с ним счастлива и прижила с ним дитя, которое потом, не достигши зрелого возраста, умерло бы, – то, скажи мне, неужели бы ты стала сокрушаться от скорби? Нет, – потому что потерю его восполнил бы

более тобою любимый (муж). Так и в настоящем случае, если ты больше любишь Бога, нежели мужа, то Он, конечно, не скоро возьмет его, а если бы и взял, то ты не стала бы горько скорбеть. Поэтому-то и блаженный Иов нисколько не предался горести, услышавши о внезапной смерти детей, – потому что больше любил Бога, нежели их. Следовательно эта потеря не могла опечалить его, потому что жив был Тот, Кого он любил. Что говоришь ты, жена? Муж или сын был бы тебе защитой? А Бог разве не печется о тебе? А его самого кто дал тебе? Не Он ли? А тебя кто сотворил? Не Он ли? Ужели Тот, который привел тебя из небытия в бытие, вдохнул в тебя душу, вложил ум, благоволил даровать тебе познание о Себе, и который Сына своего едиnorodного не пощадил для тебя, не жалеет тебя, а пожалеет тебя такой же, как и ты, раб? Какой великий гнев возбуждают слова эти! Что подобное получила ты от мужа? Ничего не можешь указать. Если он и оказал тебе какое-либо благодеяние, то сделал это, будучи наперед облагодетельствован тобою. Но о Боге никто ничего подобного сказать не может: Бог не потому благоденствует нам, чтобы воздать за наши прежде оказанные Ему благодеяния, но, не имея ни в чем нужды, по одной Своей благоденственности благоденствует роду человеческому. Он обещал тебе царство, даровал жизнь вечную, славу, братство, усыновление, сделал сонаследницею Единородного; а ты после стольких благ воспоминаешь еще о муже? Что такое он даровал тебе? (Бог) повелел взойти солнцу Своему, послал дождь, питает плодами ежегодно произрастающими. Горе нам крайне неблагодарным! Для того Бог и отнимает мужа, чтобы ты не была (исключительно) привязана к нему, а ты, еще и по смерти его, желала бы иметь его, и оставляешь Бога, тогда как должна благодарить Его и всецело обратиться к Нему. Что получала ты от мужа? Болезни чадородия, труды, оскорбления, часты укоризны, выговоры и огорчения, – не это ли (терпят жены) от мужей? Но с другой стороны есть, говоришь, и выгоды. Какие же это? Он наряжал тебя в дорогие одежды? Возлагал на лицо твое золотые украшения? Заставлял всех уважать тебя? Но если ты захочешь, то (Бог) украсит тебя украшением гораздо лучшим, нежели умерший. Честность более украшает женщину, нежели золотые уборы. Есть и у этого Царя одежды, но не такие, а гораздо лучшие. В эти-то одежды, если хочешь, нарядись. Какие же это? Это риза, с рясны златыми, которою, если хочешь, облеку душу. Но при нем я не была в презрении у людей? Что ж в этом важного? За то вдовство воспрепятствует тому, чтобы ты подвергалась поруганию от демонов. Тогда ты управляла рабами своими, если подлинно управляла; а теперь, вместо прислуги домашней, ты имеешь власть над бесплотными силами, началами, властями, – над

миродержителем. Кроме того, ты не говоришь о неприятностях, которые ты с ним разделяла, каковы, напр., опасение начальников, предпочтение ему сверстников? Теперь ты свободна от всего этого – от страха и боязни. Но ты заботишься, кто будет кормить оставшихся детей? Отец сирот! Кто дал их, скажи мне? Не слышишь ли, что Христос говорит в Евангелии: «Душа не больше ли пищи, и тело одежды» ([Мф.6:25](#))?

4. Видишь ли, что причина плача не во вдовстве, а в неверии? Но после смерти отца дети становятся не столь знаменитыми? Почему же? Бога имеют отцом, – и становятся менее знаменитыми? Сколько укажу тебе воспитанных вдовами, и приобретших известность! Сколько напротив таких, которые воспитались при отцах, и между тем погибли! Если ты с юных лет будешь воспитывать их, как должно воспитывать, то это для них будет гораздо благодетельнее, нежели если бы они пользовались покровительством отца. А что действительно воспитывать детей обязаны вдовы, послушай, что говорит Павел: «если она воспитала детей» ([1 Тим.5:10](#)), и еще: «впрочем спасется через чадородие – не сказал: мужа ради, – если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» ([1 Тим.2:15](#)). С юных лет внушайте им страх Божий, – и он сохранит их лучше всякого отца, он будет стеною нерушимую. Ведь когда этот страж обитает внутри нас, то нам не нужны никакие внешние ограждения; а когда нет его, тщетно все внешнее. Он будет для них и богатством, и славою, и украшением; он сделает их славными не на земле только, но и на небесах. Не смотри ни на опоясанных золотыми поясами, ни на тех, которые ездят на конях, которые за заслуги предков блистают в царских чертогах и которые ходят с провожатыми и пестунами. Может быть, это заставляет вдов плакать над судьбою сирот, – потому что каждая из них думает, что вот и мой сын, если бы у него жив был отец, наслаждался бы таким же счастьем, а теперь он в унижении и неизвестности, так что никто даже не хочет с ним говорить. Но не об этом, женщина, думай, а воспари мыслью за врата небесные, рассмотри там царские чертоги, воззри на сидящего там Царя, помысли, могут ли эти земные счастливыцы быть там славнее твоего сына – и тогда скорби. А об этом не нужно и думать, что кто-либо знаменит на земле. Он может, если хочешь, соделаться воином на небесах, может в это записаться воинство. Записанные там не на конях ездят, а носятся на облаках, не по земли ходят, а восхищаются на небо, и провожатыми имеют не рабов, а самих ангелов. Они предстоят не царю смертному, а бессмертному, Царю царствующих и Господу господствующих; не кожаными поясами опоясаны по чреслам, но

тою неизреченною славою, ради которой они становятся знаменитее самих царей и вообще всех людей, когда-либо прославившихся. В тех царских чертогах требуется не богатство, не благородство, и не другое что-либо, а только добродетель, и, если есть она, то ничего больше не нужно для того, чтобы стать в ряду первых. Если будем судить правильно, то ничего не найдем такого; что бы могло нас огорчать. Посмотри на небо и гляди, насколько оно блистательнее крова царских чертогов. Если же подножие горних царских чертогов до такой степени величественнее дольних, что последние в сравнении с первыми можно почестъ грязью, то каким блаженным почел бы себя тот, кто удостоился бы подробно рассмотреть самые эти царские чертоги? «Истинная, – говорит, – вдовица и одинокая надеется на Бога» ([1 Тим.5:5](#)). К кому это сказано? К тем, которые имеют детей, потому что они более достойны почтения и больше имеют средств угождать Богу, так как у них расторгнуты все узы. Некому удерживать их, некому принуждать их, чтобы они влачили эти цепи. Ты разлучена с мужем, но соединена с Богом; не имеешь собеседником равного тебе раба, но имеешь Господа. Когда молишься, то не с Богом ли беседуешь, скажи мне? Когда читаешь, то внимай, как Он с тобою беседует. Но что Он говорит тебе? Слова, несравненно сладостнейшие, чем говорит муж. Если муж и говорит ласково, то невеликая бывает честь, – потому что он такой же раб (как и ты); но когда Господь говорит ласково к рабе, то это признак высочайшего благоволения. Как же Он утешает нас? Послушай, в каких словах Он выражает это. «Придите, – говорит, – ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» ([Мф. 11:28](#)). И еще чрез пророка взывает, говоря: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя» ([Ис.49:15](#)). Какая нужная любовь в этих словах! И еще: «обратись ко Мне»; и в другом месте: «Ко Мне обратитесь, и будете спасены» ([Ис. 45:22, 44:22](#)). Если же кому угодно заимствовать (изречение) из книги Песнь Песней, то, читая эти таинственнейшие песни, он услышит, как Господь говорит преданной Ему душе: «возлюбленная моя, прекрасная моя» ([Песн.2:10](#))! Что сладостнее этих слов? Видишь, как Бог говорит с людьми? Что же, скажи мне? Разве не знаешь, сколько у этих блаженных жен умерло детей и покоятся в гробах, – как многие из них потерпели еще большие несчастья, лишившись вместе с мужьями и детей? На это будем обращать внимание, об этом будем помнить, – и ничего скорбного не будет для нас, но будем проводить все время в духовной радости, и насладимся вечных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава с Отцом и Святым Духом

ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 7

[1Фес.4:13](#) Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших⁷, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды.

Доказательства воскресения. – Переселение душ у греков.

1. Многие предметы повергают нас в скорбь потому только, что мы не знаем их, когда же хорошо узнаем их – отлагаем скорбь. Указывая на это, Павел и сказал: «Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об усопших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды». Чего не хочешь ты, чтобы они не знали? Учения, говорит, о воскресении. Но почему не говоришь о наказании, которое ожидает людей за незнание учения о воскресении? Потому, что это (само собою) открывается из этого учения и всеми признается. Между тем и от этого будет немаловажная польза. Он говорит с ними так, не потому что они не верили в воскресение, но потому что, несмотря на эту веру, они оплакивали (умерших). Именно, иначе он говорит с неверующими, иначе – с ними; а они, как видно из того, что исследовали времена и лета, знали (о воскресении). «Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и усопших в Иисусе Бог приведет с Ним» ([1Фес.4:14](#)). Где отвергающие плоть? Если он не принял плоти, то и не умер; если же не умер, то и не воскрес. Каким же образом он приводит этим нас к вере? Не подумают ли они о нем, что он обманщик и льстец? Если смерть есть следствие греха, а Христос не согрешил, то каким образом это может служить для нас назиданием? При том, почему сказал он: «Как и прочие, не имеющие надежды»? Он рассуждал как бы так: кого вы, люди, оплакиваете, о ком скорбите – о грешниках ли, или просто об умирающих? Те (не имеющие надежды) оплакивают (умерших), потому что все умершие – для них ничто. «Первенец, – говорит, – из мертвых» ([Кол.1:18](#)), т. е. начаток. Следовательно должны быть и другие. Заметь притом, что здесь не приводит ни одного доказательства от разума, – потому что они были люди простые. Между тем, когда писал к коринфянам, он сперва много привел доказательств и от разума, и потом уже присовокупил: «Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет» ([1 Кор.15:36](#)). (Сказанное здесь) более имеет силы тогда, когда беседа ведется с верным; но какую это может иметь силу для неверующего? «Так Бог, – говорит, – и усопших во Иисусе приведет с Ним». Опять усопшие, – нигде не говорит: умершие. Но о Христе сказал: умер, потому что присовокупил: и воскрес, а здесь: усопшие во Иисусе,

разумея или усопших в вере Иисусовой, или то, что чрез Иисуса (Бог) приведет усопших, то есть верных. Еретики говорят, будто здесь он понимает крещенных. Но отчего употребил выражение – тако? Ведь Иисус не уснул чрез крещение. Почему же говорит: усопшие? Потому что рассуждает не о всеобщем, а о частном воскресении. «Усопших во Иисусе приведет», говорит он, и во многих местах говорит таким образом. «Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших» ([1Фес.4:15](#)). Говоря о верных, сказал: «И усопшие во Христе» и еще: «мертвые ...восстанут» Потом говорит не о воскресении только, но о воскресении и о чести, какую будут они окружены, находясь в состоянии прославления. В воскресении, говорит, все будут участвовать; но в славе не все, а только усопшие во Христе. И так как он хочет утешить их, то утешает не только говоря им о воскресении, – они уже знали о нем, – но и о великой чести и быстроте (с какою последует воскресение). Желая утешить их ожидающею их честью, далее говорит: «и всегда с Господом будем», и еще: «восхищены будем на облаках». Как же верные умирают во Иисусе? Очевидно, имея Христа в себе. А слова: «приведет с Ним» дают разуметь, что будут собраны из многих мест. «Ибо сие, – говорит, – говорим вам словом Господним.» Намеревался сказать нечто необыкновенное и потому присовокупил удостоверение. «Словом Господним» говорит, то есть, мы говорим не сами от себя, но узнавши от Христа, «мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших.» Тоже говорит и в послании к коринфянам: «вдруг, во мгновение ока» ([1 Кор.15:52](#)); но здесь в удостоверение воскресения представил способ (каким должно оно совершиться).

2. И так как дело представляется трудноисполнимым, то он показывает, что столь же удобно могут быть восхищены умершие, как и живые. Употребив выражение – мы, он имеет в виду не себя, так как не располагал оставаться (в живых) до воскресения, но понимает верных. Поэтому присовокупил: «мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших.» Он как будто говорил так: когда слышишь, что живущие тогда не предварят истлевших, в прах обратившихся, умерших за несколько тысяч лет, то не представляй себе в этом какой-нибудь трудности, – Бог творить это, а для Него столь же легко привести оставшихся целыми, как истлевших. Есть правда такие, которые не верят этому, потому что не знают Бога. Но скажи мне, что легче, из небытия ли привести в бытие, или снова восставить истлевшее? Что однакож они говорят? Такой-то потерпел кораблекрушение и утонул; утонувшего

схватили многие рыбы и каждая из рыб съела по части. Потом из этих самых рыб одна поймана в одном, другая в другом заливе и съедена одна одним (человеком), а другая другим. И опять, эти люди, съевшие рыб, поживших человека, умерли в различных странах, и сами, может быть, съедены зверями. Как же после такого смешения и рассеяния опять оживет человек? Кто соберет этот прах? Но для чего это говоришь, человек? Для чего сплетаешь цепи пустых вымыслов и полагаешь, что этого нельзя разрешить? Если бы даже человек и не упал в море, если бы не был поглощен рыбою, и эта рыба опять не была съедена тысячами людей, но при погребении он был бы положен во гроб, и ни черви, ни иное что-либо не коснулось бы его, – то как, скажи мне, воскреснет разрушившееся? Как свяжется прах и пепел? Откуда потом возьмется цвет тела? Разве это объяснимо? Если будут сомневаться в этом эллины, то мы можем сказать им весьма многое. Что же именно? Есть у них такие, которые (учат) переселению душ и в растения, и в деревья, и в собак. Скажи мне, что легче, свое ли воспринять тело или чужое? Другие еще говорят, что (тела) в огне истлевают и что потом последует восстановление одежд и обуви, – и не смеются над ними! Иные вводят атомы. Но мы не к ним обращаем нашу речь, а к верным, если только должно называть верными вопрошающих; впрочем укажем на то апостольское (учение), что всякая жизнь возникает из тления, все растения, все семена. Не видишь ли, какой большой ствол имеет смоковница, какие большие побеги, и сколько листьев, сучьев и ветвей, сколько корней, так расширившихся и углубившихся в землю? И до такой степени высокою и широкою она становится из зерна, брошенного в землю и при том сгнившего. Если бы оно не сгнило и не разрушилось, то ничего бы и не выросло. Скажи мне, как это бывает? Так и виноград, столько приятный для взора и вкуса, родится из этого же безобразного зародыша. Кроме того, скажи мне, не одинаковая ли вода падает сверху? Каким же образом она изменяется во столько видов? Это удивительнее воскресения. Там какое семя обращает на себя (твое внимание), такое же (возникает), – и видишь растение и совершенное сходство (зерна с растением); а здесь, скажи мне, каким образом то, что имеет одинаковые качества и одинаковую природу, превращается во столько видов? В виноградной лозе (вода) делается вином, и не вином только, но и листьями и соком, потому что ею не только кисть питается, но и прочие части виноградной лозы; в маслине делается маслом, – и многим другим, чего нельзя и пересказать. И – чудное дело! Здесь делается влажным, там сухим, здесь сладким, там кислым, – то вяжущим, то горьким. Каким же образом она превращается в столько видов? Укажи причину. Но ты не в

силах. Да и в тебе самом, – это ближе, – скажи мне, как извергаемое семя устрояется и преобразуется в глаза, как в уши, как в руки, как в сердце, как в столь многие члены? Не бесконечное ли в теле разнообразие видов, величины, свойств, положения, сил, составов? Сколько нервов, жил, мышц, костей, перепонок, артерий, членов, желез; сколько еще кроме них такого, что входит в состав нашей природы, о чем подробно говорят врачи, – и все это от одного семени! Разве не покажется для тебя гораздо непонятнее то, каким образом влажное и нежное превращается в твердую и холодную кость, – как оно делается теплою и влажною кровью, – как холодным и нежным нервом, – как холодною и влажною артериею? Как это, скажи мне? Не понимаешь этого? Не усматриваешь ли каждый день воскресения и смерти в возрастах? Куда девалась юность? Откуда взялась старость? Каким образом состарившийся, который самого себя не может сделать юным, рождает другого – дитя, самое юное, и чего не может дать себе самому, то дает другому?

3. То же самое можно видеть и в деревьях и в животных, несмотря на то, что по-видимому кто дает другому что-либо, прежде сам должен иметь то, что дает. Но этого требует только человеческий разум. Когда же созидает Бог, тогда ничего не нужно. Если же это в такой степени неудобноизъяснимо и даже больше, нежели неудобноизъяснимо, то как безумствуют те – они теперь пришли мне на мысль – которые силятся постигнуть бестелесное рождение Сына! Того, что совершается ежедневно, что находится под руками и уже тысячу раз было исследовано, никто и никогда не мог еще уразуметь: как же, скажи мне, можно надеяться постигнуть неизреченное и непостижимое рождение? Разве не приходит в изнеможение ум их от тщетных этих усилий? Разве не запутывал он самого себя в безчисленных недоумениях? Разве не безмолвствовал (от изумления)? И однако они не вразумляются этим. Будучи не в силах сказать что-либо определенное о винограде и смоковнице, рассуждают о Боге. В самом деле, скажи мне, каким образом из этого зерна виноградной ягоды развиваются листья и ветви? Ведь в нем прежде этого не было и не замечалось? Но они говорят, что это происходит не от зерна, а от земли. А отчего же без него земля сама собою ничего не может произвести? Перестанем безумствовать! Это происходит не от земли и не от зерна; а от Того, кто есть Господь и земли и семян. Поэтому Он и устроил так, чтобы это происходило и при посредства их и без них (семян), чтобы таким образом с одной стороны проявить Свое могущество, ради чего и сказал: «да произрастит земля зелень, траву» ([Быт.1:11](#)), с другой – чтобы, вместе с проявлением Своего

могущества, научить нас трудолюбию и деятельности. Для чего же все это сказано нами? Не без цели, но для того, чтобы мы и в воскресение веровали, и чтобы, мы не огорчались и не досадовали, если опять, несмотря на наше желание постигнуть что-либо умом, не будем иметь возможности достичь этого, но – благоразумно обуздывая и смиряя ум свой, находили успокоение в том, что Бог может все сделать и ни в чем не находить препятствия. Итак, узнавши это, обуздаем наши мысли и не будем переступать пределов и границ познания, которые положены для нас. «Потому что, – говорит, – мы все имеем знание; но знание надмевает, а любовь назидает» ([1 Кор.8:1](#)). Я говорю не о Боге только, но и о всякой вещи. Что, например, желаешь узнать о земле? Что знаешь, – скажи мне? Как велико ее протяжение? Какая величина? Какое положение? Какая природа? Какое место? Где она утверждена и на чем? Но ты ничего не можешь ответить на это; а можешь только сказать, что она холодна, суха и черна, – больше ничего. А о море? И тут встретишь недоумение, которого не можешь разрешить, – не знаешь ведь, где оно начинается, где оканчивается, на чем носится, на чем держится дно его, какое оно занимает место, твердая ли земля за ним, или оно оканчивается водою и воздухом? Знаешь ли что-либо о том, что находится в нем? Спрошу ли еще о воздухе, о стихиях? Ничего не скажешь. Но оставим лучше это. Если хочешь, выберем самое малое растение. Скажи мне, как рождается этот злак, не приносящий плодов, который мы все видим? Не составляют ли его сущности вода, земля и навоз? Отчего же он является так прекрасным на вид и отчего имеет такой удивительный цвет? Отчего эта красота вянет? Конечно, это не есть действие воды или земли. Видишь ли, как везде необходима вера? Как рождает земля? Каковы болезни ее рождения, скажи мне? Но ты ничего не можешь на это сказать. Изучай же, человек, то, что находится долу – здесь, и не трудись по-пустому, не любопытствуй много о небе, – и если бы только о небе, а то и о Владыке неба! Скажи, ты не знаешь земли, от которой родился, на которой воспитан, на которой живешь, по которой ходишь, без которой идохнуть не можешь, а любопытствуешь знать о таких отдаленных предметах? Поистине человек – суета! Если бы кто велел спуститься в глубину и узнать, что находится на дне моря, – ты отверг бы приказание; а сам, без всякого принуждения, хочешь наследовать неизследимую пучину. Не мудрствуй, прошу тебя. Будем плавать по поверхности, не будем следовать влечению мудрования; иначе скоро утомимся и утонем. Но пользуясь божественным Писанием, как бы некоторым кораблем, распустим паруса веры. Если мы будем плавать на нем, то и кормчим у нас будет слово Божие; если же станем

плавать на мудрованиях человеческих, то не будет (кормчего). Кому в самом деле из плавающих таким образом помогает кормчий. Следовательно, нам будет угрожать двойная опасность: с одной стороны та, что не будет корабля, с другой та, что не будет кормчего. Если же судно без кормчего подвержено опасности, то какая надежда на спасение, «когда нет ни того, ни другого? Итак, не будем подвергаться явной опасности, но будем плавать в безопасном месте, утверждаясь на священном якоре., Таким образом, несмотря на тяжелый груз, с совершенною безопасностью достигнем тихой пристани и получим блага, уготованные любящим Его во Иисусе Господе нашем с Которым Отцу со Святым Духом слава (во веки веков. Аминь).

Беседа 8

[1Сол.4:15–17](#). Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем.

Обстоятельства будущего воскресения. – Вечные награды и наказания. – Состояние страны на месте Содома и Гоморры. Доказательства существования геенны.

1. Пророки, желая показать достоверность того, о чем намеревались говорить, прежде всего другого, говорят: «Видение Исаии, сына Амосова, которое он видел» ([Ис.1:1](#)); или: «Слова Иеремии., к которому было слово Господне» ([Иер.1:1](#)); и еще: «Ибо так говорил мне Господь» ([Ис.8:11](#)), – и тому подобное. Многие видели и самого Бога ([Ис.6:1](#)), насколько им возможно было видеть. Но Павел, который не сидящего видел, а имел в себе самом Христа говорящего, вместо того, чтобы сказать: «Ибо так говорил мне Господь», говорил: или «Вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне» ([2 Кор.13:3](#)), и еще: «Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа» ([2 Кор.1:1](#)), – показывая, что он ничего не говорит от себя, потому что посланник передает только слова пославшего. И еще: «думаю, и я имею Духа Божия» ([1 Кор.7:40](#)). Впрочем, все это он изрекал по внушению Духа; между тем то, что говорит теперь, он слышал от Бога словесно, подобно тому, как он слышал тайно то, что сказал в беседе с ефесскими старейшинами: «блаженнее давать, нежели принимать» ([Деян.20:35](#)). Посмотрим же, что здесь говорит он: «сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба». То же и Христос в свое время говорил: «силы небесные поколеблются» ([Мф.24:29](#)). Почему же в трубе? Потому что и на Синае мы видим это, и ангелов тоже. Но какое значение имеет глас архангела? Такое же, как и то, что было сказано о девах: «жених идет, выходите навстречу ему» ([Мф.25:6](#)). Или об этом он здесь говорит, или о том, что тогда, когда ангелы будут служить при воскресении, совершится нечто подобное тому, что бывает при царе. Именно, (Бог) скажет: да воскреснут мертвые! – и

это будет приведено в исполнение не силою ангелов, а – Его слова, – подобно тому, как если бы царь повелел и сказал: пусть выйдут заключенные, и пусть слуги изведут их, то они исполнили бы это не своею властью, а вследствие повеления царского. Обь этом и в другом месте говорит Христос: «и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их» ([Мф.24:31](#)), – и повсюду видишь ангелов, поспешающих исполнить повеление Божие. Следовательно, архангел, как полагаю, есть начальник посланных, который будет взывать (к ним): готовьте всех, Судия предстоит. Что значит: в последней трубе? Значит то, что труб будет много, и что Судия сойдет при (звук) последней трубы. «И мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем. Итак, утешайте друг друга сими словами» ([1Сол.4:16–18](#)). Если (Господь) намерен сойти, то для чего мы будем восхищены? Чести ради. Ведь и тогда, когда царь въезжает в город, почетные граждане выходят к нему на встречу, а преступники внутри ожидают судию; и тогда, когда возвращается нежный отец, дети и те, которые заслуживают название детей, въезжают на колеснице (к нему навстречу), чтобы видеть и приветствовать его, а те из домочадцев, которые оскорбили его, остаются дома. Мы понесемся на колеснице Отца. Как Он подъял самого (Господа) на облаках ([Деян.1:9](#)), так и мы восхищены будем на облаках. Видишь, какая честь? Мы и встретим Сходящего, и, что всего радостнее, «ибо вовек милость Его. Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его» ([Пс.105:1–2](#))? Каких великих благ удостоил Он род человеческий! Прежде восстанут умершие, и таким образом все вместе встретят его. Авель, умерший прежде всех, выйдет тогда навстречу вместе с оставшимися в живых, так что они при этом не будут иметь никакого преимущества, и истлевший, столько лет лежавший в земле – встретит его вместе с живыми, равно как и все прочие. Если они ждали нас, чтоб и мы увенчались, как говорит (апостол) в другом месте: «Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства» ([Евр.11:40](#)), то тем более должны мы подождать их. Или лучше: они нас ждали, а мы их не будем, потому что воскресение произойдет вдруг, «во мгновении ока» ([1 Кор.15:52](#)) Слово же – соберутся показывает, что воскреснут повсюду, собраны же будут ангелами. Следовательно, воскресить есть дело всемогущего Бога, повелевающего земле возвратить вверенное, без всякого содействия слуг, подобно тому, как было и тогда, когда Господь воззвал к Лазарю: «Лазарь! иди вон» ([Иоан.11:43](#)); а привести (воскресших) будет

дело слуг. Но если ангелы повсюду будут обтекать (землю) и собирать (воскресших), то как же говорится здесь, что (воскресшие) восхищены будут? Они восхищены будут после того, как (Господь) сойдет, после того, как (все народы) собраны будут. Все это произойдет вдруг, и при том так, что никто наперед не будет знать. Только когда увидят, что земля колеблется, что прах опять соединяется в один состав, в то же время повсюду восстают тела, без всякого с чьей-либо стороны содействия, а только по велению (Господню), которого одного довольно, чтобы землю, преисполненную (мертвых тел), освободить от этого бремени, – представь в самом деле, что все умершие, сколько ни будет их, от Адама и до пришествия (Господня), восстанут тогда с женами и детьми, – когда, говорю, увидят такое на земле смятение, тогда только узнают (что наступил конец Мира). Поэтому как они ничего наперед не могли предвидеть касательно рождения по плоти (Господа), так и тогда (ничего наперед не узнают).

2. Итак, когда это произойдет, тогда будет и глас архангела, повелевающего ангелам и взывающего, и будут трубы, или лучше звук труб. Какой страх, какой ужас обнимет тогда оставшихся на земле! «Одна берется, а другая оставляется.» ([Мф.24:41](#)); и «один возьмется, а другой оставится» ([Лук.17:36](#)). Каково будет состояние душ их, когда увидят, что другие будут восхищены, а они будут оставлены! Не больше ли всякой геенны приведет это их в ужас? Представим себе в мысли, что это уже теперь совершается. Если внезапная смерть, разрушение городов от землетрясения и другие ужас наводящие события столько поражают наши души, то каково будет состояние нашей души тогда, когда увидим, что земля разверзается и ее поверхность покрывается всеми умершими, – когда услышим звук труб и глас архангела, который громче всякой трубы, – (когда увидим) что небеса свиваются и грядет Царь всяческих – Бог? Вострепещем, умоляю вас, и убоимся так, как будто это уже ныне свершается; не станем успокаивать себя тем, что это еще не скоро будет; ведь если это неминуемо должно быть, то замедление нисколько нам не поможет. Какой тогда будет страх, какой ужас! Видали ли вы когда-нибудь ведомых на смертную казнь? Каково бывает, полагаете вы, состояние их душ, когда они проходят путь до места казни? Не мучительнее ли оно всякой смерти? Чего бы не решились они и сделать, и претерпеть, чтобы только избавиться от этой мрачной участи? Я слышал от многих, которые, по милосердию царскому, возвращены были назад с места казни, что они в то время и людей не узнавали: в таком смятении, ужасе и трепете находилась их душа. Если же телесная смерть так ужасает нас, то что

будем ощущать, когда наступит смерть вечная? Но что я говорю о ведомых на казнь? Их окружает в то время толпа народа, из которого многие даже не знают их. Но если бы кто проник в души их, то, конечно, он не остался бы ни столько жестоким, ни столько безжалостным, ни столько неустрашимым, чтоб не возмутиться самому и не почувствовать страха и скорби. Поэтому, если в такой степени приходят в смущение совершенно посторонние люди тогда, когда другие умирают смертью, ничем не отличающуюся от сна, то каково будет наше состояние, когда мы сами подвергнемся гораздо большим (мучениям)? Невозможно, поверьте, невозможно словами изобразить (этого) страдания. Правда, говорят; но Бог человеколюбив и ничего подобного не случится. Следовательно, напрасно об этом и написано? нет, говорят, но это только угроза, чтобы мы вразумились. Если же мы не вразумимся, а будем коснеть во зле, то, скажи мне, ужели (Бог) не пошлет наказания? Следовательно, Он и добродетельным не воздаст награды? Воздаст, говорят, потому что Ему свойственно благодетельствовать и сверх заслуг. Таким образом это на самом деле и непременно последует; а наказаний вовсе не будет, и говорится об них только ради угрозы и внушения страха. Не знаю, чем мне уверить вас. Если скажу, «что червь их не умрет и огонь не угаснет» ([Мк. 9:44](#)); если скажу, что пойдут в огонь вечный; если укажу на богача, уже претерпевающего наказание, – вы скажете, что все это только угроза. Чем же мне уверить вас? Поистине, это – сатанинская мысль, тщетно ласкающая милосердием и повергающая в беспечность! Как же нам истребить ее? Если ириведем что-нибудь из Писаний, вы скажете, что это сказано в виде угрозы. Но так можно рассуждать о будущем, а о том, что уже сбылось и вполне совершилось, вовсе нельзя. Все вы слышали о потопе. Неужели и об этом сказано в виде угрозы? Неужели его на самом деле не было? И допотопные люди много подобного говорили, и в продолжение ста лет, когда строился ковчег, сплывались деревья и проповедовал праведник, никто не нашелся, кто бы поверил. Но так как они не поверили угрозе на словах, то понесли наказание на деле. То же будет и с нами, если не станем верить. Потому-то Господь и сравнивает Свое пришествие со днями Ноя: подобно тому, как некоторые не верили тому потопу, так и ныне не верят потопу гееннскому. Ужели это только угроза? Ужели на самом деле этого не было? Ужели Тот, кто послал тогда такое неожиданное наказание, тем более не пошлет его ныне? Ведь то, что делается теперь, нисколько не извинительнее того, что было тогда. Почему? Потому, что тогда «вошли, – сказано, – сыны Божии к дочерям человеческим» ([Быт.6:4](#)), и это смешение было тяжким (преступлением), а

ныне нет ни одного вида зла, на который бы (люди) не решились. Итак, верите ли вы, что потоп был, или вам кажется это баснею? Но и горы, на которых остановился ковчег, я разумею горы Армении, свидетельствуют о нем.

3. Впрочем из великого множества (свидетельств) я приведу и другое, которое будет яснее указанного. Путешествовал ли кто-нибудь из вас когда по Палестине? Я уже не буду больше доказывать посредством слов, а посредством событий, хотя первые и достовернее последних, так как то, что говорит Писание, достовернее того, что мы видим. Итак, путешествовал ли кто-нибудь из вас когда по Палестине? Думаю, что путешествовал. Что же? Пусть те из вас, которые видели те места, будут мне свидетелями пред теми, которые там не были. Выше Аскалона и Газы, при самом устье реки Иордана, есть некоторая обширная и плодоносная страна, или лучше сказать – была, потому что теперь она не такова. Эта страна действительно была похожа на рай. «Лот возвел очи свои, – сказано, – и увидел всю окрестность Иорданскую, что она... вся до Сигора орошалась водою, как сад Господень» ([Быт.13:10](#)). Эта-то страна, цветущая, не уступающая никаким странам, равняющаяся плодородием раю Божию, теперь пустынное всех пустынь. Правда, растут там деревья и приносят плод; но этот плод – памятник гнева Божия. Там растут гранатовые яблоки – разумею и дерево и плод, которые имеют прекрасную наружность, и незнающему подают многие надежды; но когда возьмет кто-либо их в руки, то разломив не найдет никакого плода, а прах и пепел, обильно в них накопившийся. Такова там и вся земля; даже если возьмешь камни, то и те, найдешь, превращены в пепел. Но что я говорю о камне, о деревьях и земле? Там и самый воздух и вода подверглись такой же бедственной участи. Подобно тому как тело, которое подверглось действию огня и сгорело, хотя и сохраняет среди огня прежний вид, и образ, и величину, и соразмерность частей, но жизни вовсе не имеет, – так точно и там видишь землю, но в ней нет ничего свойственного земле, а все – прах; видишь деревья и плоды, но они ничего не имеют свойственного деревьям и плодам; видишь воздух и воду, но они не имеют ничего свойственного ни воздуху, ни воде, потому что и они превратились в пепел. Как же мог сгорать воздух? Как могла сгореть вода, оставаясь водою? Сжигать можно только деревья и камни, а воздуха и воды никак невозможно. Невозможно для нас, а для Сотворившего их возможно. Итак, воздух там не что иное, как огонь, и вода – огонь: все бесплодно, все пусто, все служить образом гнева прежде бывшего, знамением грядущего. Неужели и это угрозы только на словах? Неужели и это пустой звук слов?

Для меня не невероятно и прежде сказанное, и невиданное мною столь же достоверно, как и виденное; а неверующего может убедить только это последнее. Кто не верит в геенну, тот пусть подумает о Содоме, пусть вспомнит о Гоморре, об этом прежде бывшем и еще до сих пор продолжающемся наказании. Это служит предзнаменованием тому, что мучения будут вечны. Тяжела эта речь? А разве это не тяжело, когда ты говоришь, что нет геенны, но Бог только угрожает ею, – когда ты развязываешь руки у народа? Ты сам своим неверием принуждаешь меня сказать это. Если бы ты верил словам Христовым, то я не был бы вынужден приводить тебя к вере, ссылаясь на события. Но так как ты уклоняешься от первых, то волею или неволею должен будешь поверить последним. В самом деле, что ты можешь сказать о Содоме? Хочешь ли знать и причину, ради которой случилось это? Был один грех, конечно, тяжкий и проклетия достойный, – однакож один: жившие тогда пылали неистовую страстью к отрокам, и за это потерпели такое наказание. А ныне совершается множество грехов и равных этому, и тяжелее его. Ужели же Тот, Который за одно прегрешение излил такой гнев и не обратил внимания ни на мольбы Авраама, ни на живущего в том городе Лота, который для сохранения чести рабов (Его) отдавал на поругание собственных дочерей, – пощадит нас, когда мы совершаем столько грехов? Подлинно (такая мысль) есть насмешка и пустословие, заблуждение и диавольское обольщение. Хочешь ли, я приведу тебе и другой пример? Конечно, ты слышал о фараоне, египетском царе, – следовательно, знаешь и о казни, какая постигла его, равно как и о том, как он потонул в Чермном море со своими колесницами, конями и со всем своим воинством. Хочешь ли знать еще другие примеры? Он, может быть, был нечестив, и даже не только – может быть, а действительно был нечестив. Хочешь ли знать, что наказание постигает и тех, которые хотя и веруют в Бога и внимают Его учению, однако живут неправедно? Послушай, что говорит Павел: «Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи. Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей. Не ропщите, как некоторые из них роптали и погибли от истребителя» ([1 Кор. 10:8–10](#)). Если блуд и ропот были столь губительны, то чего не произведут наши (грехи)? Если же Бог не посылает теперь наказания, – не удивляйся, – потому что те не знали о геенне, и потому немедленно подвергались наказанию; а ты, когда согрешишь, хотя бы здесь и не подвергся никакому наказанию, будешь там наказан. Затем, ужели Тот, Кто подверг столь строгому наказанию тех, которые менее были опытны и не так много согрешали, простит нас? Это

было бы несогласно с разумом. Мы заслуживаем большего наказания, хотя бы совершили такие же грехи, как и они. Почему? Потому что мы сподобились большей благодати. А когда мы согрешаем и больше и тяжелее их, то какому наказанию мы должны подвергнуться? Те (впрочем, пусть никто не думает, что я, говоря так, удивляюсь им, или извиняю их, – нисколько: когда Бог наказывает, то тот, кто держится противоположного мнения, делает это по наущению от диавола; следовательно, я говорю это не с тою целью, чтобы хвалить или извинять их, но чтобы показать собственное наше развращение), те, говорю, если и роптали, то (делали это) когда странствовали по пустыне; а мы ропщем, живя в отечестве и пребывая в собственных домах. Те, если и блудодействовали, то (делали это) когда едва удалились от египетских мерзостей и почти еще не слышали этого закона; а мы блудодействуем, приняв от предков спасительные заповеди; следовательно, достойны большего наказания. Хочешь ли знать и другие казни, какие они претерпели в Палестине – голод, мор, войну, плен как у вавилонян, так и у ассирийян, бедствия от македонян, при Адриане и Веспасиане? Хотелось бы мне, возлюбленный, рассказать тебе еще нечто; но боюсь, чтоб ты не удалился от меня, – и потому прежде того расскажу другое. Был некогда голод, говорит (Писание), и царь обходил городские стены; тогда жена некая, приступив к нему, сказала следующие слова: царь, «та женщина говорила мне: «отдай своего сына, съедим его сегодня, а сына моего съедим завтра. И сварили мы моего сына, и съели его. И я сказала ей на другой день: «отдай же твоего сына, и съедим его. Но она спрятала своего сына» ([4 Цар.6:28–29](#)). Что ужаснее этого несчастья? Еще в другом месте «говорит пророк: Руки мягкосердых женщин варили детей своих» ([Плач.4:10](#)). Итак, ежели иудеи понесли такое наказание, то не подвергнемся ли мы гораздо большему?

4. Хочешь ли знать и о других бедствиях (которые постигли) их? Прочти Иосифа (Флавия), и узнаешь всю их плачевную историю. По крайней мере этим, может быть, уверим тебя, что геенна существует. Посуди сам: если иудеи подвергались наказанию, то почему мы должны остаться ненаказанными? Или: как это возможно, чтобы мы не были наказаны, хотя больше их согрешили? Не потому ли (так думаем), что наказание только, ожидает, нас впереди? Но, если угодно, я покажу и то, как наказываемы были разные лица порознь. Каин убил брата. Подлинно ужасное преступление: кто станет отрицать это? За то он понес наказание и тяжкое, и равняющееся бесчисленным смертям, – такое, которому он тысячу раз предпочел бы смерть. Послушай, что он сам говорит: «теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду

изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня» ([Быт.4:14](#)). Но, скажи мне, не делают ли многие и теперь того же, что он? Не то ли самое делаешь, когда убиваешь брата – не плотского, а духовного? Не убиваешь ли ты его, хотя не оружием, а иным образом, когда, будучи в состоянии утолить его голод, ты пренебрег этим? Итак, что же? Разве ныне никто не завидует брату? Разве никто не подвергает опасности его жизнь? Правда, они здесь не несут за это наказания; но будут наказаны. Затем, один, который не знал ни письменного закона, ни пророков, не видел великих знамений, подвергается такому тяжкому наказанию; а другой, который совершил такое же преступление и даже не вразумился такими примерами, неужели останется ненаказанным? Где же правда Божия? Где Его благость? Еще: некто, собиравший дрова в субботу, был побит за то камнями, несмотря на то, что заповедь (о субботе) не столь важна и ниже обрезания. Итак, собиравший дрова в субботу был побит камнями; между тем другие, которые часто совершали бесчисленные противозаконные поступки, отойдут без наказания? Поэтому, если нет геенны, то где правосудие, где беспристрастие? При том (Господь) подверг подобному наказанию многих других, которые не хранили суббот. Еще: другой, некий сын Хармиев (Ахар), за то, что украл вещь, принесенную в дар Богу, был побит камнями со всем родом. Что же? Ужели после того не было ни одного святотатца? Еще: Саул, пощадивший (врага) вопреки Божию повелению, понес тяжкое наказание: ужели же после того никто не щадил (врагов)? О, если бы мы только это совершали и не пожирали – став лютее зверей – друг друга вопреки Божию повелению! Однако никто не пал за это на брани. Еще: сыновья Илия потерпели самое тяжкое наказание вместе с своим отцом за то, что вкушали (мяса) прежде каждения. Но ужели (после того) не было ни одного отца, нерадеющего о детях, или не было детей развратных? Однако никто не понес наказания. Когда же они понесут, если нет геенны? Можно привести еще бесчисленное множество других примеров. Что же? Разве Анания и Сапфира не тотчас были наказаны за то, что утаили часть из того, что посвятили Богу? Но ужели после того никто не сделал ничего подобного? Отчего же они не понесли равного наказания? Итак, убеждаешься ли ты, что есть геенна, или нужно тебе больше примеров? Обратимся же к тому, что не предано письмени, а свершается теперь в жизни: нам ведь нужно отовсюду обозреть этот предмет, чтобы вследствие неблагоразумного снисхождения не нанести себе самим вреда. Не видишь ли многих в несчастии, изувеченных, претерпевающих многообразные бедствия между тем как другие наслаждаются благополучием? Почему

одни наказываются за убийства, а другие нет? Послушай, что говорит Павел: «Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых *открываются* впоследствии» ([1 Тим.5:24](#)). Сколько смертоубийц избежало наказания! Сколько расхитителей гробниц! Но оставим это. Сколько неизвестно тебе таких людей, которые претерпевают жестокие наказания! Одни подвержены долговременной болезни, другие беспрестанным мукам, иные иным бесчисленным бедствиям. Поэтому, когда ты увидишь, что какой-либо человек дерзнул совершить подобное тому, что они (сделали), или еще большее, и не понес наказания, то не согласишься ли даже против воли, что геенна существует? Представь себе тех, которые здесь до тебя тяжело были наказаны; помысли, что Бог нелицеприятен, и что ты, совершив безчисленные преступления, не потерпел никакого наказания – в твоём уме родится мысль о геенне. Бог так глубоко всеял ее в нас, что никогда не было ни одного человека, который бы не имел понятия о ней. И поэты, и философы, и баснописцы, и все вообще люди разсуждали о воздаянии за гробом и говорили о наказании многих в аде. Если же сказанное ими баснословно, то небаснословно то, что мы сказали. Это я говорил вам не потому, чтобы только навести на вас страх и привести в уныние ваши души, но чтобы соделать их и более воздержными, и кроткими. Я сам, даже больше других, желал бы, чтобы не было наказания. Почему же? Потому что каждый из вас страшится только за свою душу; а я буду подлежать ответственности и за это предстояние, так что мне более всех невозможно избежать геенны. Но быть не может, чтобы не было наказания и геенны. Что мне делать? Опять рождается сомнение, опять говорят: где же Божие человеколюбие? Везде! Но об этом я более поговорю в другое время, чтобы не затемнить слова о геенне. Теперь же пусть не пропадает польза, какую ныне мы получили из сказанного о геенне, – так как немаловажная польза убедиться в существовании геенны. Памятование сказанного о ней, постоянно пребывая в наших мыслях, как некое едкое лекарство, будет истреблять всякую злобу. Воспользуемся же этим лекарством, чтобы, очищая им свое сердце, мы сподобились увидеть, чего «ни око не видело, ни ухо не слышало, ни на сердце человеку не входило» ([1 Кор.2:9](#)), чего и да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 9

[1Фес.5:1-2](#). О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью.

Кончина мира неизвестна для пользы живущих. – Всякий грех есть душевное опьянение. – Изнеженность ведет к гибели.

1. Ни в чьей, кажется, природе нет столько пытливости и жадности к знанию невидимого и сокрытого, как в человеческой. Это в ней обыкновенно обнаруживается тогда, когда ум еще несовершенно и необразован. Так неопытные дети неотступно беспокоят и воспитателей, и наставников, и родителей множеством вопросов, в которых нет ничего, кроме как: когда бывает то-то и когда то-то. Это же случается и (с возрастными) от неги, или от того, что им нечего делать. Итак, ум наш сильно желает узнать и постигнуть многое, а особенно время кончины (Мира). И что удивительного, если это занимает нас, когда и самих святых апостолов это всего более занимало? Так прежде страдания (Христовы) они приступили к Христу с словами: «скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века» ([Мф.24:3](#))? И после страдания и воскресения Его из мертвых также говорили Ему: «не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю» ([Деян. 1:6](#))? – и ни о чем ином прежде этого не спрашивали Его. Но не так было после. Когда они сподобились Духа Святого, то не только сами не спрашивают и не скорбят о таком неведении, но удерживают от этого и других, страдающих таким неуместным любопытством. Послушай, что говорит теперь блаженный Павел: «О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия». Почему не сказал он, что никто того не знает? Почему не сказал, что это не открыто, но – «нет нужды писать к вам, братия»? Потому, что теми словами он более опечалил бы их; напротив этими успокоил. Словами: «нет нужды» он воспретил им спрашивать об этом, как о чем-то излишнем и бесполезном. В самом деле, какая была бы польза (знать это), скажи мне? Положим, что кончина последует через двадцать лет, через тридцать, через сто лет: какое это имеет к нам отношение? Не составляет ли для каждого кончины века конец его жизни? Отчего много любопытствуешь о всеобщей кончине и отчего причиняешь себе этим печаль? Но что бывает с нами в других (случаях), то же и в настоящем. Как в других (случаях) мы, не обращая внимания на собственные дела,

беспокоимся о чужих, говоря: такой-то блудник, такой-то прелюбодей, тот украл, этот обидел, а о своих не говорим ни слова, напротив больше печемся о поступках всех других людей, нежели о своих собственных, – так и здесь каждый из нас, оставив заботу о своем конце, желает узнать об общей кончине. Что ты имеешь общего с нею? Если ты хорошо подготовишься к своей кончине, то от всеобщей не потерпишь никакого зла. Будет ли она далеко, будет ли близко, – это нисколько к нам (не относится). Потому-то и не сказал о ней Христос, то есть потому, что это было бесполезно. Почему же, скажут, бесполезно? Тот, Кто сокрыл это, сам знает, почему бесполезно. Послушай, что говорит Он апостолам: «не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти» ([Деян.1:7](#)). Для чего же любопытствовать вам? Вот что услышали находившиеся с Петром, верховным (апостолом), пожелав узнать более, нежели сколько нужно было им знать. Да, скажут, но тогда можно было бы заграждать уста эллинам. Как, скажи мне? Так как они, скажете, учат, что этот мир есть Бог, то, зная время разрушения его, мы этим заградили бы им уста. Конечно; но чтобы заградить уста эллинам, нужно ли доказать то, что мир разрушится когда-нибудь, или то, когда именно он разрушится? Если желаете заградить им уста, то скажите, что мир будет иметь конец. Если они этим не убедятся, то не убедятся и тем. Послушай, что говорит Павел: «ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью», не только день всеобщий, но и каждого собственный. Этот последний уподобляется первому, потому что имеет сходство и сродство с ним. Какое значение имеет первый для всех в совокупности, такое же последний для каждого в частности. Время всеобщей кончины началось с Адама, а конец жизни каждого из нас есть образ этой кончины, – даже не погрешил бы тот, кто назвал бы его всеобщую кончиною. В самом деле, если каждый день люди умирают тысячами, если все умершие ожидают того дня и прежде его никто не воскресает, то не следует ли отнести этого к кончине всеобщей? Если же хотите знать, для чего сокрыт этот день и почему он придет как тать ночью, то я, как мне кажется, справедливо скажу вам: никто никогда во всю жизнь свою не стал бы заботиться о добродетели, если бы этот день был известен и не был сокрыт, но всякий, зная последний день свой, совершал бы бесчисленные преступления и уже в тот день приступал бы к купели, когда бы стал отходить. Если и теперь, когда страх неизвестности потрясает души всех, все, которые порочно вели прежнюю свою жизнь, позволяют себя крестить только при последнем издыхании, то если бы люди определенно знали последний день свой, кто тогда позаботился бы когда-нибудь о

добродетели? Если при этом постоянном страхе многие отошли без крещения, – если даже и такой страх не научил их позаботиться в течение своей жизни об угождении Богу, то когда бы страх этот был отнят, кто был бы тогда целомудрен, кто кроток? Никто. С другой стороны теперь иного удерживает от зла не только великий страх смерти, но и любовь к жизни. А если бы каждый знал, что он завтра непременно умрет, то пред этим днем он ни от чего не стал бы удерживаться, напротив – стал бы убивать, кого бы только захотел, и наделал бы тысячи злодейств, мстя врагам.

2. Человек развратный, потеряв надежду на продолжение здешней жизни, ни во что ставит даже облеченного в порфиру. Тот, кто был бы уверен, что ему непременно должно умереть, старался бы отомстить врагу, и тогда уже, насытивши наперед свою душу, воспринял бы смерть. Скажу, в-третьих, и еще нечто иное: люди, привязанные к жизни и слишком пристрастные к здешним благам, истаивали бы от уныния и печали. Например, если бы кто-нибудь из юношей знал, что скончается прежде (нежели достигнет) старости, то мучился бы так, как мучатся ожиданием смерти самые робкие животные, когда их поймают. Кроме того и самые неустрашимые мужи тогда не заслуживали бы награды. В самом деле, если бы они знали, что именно после трех лет должны умереть, а прежде не могут, то какое право имели бы они на награду за то, что решались на опасные подвиги? Тогда им мог бы всякий сказать: вы надеетесь жить три года, поэтому и подвергаетесь опасностям, зная, что вам невозможно прежде умереть. Тот только совершенно ясно обнаруживает мужество и презрение к здешней жизни, кто в каждой опасности видит для себя смерть и знает, что он останется жив, если не решится на опасность, но потеряет жизнь, если отважится на нее. Объясню вам это примером. Скажи мне, имел ли бы патриарх Авраам какое-нибудь право на награду, если бы возложил сына на (жертвенник), зная наперед, что не заколет его? Что еще? Возбуждал ли бы Павел в нас удивление, если бы он презирал опасности, заранее зная, что не умрет? Ведь и самый робкий пошел бы в огонь, если бы нашел в ком-либо достоверного поручителя в том, что избегнет опасности. Но не таковы были три отрока. Что же именно? Послушай, что говорят они: царь, «Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся» ([Дан.3:17–18](#)). Видите ли, какую великую пользу приносит нам незнание времени смерти? Есть еще и другая, больше этой, но пока довольно знать и это. Для того, как тать в ночи так придет, чтобы мы не

предавались порокам, чтобы не были нерадивы, и чрез то не лишились награды. «Сами, – говорит, – знаете». Зачем же вам и исследовать это, когда сами достоверно знаете? А что будущее неизвестно, познай из того, что сказал Христос. А что Он действительно для того сказал это, послушай, что Он говорит: «Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш приидет» ([Мф.24:42](#)). Для того и Павел говорил: «Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами (постигает) имеющую во чреве, и не избегнут» ([1 Сол.5:3](#)). Здесь (апостол) указал на то, о чем сказал и во втором послании. Так как (фессалоникийцы) находились в скорби, а враги их в покое и удовольствии, то он утешал их в настоящих злостраданиях словом о воскресении, а враги оскорбляли их, распространяли мнения своих предков и говорили: когда это будет? Поэтому, подобно тому, как пророки говорили: горе «которые говорят: «пусть Он поспешит и ускорит дело Свое, чтобы мы видели, и пусть приблизится и придет в исполнение совет Святаго Израилева, чтобы мы узнали!» ([Ис.5:19](#)) или еще: «Горе желающим дня Господня!» – имея в виду не просто желающих, но желающих по неверию, – а также: «день Господень, – говорит (пророк), – он тьма, а не свет» ([Ам.5:18](#)), – так (и апостол) сказал здесь это. И смотри, как он утешает их. Он как бы так говорит: из того, что они находятся в счастии, пусть не заключают, что не будет суда: он так и застигнет их. Стоит однако обратить внимание на следующее обстоятельство: если придет антихрист, если придет Илия, то каким же образом, когда скажут: «мир и безопасность», внезапно нападет на них всегубительство? Эти события, как признаки пришествия (Христового), не позволят не знать об этом дне. Но (апостол) и этого времени, то есть, антихристового, не указывает и не говорит, что день его пришествия будет знамением пришествия Христова; но (утверждает), что (Христос) не будет давать предзнаменования о Себе, а придет внезапно и неожиданно. Так и беременной, говорит, не нечаянно приходит время (родить), – она знает, что чрез девять месяцев будут роды. Между тем (время это) ей очень неизвестно, потому что иные рождали чрез семь месяцев, иные же чрез девять, а день и час родов во всяком случае неизвестны. Итак, вот к чему Павел говорит об этом. И верное сравнение! Действительно, немного бывает признаков времени рождения; от этого многие, не предвидя его, рождали на дорогах и вне дома. Но (апостол) хотел указать в этом сравнении не на одну только неизвестность (времени), а вместе и на жестокость страдания. Как рождающая, играя, смеясь, ничего совершенно не предвидя, внезапно бывает объята

невывразимыми страданиями и терзается муками рождения, так точно (будут поражены) души по наступлении того дня. «И не избегнут». Показывая далее, что он говорит это не о них (фессалоникийских христианах), «Но вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать». ([1Фес.5:4](#)).

3. Здесь он говорит о темной и нечистой жизни, так как развратные и злые люди все делают ночью, скрываясь от всех и окружая себя тьмою. Скажи мне в самом деле, не вечера ли поджидает прелюбодей, и не ночи ли – вор? И тот, кто грабит могилы, не ночью ли приводит в исполнение свое предприятие? Итак что же? Ужели последний день не постигнет их, как тать? Ужели не настанет он для них неожиданно? Ужели они вперед узнают о нем? Каким же образом (апостол) говорит: «нет нужды вам писать»? Здесь он намекает не на неизвестность времени, а на соединенное с ним злополучие, то есть – последний день придет не к их злополучию: и для них он наступит внезапно, однако не принесет им никакой скорби. «День Господень так придет, – говорит, – как тать ночью». Как вор не может сделать никакого вреда бодрствующим и пребывающим во свете, хотя бы и успел войти к ним, так точно и тот день – достоительно живущим; напротив, он уходит, вполне лишив всего тех, которые опять и уповают на здешние блага. Потом (апостол) применяет к ним и другое выражение, – именно, продолжает: «все вы – сыны света и сыны дня» ([1Фес.5:5](#)). Но как можно, скажете, сделаться сынами дня? Так же, как сынами погибели, как сынами геенны. Поэтому Христос говорил фарисеям: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас» ([Мф.23:15](#)), – а равно и Павел: «за которые гнев Божий грядет на сынов противления» ([Кол.3:6](#)), т. е. на творящих достойное геенны, на творящих дела противления. Подобно тому, как сыны Божии – те, которые делают угодное Богу, так и сыны дня, и сыны света – те, которые делают дела света. «Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться. Ибо спящие спят ночью, и упивающиеся упиваются ночью. Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения,» ([1Фес.5:6–8](#)). Здесь (апостол) показывает, что от нас зависит пребывание среди дневного света. И здесь – я говорю об обыкновенном дне и ночи – это не зависит от нас, но и ночь приходит против нашей воли, и сон является против нашего желания; напротив с тою ночью и тем сном бывает не так, но можно непрестанно бодрствовать, можно постоянно пребывать среди дня. Смежать очи духовные и предаваться греховному усыплению есть

дело не природы, а произволения. «Но будем бодрствовать, – говорит, – и трезвиться». И тот, кто бодрствует, если не будет творить добра, может спать; поэтому и присовокупил: «и трезвимся.» Подлинно, и днем, если кто бодрствует, но не трезвится, тот может подвергнуться бесчисленным опасностям. Итак, трезвость есть усиление бодрствования.

«Ибо спящие, – говорит, – спят ночью, и упивающиеся упиваются ночью». (Апостол) говорит об опьянении не только от вина, но и от всякого греха; опьянение души составляют и любостяжание, и пристрастие к деньгам, и плотская любовь, – и все, о чем бы ты ни упомянул в этом роде, есть опьянение души. Но почему он сном назвал грех? Потому, во-первых, что (грешник) не имеет силы на добродетель, далее потому, что он беспрестанно увлекается воображением и ничего не видит в истинном свете, напротив исполнен грез и часто безрассудных мечтаний, а если бы, наконец, и видел что хорошее, то не извлекает отсюда ничего твердого и неизменного. Такова настоящая жизнь! Она исполнена только грез и мечтаний. Богатство, слава и все подобное есть сонное мечтание. Спящий не видит того, что есть и действительно существует, а о том, чего вовсе нет, грезит как о существующем. Таков грех, и такова греховная жизнь! Она не видит существенного, то есть духовного, небесного, неизменного, а только то, что течет, улетает и скоро нас оставляет. Впрочем не довольно бодрствовать и трезвиться; надобно и быть вооруженным. Если кто не имеет оружия, то хотя бы он был бодр и трезв, его могут тотчас умертвить разбойники. Итак, если необходимо и бодрствовать, и трезвиться, и быть вооружену, а мы будем оставаться без оружия, будем наги и еще – спать, то кто помешает вонзить в нас меч? Поэтому, показывая, что для нас нужно оружие, (апостол) прибавил: «Мы же, будучи *сынами* дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения» ([1Фес.5:8](#)). Веры и любви, говорит, указывая здесь на жизнь и правые догматы. Смотри, как он объяснил, что значит бодрствовать и трезвиться, именно (это значит) иметь броню веры и любви. Не какую-нибудь веру, но пламенную, искреннюю, содействующую непобедимыми тех, которые ограждены ею. Подобно тому, как ничто не может скоро рассечь броню, и она составляет оплот для груди, так и ты огради душу верою и любовью, и ни одна из разженных стрел диавола не в состоянии будет вонзиться в нее. Подлинно, где сила души будет ограждена оружием любви, там напрасны и суетны все покушения злоумышляющих. Ни злость, ни вражда, ни зависть, ни лесть, ни лицемерие и ничто другое не в состоянии будет коснуться такой души. Не сказал просто: в любовь; но сказал, что надобно облечься в нее, как в

крепкую броню. Сказавши это, далее прибавляет: «и в шлем надежды спасения». Как шлем охраняет самое важное в нас, то есть голову, окружая и покрывая ее со всех сторон, так и упование не дает упасть нашему уму, но держит его прямо, как голову, не попуская ничему постороннему упасть на него. А до тех пор, пока на нее ничто не падает, и мы не наклоняемся вниз. В самом деле, тому, кто огражден этим оружием, невозможно никогда упасть: «пребывают, – сказано, – сии три: вера, надежда, любовь» ([1 Кор.13:13](#)). Потом, сказавши: облекитесь и вооружитесь, (апостол) prepares оружие и показывает, откуда рождаются вера, надежда и любовь, и как они соделываются самым крепким оружием, когда присовокупляет: «потому что Бог определил нас не на гнев, но к получению спасения через Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас, чтобы мы, бодрствуем ли, или спим, жили вместе с Ним» ([1Фес.5:9–10](#)).

4. Итак, Бог призвал нас не для того, чтобы погубить, но – чтобы спасти. Откуда видно, что Он именно этого хочет? «Отдал Сына, – сказано, – Своего Единородного» ([Ин.3:16](#)). Он столько желает нашего спасения, что дал Сына своего, и не просто дал, но на смерть. Из таких размышлений рождается надежда. Не отчаивайся же, человек, приходя к Богу, который не пощадил даже Своего Сына ради тебя. Не страшись настоящих бедствий. Тот, Кто предал Единородного, чтобы спасти тебя и исхитить из геенны, пожалеет ли чего-нибудь еще для твоего спасения? Следовательно, надобно ожидать всего доброго. Ведь мы не уstraшились бы, если бы нам надлежало предстать пред судьей, имеющим судить нас, который показал бы такую любовь к нам, что заклал бы за нас своего сына. Итак, будем ждать всего доброго и великого, потому что главное мы получили, если веруем. Но мы видим пример; будем поэтому и мы любить (Его). Ведь было бы крайним безумием не любить Того, Кто столько возлюбил нас. Да еще говорит: «бодрствуем ли, или спим, жили вместе с Ним. Посему увещавайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете» ([1Фес.5:10–11](#)). То же говорит и в другом месте: «бодрствуем ли, спим ли»⁸([1Фес.5:6](#)). Но под сном он понимает иное там, и иное здесь. Здесь он понимает телесную смерть, а там нерадение о жизни. Сказанное здесь имеет такой смысл: не бойтесь опасностей; если мы и умрем, то будем живы. Не приходи в отчаяние оттого, что бедствуешь: ты имеешь верный залог. Он не предал бы своего Сына, если бы не имел к нам чрезвычайной любви. Следовательно, хотя и умрешь, будешь жив, потому что и сам Он умер. Итак, умрем ли мы, или будем жить, вместе с Ним жить будем. Я не нахожу в этом ни малейшего различия; мне все равно, жив ли я, или умру,

потому что с Ним мы будем жить. Будем поэтому делать все для той жизни; будем все исполнять, устремляя взор к ней. Возлюбленный! Порок есть тьма, есть смерть, есть ночь; (вследствие его) мы не видим того, что нужно, не делаем того, что должно. Как мертвые безобразны и зловонны, так и души погрязших во зле исполнены великой нечистоты. Глаза их закрылись, уста сжаты; они лежат неподвижно на одре порока и достойны гораздо большего сожаления, нежели те, с которыми приключилась (смерть). Эти последние мертвы для всего; а они для добродетели бесчувственны, но живы для зла. Мертвого хотя бы кто и ударял, он не чувствует, не мстит, но (лежит) как засохшее дерево; столько же воистину бесчувственна душа, которая лишилась жизни. Каждый день она получает бесчисленные раны, и ни одной не ощущает, остается бесчувственною ко всему. Не погрешил бы тот, кто сравнил бы таких людей с бешеными, с опьянившими, или сумасшедшими. Между тем порок имеет в себе все это и есть хуже всего этого. Бешеный встречает великое снисхождение у зрителя, потому что его болезнь не есть следствие произволения, а одной только природы; но в ком найдет снисхождение пребывающий во зле? Итак, откуда зло? Отчего так много злых? Ты спрашиваешь откуда? Скажи мне сам, откуда происходят злые болезни? Откуда сумасшествие? Откуда тяжелый сон? Не от беспечности ли? Если естественные болезни берут свое начало от произволения, то тем более преднамеренные. Откуда пьянство? Не от душевного ли невоздержания? Сумасшествие не от излишества ли жара? А этот жар не от преумножения ли в нас жизненных начал (στοιχείων)? Преумножение же этих начал не от невнимания ли? В самом деле, когда мы или чрез оскудение, или чрез преумножение чего-либо в нас приводим в несоразмерность (части нашего состава), тогда возжигаем этот огонь. Опять, если остаемся невнимательны после того, как уже возгорится этот пламень, то производим тогда в самих себе пожар, которого погасить уже не можем. Так бывает и со злом. Когда в начале мы не поставляем ему препятствий и не отсекаем его, то впоследствии уже не можем приостановить его, – напротив оно становится выше сил наших. Поэтому, умоляю вас, будем всегда поступать так, чтобы никогда не заснуть. Ужели вы не видали, что часто продолжительное стояние на страже оставалось бесполезным потому, что стерегущие на малое время предавались сну? Чрез этот короткий (сон) они губили все, дав покушающемуся на воровство большую смелость. Подобно тому, как мы не столько обращаем внимание на воров, сколько они подсматривают за нами, так и диавол более всего следит за нами, подстерегает и скрежещет зубами. Итак, не будем засыпать; не будем говорить: ни с этой стороны

ничто (нам не угрожает), ни с этой. Часто мы бываем ограблены, откуда и не думали. Так и по отношению ко злу: можем погибнуть, откуда и не ожидали. Будем все тщательно осматривать, не станем упиваться – и не заснем; не будем пресыщаться – и не задремлем; не станем безумно бросаться на внешние блага – и пребудем трезвенны. Оградим самих себя со всех сторон. Как ходящим по натянутому канату нельзя быть даже и мало беспечными, потому что от этого малого происходит великое зло, – оступившись, они тотчас упадают вниз и погибают, – так и нам не должно оставаться беспечными. Мы идем путем узким, с одних сторон окруженным стремнинами, на котором не могут стоять обе ноги вместе. Видишь, сколько нужно нам осмотрительности? Ужели не видишь, что те, которые идут путем, окруженным стремнинами, не только осторожно ступают ногами, но и внимательно смотрят глазами? Хотя бы идущий ступал в известном месте по-видимому и осторожно, и хотя бы нога его твердо стояла, но глаз, помутившись оттого, что посмотрел в пропасть, может низвергнуть его: ему надобно думать и о себе и о том, как ступать, – почему и сказано: «ни направо, ни налево» ([Притч.4:27](#)). Глубока пропасть зла, велики стремнины, густ мрак внизу, узок путь. Будем внимать себе со страхом, будем идти с трепетом. Идя по такому пути, никто не предается смеху и не обременяет себя пьянством, – идет по такому пути трезвенно и со вниманием. Идя таким путем, никто не несет ничего лишнего. И счастлив тот, кто, будучи хорошо препоясан, может благополучно пройти, и никто в таком случае не связывает себе ног, но оставляет их свободными.

5. Мы же, связывая самих себя бесчисленными заботами и возлагая на себя бесчисленные житейские бремена, будучи невнимательны и рассеянны, как можем надеяться, что пройдем по столь узкому пути? Не просто сказал: узок (путь), но выражая изумление: что узок путь! то есть, весьма узок, – как делаем и мы, говоря о предметах весьма изумительных. И еще: «тесны врата и узок, – говорит, – путь, ведущие в жизнь,» ([Мф.7:14](#)). И справедливо сказал: «узок». Когда мы должны отдать отчет и в словах, и в мыслях, и в делах, и во всем, то поистине (такой путь) узок. А мы делаем его еще уже, утучняя и расширяя самих себя и ступая небрежною ногою. Узкий путь труден для всякого, но особенно для тучного; между тем, напротив, истощающий себя даже не будет чувствовать тесноты, – кто научился стеснять себя, тот не будет жаловаться на стеснение.

Итак, пусть никто не ожидает при неге увидеть небо, – этого нельзя! При роскоши пусть никто не надеется пройти узким путем, – это невозможно! Пусть никто из идущих по широкому пути не надеется

(достигнуть) жизни. Итак, если ты увидишь, что кто-нибудь услаждает себя ваннами, дорогим столом или (многочисленною) прислугою, то не почитай себя несчастным ради того, что не имеешь этого, а пожалей о нем, потому что он идет путем гибели. В самом деле, какая польза от этого пути, когда он оканчивается скорбью? Напротив, какой вред от той тесноты, когда она вводит в покой? Скажи мне, если бы кто-нибудь, будучи позван в царские чертоги, шел узкими, скользкими проходами, а другой кто-либо, обреченный на смерть, влечен был серединою площади, то кого почли бы мы счастливым и о ком пожалели бы? Не о том ли, кто шел бы по пути широкому? Так и в настоящем случае, будем почитать счастливыми не тех, которые живут в роскоши, но тех, которые не живут в роскоши. Эти последние спешат на небо, а те в геенну. Может быть, многие из них будут и смеяться над нашими словами; но потому-то особенно я и плачу, потому-то и рыдаю, что они не знают, над чем нужно смеяться и о чем всего более надобно плакать, но спутывают, извращают и искажают все. Потому-то я и плачу о них. Что говоришь ты, человек? Имея воскреснуть, отдать отчет в своих делах и понести строжайшее наказание, ты на это не обращаешь ни малейшего внимания, а заботишься о пресыщении и пьянстве, и сверх того еще смеешься? Но я плачу о тебе, зная, какие ожидают тебя несчастья, и какое должно постигнуть тебя наказание, – потому-то особенно и плачу, что ты смеешься. Плачь же со мною, рыдай со мною о своих бедствиях. Скажи мне, если бы погиб кто-нибудь из твоих домашних, то не отворотился ли бы ты от смеющихся над его кончиною и не почел ли бы их врагами; напротив, не полюбил ли бы тех, которые вместе с тобою плакали бы и сетовали? Итак, когда бы жена твоя лежала мертвою, ты отворотился бы от того, кто стал бы смеяться; а когда умерла в тебе душа, ты отворачиваешься от плачущего о ней, а сам смеешься? Видишь ли, как диавол расположил нас к тому, чтобы мы самим себе были врагами и неприятелями? Воспрянем же когда-нибудь, откроем глаза, пробудимся, займемся вечною жизнью, прервем долговременный сон! Есть суд, есть наказание, есть воскресение и испытание дел. Господь грядет на облаках, «пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря», – говорит (Псалмопевец) ([Пс.49:3](#)). Река огненная течет пред Ним, – червь не умирающий, огонь не угасающий, тьма кромешная, скрежет зубов. Хотя бы вы тысячекратно досадовали на это, я не перестану об этом говорить. Если пророки, будучи побиваемы камнями, не умолкали, то тем более нам должно переносить неудовольствия и не говорить беседу в угоду вам, чтобы за обольщение вас самим не быть рассеченными. Там мука вечная, безотрадная, – защитника не будет. «Кто пожалеет о заклинателе

ужаленном змеей?»⁹ (Сир.12:13)? Когда мы сами себя не помилуем, кто помилует нас, скажи мне? Если бы ты увидел кого-либо, пронзающего себя мечом, то мог ли бы ты пощадить его когда-нибудь? Нет! Тем более, когда мы имеем возможность исправиться, и не исправляемся, кто пожалеет нас? Никто! Помилуем же самих себя. Когда мы молимся Богу, говоря: помилуй мя Господи, – будем говорить это и самим себе, и самих себя помилуем. В нашей власти то, чтобы Бог нас помиловал. Он сам даровал нам это. Если будем делать достойное помилования, достойное Его человеколюбия, то Бог нас помилует. Если же мы самих себя не помилуем, то кто пожалеет нас? Помилуй ближнего, и будешь помилован от самого Бога. Как много людей ежедневно подходят к тебе, говоря: помилуй меня, – а ты и не оборачиваешься! Сколько нагих, сколько увечных, – а мы и не преклоняемся к их мольбам, но отверщаемся! Как же ты хочешь быть помилован, не делая сам ничего достойного помилования? Будем сострадательны, будем милостивы, чтобы таким образом угодить Богу и сподобиться благ, обещанных любящим Его, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 10

[1 Сол.5:12–13](#). Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас, и предстоятелей ваших в Господе, и вразумляющих вас, и почитать их преимущественно с любовью за дело их; будьте в мире между собою.

Полезный способ мести – платить добром за зло. – Против любостяжателей и хищников.

1. Начальник по необходимости имеет много причин к тому, чтобы огорчать (других). Подобно тому, как врачи часто бывают принуждены во многом огорчать больных, приготовляя им и пищу и лекарства, которые не имеют приятности, хотя приносят великую пользу, или подобно тому, как отцы бывают часто суровы к своим сыновьям, так и учителя, и даже гораздо больше. Врач, хотя на него и негодует больной, встречает однако ласковый прием у его родных и друзей, а часто и у самого больного. Равным образом отец, основываясь на естественных и внешних законах, весьма легко может пользоваться властью над сыном. Хотя бы этот последний и неохотно выслушивал от него уроки и обличения, никто не помешает ему (давать их), и даже он сам (сын) не посмеет выразить неудовольствие во взоре своем. Напротив, у священника множество затруднений. И во-первых, он должен управлять так, чтобы ему повиновались добровольно и были ему благодарны за его управление. А этого не скоро можно достигнуть, потому что тот, кого обличают и укоряют, каков бы он ни был, вообще вместо благодарности чувствует досаду. Так же будет поступать и тот, к кому обращаемся с советом, вразумлением и просьбою. Поэтому, если я скажу: раздай деньги нищим, то скажу ничто неприятное и тягостное. Если скажу: укроти гнев, погаси ярость, обуздай постыдную похоть, умерь сколько-нибудь роскошь, то все это покажется тягостным и неприятным. Если накажу беспечного, выведу его из церкви, или возбраню (участвовать) в общественной молитве, то он будет скорбеть, не потому, что удален от этого, а потому, что всенародно посрамлен. Между тем это есть усиление болезни, когда мы, будучи удаляемы от духовных благ, скорбим не о том, что лишаемся их, а о том, что посрамлены пред глазами людей, – не боимся, не ужасаемся самого дела. Потому-то в разных местах Павел много говорит об этом. И сам Христос до того признавал необходимою зависимость их (поучаемых), что сказал: «на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не

поступайте» ([Мф.23:2–3](#)). И еще, когда исцелил прокаженного, сказал: «смотри, никому не сказывай, но пойди, покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей, во свидетельство им» ([Мф.8:4](#)). Но Ты же (Господи) говоришь: «делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас» ([Мф.23:15](#))? Потому-то, говорит, и прибавил Я: что они творят, не творите. Таким образом, Христос отнял у подчиненного всякий предлог (к непослушанию). А (Павел) говорит и в послании к Тимофею: «Достоин начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь» ([1 Тим.5:17](#)); и в послании к Евреям говорит: «повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь» ([Евр.13:17](#)); и здесь опять: «Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас, и предстоятелей ваших в Господе, и вразумляющих вас». Так как он сказал: «Посему увещевайте друг друга и назидайте один другого» ([1Сол.5:11](#)), то чтобы они не заключили, что их самих возводит он в достоинство учителей, он присовокупил эти слова, как бы так говоря: я и вам поручаю назидать друг друга, так как учителю сказать всего невозможно. «Трудящихся, – говорит он, – у вас, и предстоятелей ваших в Господе и наказывающих вас». Но уместно ли это, скажешь? Что ты говоришь? Если кто-нибудь предстательствует за тебя пред человеком, то ты делаешь для него все, изъявляешь ему полную признательность. А этот (священник) предстательствует за тебя пред Богом, и ужели ты не будешь чувствовать к нему признательности? Но как он предстательствует, спрашиваешь? Так, что он молится за тебя, что подает тебе духовный дар, сообщаемый чрез крещение, надзирает за тобою, поучает, вразумляет тебя, – в полночь, если позовешь, идет. Он ничего за это (не получает), разве только то, что подвергается твоему злословию, и должен сносить твои укоризны. Какая ему нужда? Хорошо он сделал или худо? Ты имеешь жену, наслаждаешься удовольствиями, занят житейскими выгодами; а священник на то только посвятил себя, – для него нет другого занятия в жизни, кроме (служения) Церкви. И «почитать их, – говорит, – преимущественно с любовью за дело их; будьте в мире между собою.» Видишь ли, как он знал встречающиеся (в жизни) огорчения? Не просто говорит: любите, но: «по преимуществу», как дети родителей, потому что чрез них вы родились рождением вечным, чрез них получили царство, их руками совершается все, чрез них отверзаются вам врата небесные. Пусть никто не противится, пусть никто не прекословит! Кто любит Христа, тот будет любить и священника, каков бы он ни был, потому что чрез него сподобился страшных тайн. Скажи мне, если бы ты, пожелав видеть царские чертоги, повсюду блистающие золотом и сияющие драгоценными камнями, нашел человека, у которого от них

ключи, и он, по твоей просьбе, тотчас отворил бы их и пустил тебя внутрь, то не предпочел ли бы ты его всем? Не полюбил ли: бы его, как свои очи? Не целовал ли бы его? А этот (священник) отверз тебе небо, и ты его не любишь и не обнимаешь? Если: ты имеешь жену, то не любишь ли более всех того, кто доставил тебе ее? Так, если любишь Христа, если любишь царство небесное, то уважай тех, чрез кого ты получил его! Вот почему (апостол) говорит: «за дело их; будьте в мире между собою. Умоляем также вас, братия, вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем» ([1Сол.5:14](#)).

2. Здесь он обращает речь к начальникам, «Вразумляйте, – говорит, – бесчинные», то есть, не со строгостью и надменностью делайте им выговоры, но с снисхождением, с кротостью. Утешайте малодушных, заступайте немощных, долготерпите ко всем. Ведь тот, кому делают строгие выговоры, ожесточившись, становится более дерзким, и пренебрегает ими: поэтому чрез увещание надлежит сделать лекарство приятным. Но кто эти бесчинные? Конечно те, которые поступают против воли Божией. Церковный чин стройнее чина воинского; вследствие того и ругатель бесчинен, и пьяница бесчинен, и любостяжатель, и все согрешающие: они идут в строй не чинно, а в беспорядке, почему и нарушают строй. Но есть и другого рода зло, которое хотя не так велико, однако не перестает быть злом. Какое это? Малодушие. И оно бывает причиною погибели, подобно беспечности. Малодушен не переносящий обид, малодушен не переносящей искушений: он именно и есть посеянный на камни. Есть и еще иного рода зло, – немощь. Заступайте, говорит, немощных, разумея немощных по вере, потому что и по отношению к ней бывает немощь. Но смотри, как он не допускает того, чтобы их презирали. Так и в другом послании он сказал: «Немощного в вере принимайте без споров о мнениях» ([Рим. 14:1](#)). Ведь и в наших телах мы не даем погибнуть немощному члену. Долготерпите, говорит, ко всем. Что же это? И к бесчинным? Именно так, потому что нет лекарства более приличного учителю и столько полезного подчиненным, как это. Им (священник) может вполне обратить, вполне пристыдить самого грубого и самого бесстыдного.

«Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло» [1 Сол.5:15](#)). Если не должно воздавать злом за зло, то тем более – злом за добро, тем более воздавать злом, когда наперед не сделано зла. Но такой-то, говоришь, человек злой; он оскорбил меня и много причинил обид. Ты хочешь мстить ему? Не мсти. Оставь его без наказания. Довольно ли будет этого? Нет! «Но всегда ищите добра и друг другу и всем» [1Сол.5:15](#)). В том состоит

высшее любомудрие, чтобы не только не платить злом за зло, но (платить) добром. Поистине это такое мщение, которое приносит и вред другому и пользу тебе, вернее же сказать – великую пользу и ему, если он захочет. И чтобы ты не подумал, что это сказано по отношению к одним только верным, для этого (апостол) сказал: и друг к другу и ко всем. «Всегда радуйтесь» [1 Сол.5:16](#)). Это сказано об искушениях, которые причиняют скорбь. Послушайте все, кого постигла бедность, все, кого постигло несчастье: Вот чем порождается радость! Именно, когда мы имеем такую душу, что никому не мстим, но всем благодетельствуем, тогда каким образом, скажи мне, может проникнуть в нее жало скорби? Каким образом вообще может быть опечален тот, кто столько радуется в злострадании, что причинившему зло платит благодеяниями? Но как это возможно, говорят? Возможно, если захотим. (Апостол) показал далее и путь к этому: «Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе» [1 Сол.5:17, 18](#)). Всегда благодарить есть свойство любомудрствующей души. Ты потерпел какое-нибудь зло? Но если хочешь, оно вовсе не будет злом. Возблагодари Бога, и зло обратится в добро. Скажи и ты подобно Иову: «да будет имя Господне благословенно» ([Иов.1:21](#)). В самом деле, скажи мне, что такое потерпел ты? Тебя постигла болезнь? Но в этом нет ничего необыкновенного, потому что тело наше смертно и подвержено болезням. У тебя случился недостаток в деньгах? Но их можно и приобрести, и потерять, и они остаются здесь. Против тебя злоумышляют и клеветуют враги? Но виновники этого не нам причиняют обиду, а самим себе. «Душа же, – сказано, – согрешающая, та и умрет» ([Иезек.18:20](#)). А согрешил не тот, кто потерпел зло, но тот, кто причинил зло. Следовательно, должно не мстить умершему, а молиться за него, чтобы исхитить его у смерти. Не видите ли, что пчела, ужаливши, умирает? Через это насекомое Бог научает нас тому, чтобы мы не оскорбляли ближних, потому что в таком случае сами наперед подвергнемся смерти. Уязвляя их, мы, может быть, причиняем им некоторую боль; но сами, подобно этому насекомому, уже не останемся живы. Хотя Писание и похваляет пчелу, когда говорит: «как она трудолюбива; её труды во здравие употребляют и цари и простолюдины» ([Притч. 6:8](#)), однако ничто не может избавить ее от смерти и она непременно должна погибнуть. Если же и ее не спасает превосходство в других отношениях, когда она делает зло, то тем более – нас.

3. Подлинно, одним только лютейшим зверям свойственно наперед наносить обиду, когда еще никто не обижал тебя; или лучше, это даже и зверям несвойственно. В самом деле, они, если ты оставишь их обитать в

пустыне и нападением не доведешь их до крайности, никогда не причинят вреда, не придут, не укусят, но пойдут своей дорогой. А ты, будучи человеком, существом разумным, будучи почтен такою властью, честью и славою, даже зверям не подражаешь в обращении с соплеменными тебе, но обижаешь и снедаешь брата? Чем же ты можешь оправдаться? Не слышишь ли, что говорит Павел: «Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев» ([1 Кор.6:7, 8](#)). Видишь ли, что злополучие состоит в делании зла, а благополучие в перенесении зла? В самом деле, скажи мне, если кто злословит начальников, если кто оскорбляет властителей, то кого он обижает – себя, или их? Очевидно, себя. Если же оскорбляющий начальника не его оскорбляет, а себя, то оскорбляющей человека не оскорбляет ли чрез него Христа? Нисколько, говоришь. Что ты говоришь? Кто бросает камни в изображения царя, тот в кого бросает? Не в самого ли себя? Итак, если бросающий камни в изображение царя земного побивает самого себя, то оскорбляющий образ Христов, – а человек есть образ Божий, – не обижает ли самого себя? До каких пор будем мы любить деньги? Я не перестану вопиять против них, потому что они причиною всех зол. Когда же мы насытим эту ненасытную страсть? Что привлекательного имеет в себе золото? Я прихожу в изумление от этого. Подлинно, это (есть следствие) какого-то обаяния, что золото и серебро ценятся у нас так высоко. О душах наших у нас нет попечения, между тем о бездушных идолах великая забота. Откуда вошел этот недуг во вселенную? Кто может совершенно искоренить его? Какое слово может поразить и совершенно убить этого лютого зверя? Страсть эта внедрилась в сердца даже таких людей, которые, по-видимому, благочестивы. Устыдимся евангельских заповедей: слова содержатся только в Писании, а в делах наших совсем не проявляются. Но какое благовидное объяснение приводят многие? У меня, говорить, дети, и я боюсь, чтобы и мне не встретилась необходимость (переносить) голод и бедность, чтобы я сам когда-нибудь не имел нужды в помощи других: мне стыдно просить милостыни. Так поэтому – то ты заставляешь других просить милостыни? Не могу, говоришь, голодать. Так поэтому ты других подвергаешь голоду? Ты знаешь, как страшно просить милостыни, как мучительно томиться голодом. Пощади поэтому своих братьев. Скажи мне, терпеть голод тебе стыдно, а грабить не стыдно? Ты боишься умереть с голоду, а заставлять других, чтобы они умирали с голоду, не боишься? Напротив, в этом нет ни стыда, ни преступления, чтобы самому быть голодным; между тем как подвергать других голоду – дело, влекущее за

собой не только стыд, но и тягчайшее наказание. Но все это выдумка, обман и пустословие. Что действительно вы делаете это не для детей, тому свидетели те из вас, которые хотя детей не имеют и иметь не будут, однакоже столько трудятся, изнуряют себя и собирают такое богатство, как будто бы надобно оставить его бесчисленному множеству детей. Не забота о детях делает тебя жадным до денег, а душевный недуг. Вследствие такого недуга многие и не имея детей, до безумия пристрастны к деньгам; тогда как другие и при многосемейности презирают даже и то, что у них есть. Они обвинят тебя в тот день. В самом деле, если бы нужды детей заставляли тебя копить деньги, то и им надлежало бы иметь тоже желание, ту же страсть. Если же они ее не имеют, то мы до безумия пристрастны к деньгам не от многосемейности, а по сребролюбию. Но кто, скажете, имея детей, презирает деньги? Многие, и повсюду; если хочешь, укажу даже на древних. Не двенадцать ли сынов имел Иаков? Не в наемниках ли проводил он жизнь? Не терпел ли он обид от тестя? Не часто ли тесть обманывал его? А разве многосемейность заставляла его желать того, чего не должно? Или Авраам? Не имел ли, кроме Исаака, многих других детей? Но что же? Не для странников ли приобретал он имущество? Видишь ли, что он не только не обижал, но еще уступал из своего имущества, не только оказывая благодеяние, но и добровольно перенося обиды от племянника? А переносить ради Бога расхищение имущества гораздо более значит, нежели благотворить. Почему? Потому, что это последнее есть плод (расположения) души и доброй воли, – оттого оно и легко, а то – наглость и насилие. Иной легче добровольно отдал бы тысячи талантов и не почел бы этого какою-нибудь потерей для себя, нежели кротко перенес бы, чтобы у него против его воли отняли три оболы. В этом-то особенно и состоит любомудрие души. И это-то на самом деле видим мы в Аврааме: «Лот возвел очи свои, – сказано, – и увидел всю окрестность Иорданскую, что орошалась водою, как сад Господень, и избрал ее» ([Быт.13:10, 11](#)). И (Авраам) ни мало не прекословил ему. Видишь ли, что он не только не обижал, но еще сам был обижаем? Отчего же ты, человек, ссылаешься на своих детей? Не для того Бог даровал нам детей, чтобы мы похищали чужое. Смотри, не прогневи Бога, говоря это. Если, как ты говоришь, они виновники твоего хищения и корыстолюбия, то я боюсь, чтобы тебе не лишиться их, как вредных и злоумышляющих. Бог даровал тебе детей для того, чтобы они имели попечение о тебе в старости, чтобы научались от тебя добродетели.

4. Он для того восхотел так устроить род человеческий, чтобы приготовить чрез это две важнейшие вещи: во-первых, поставить отцов

учителями (детей), во-вторых, породить большую любовь. В самом деле, если бы люди просто появлялись на свет, то никто не имел бы расположения ни к кому. Если уже теперь, когда есть отцы, дети и внуки, многие не имеют попечения о многих, то тем более тогда. Вот для чего Бог даровал тебе детей. Итак, не слагай вину на детей. Если же те, у кого есть дети, не имеют никакого извинения, то что скажут в свое оправдание те, которые, не имея детей, изнуряют себя трудами для приобретения богатства? Впрочем, и у них есть некоторое оправдание, которое, конечно, нисколько их не оправдывает. Какое же именно? Мы хотим, говорят, вместо детей оставить по себе памятником богатство. Поистине, весьма смешно! Вместо детей, говоришь, дом будет вечным памятником моей славы. Не славы твоей, человек, он будет памятником, а твоего любостяжания. Или ты не видишь, как многие теперь, проходя мимо великолепных домов, говорят между собою: сколько такой-то лихоимствовал, сколько он нагрabил, чтобы выстроить этот дом! Теперь сам он стал пеплом и прахом, а этот дом его достался в наследство другим! Итак, ты оставляешь по себе памятник не славы своей, а любостяжания. Тело твое уже сокрыто в земле, но памяти о твоём любостяжании, которая могла бы истребиться в течение времени, ты не даешь погибнуть, и своим домом невольно возобновляешь и поддерживаешь ее, так что до тех пор, пока он будет стоять, нося твое имя и называясь домом такого-то, уста всех непременно будут отверсты против тебя. Видишь ли, что лучше ничего не иметь, чем подпасть такому осуждению? И это только здесь; а там что будем делать, скажи мне, обладая здесь таким богатством и никому из него ничего не уделяя, или уделяя весьма мало? Как мы оправдаемся в любостяжании? Ведь тот, кто хочет искупить любостяжание, не малое дает из многого, но гораздо более того, что нагрabлено, и вместе с тем еще перестает грабить. Послушай, что говорит Закхей: «воздам вчетверо, если кого чем обидел» ([Лук.19:8](#)). А ты, отнимая десятки тысяч талантов, если и отдаёшь несколько драхм, да и то с трудом, – думаешь, что возвратил все, и успокаиваешься, как будто отдал более чем должно, между тем как надлежало бы отдать не только то, что нагрabлено, но и прибавить из своего имущества. Как вор не оправдывается тем только, что отдает украденное, но часто отдает еще сверх того свою жизнь, или освобождается тем, что отдает в несколько раз более украденного, так и любостяжатель. Ведь и любостяжатель – вор и разбойник, даже хуже, потому что бесчеловечнее. (Вор) не настолько, по крайней мере, дерзок, он таится и налагает руку ночью, как бы стыдясь и боясь греха; напротив любостяжатель, поправ всякий стыд, с открытым

лицом среди площади грабит всех, будучи в одно и то же время и вором, и мучителем. Он не подкапывает стен, не гасит светильника, не открывает сундука, не разламывает печатей. Но что? Он поступает более дерзко, нежели те: на глазах обижаемых он выкидывает все вон, с дерзостью открывает все и заставляет их самих выкладывать свое имущество. Это верх насилия! Он тем гнуснее (воров и разбойников), чем бесстыднее и бесчеловечнее. Потерявший что-нибудь вследствие обмана, хотя и скорбит, но немало утешается тем, что обидевший его, по крайней мере, боится его самого, а тот не только претерпел зло, но еще подвергся презрению, не имея возможности противиться наглости, так как (возбудил бы) только большой смех. Скажи мне, если бы один скрытно соблудил с женою, а другой сделал это в глазах мужа, то который из них более оскорбил бы его и более в состоянии был бы его уязвить? Не последний ли? Он не только сделал зло, но и выказал презрение; а тот, если не другое что-либо показал, то, по крайней мере – то, что боится обиженного. То же должно сказать в рассуждении денег: похитивший их тайно показал некоторого рода уважение тем самым, что тайно взял; а тот, кто взял явно и всенародно, вместе с убытком нанес и бесчестие. Перестанем поэтому похищать чужое, и бедные и богатые, – не к богатым только я обращаю свое слово, но и к бедным. Действительно, и они грабят у тех, кто беднее их, – и ремесленники, более достаточные и зажиточные, обманывают менее достаточных и беднейших, и лавочники – лавочников, и все торгующие. Поэтому я отовсюду хочу изгнать неправду. Не в количестве похищенного и украденного состоит преступление, но в намерении воруемого. А что те, которые и малым не пренебрегают, в большей степени воры и любостыжатели, об этом, – знаю и помню, – я говорил вам, если только и вы помните. Впрочем, не будем распространяться об этом: пусть и они живут так же, как (должны жить) богатые. Приучим наконец сердца свои не желать большего, не домогаться многого. Пусть желание приобретать больше на небесах не находить себе предела, и там пусть каждый постоянно стремится дальше; но на земле всякий пусть довольствуется тем, что необходимо и что удовлетворяет наши нужды, и больше пусть никто ничего не ищет, чтобы таким образом мы могли достигнуть истинных благ, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 11

[1Фес.5:19–22](#). Духа не угашайте. Пророчества не унижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого рода зла.

Средство избежать злоречия. – История одной рабыни. – Особые приемы нищих с целью добыть пропитание. – Призыв к милосердию.

1. Какая-то густая мгла, мрак и туман разлиты над всею землею. Указывая на это, апостол говорил: «Вы были некогда тьма», и еще: «Но вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать» (Ефес.5и [1 Сол.5:4](#)). Итак, вследствие того, что теперь ночь, так сказать, безлунная и мы среди этой ночи ходим, Бог дал нам ясную лампаду, возжегши в душах наших благодать Святого Духа. Но, приняв этот свет, одни соделали его более ярким и ясным, как, например, Павел как Петр, как все святые; а другие погасили, как пять дев, как те, которые претерпели кораблекрушение в вере, как коринфский блудник, как отпадшие галаты. Поэтому Павел говорит теперь: духа не угашайте, то есть, дара, – потому что так обыкновенно называет он дар Святого Духа. Погашает же его нечистая жизнь. Подобно тому, как тот, кто нальет воды, или бросит земли на этот свет в светильнике, или, даже ничего такого (не делая), только выльет из него масло, тушит свет, так бывает и с даром благодати. Если ты привнес земное, если ты предался заботам о текущих делах, то ты уже погасил дух, или, хотя бы ты не сделал ничего подобного, но если откуда-нибудь со стороны пришедшее искушение сильно устремилось на тебя, подобно некоторого рода ветру; и если пламень в тебе несильно горел или много было для него масла, или ты не закрыл отверстие (в светильнике), или не притворил дверей, то все погибло.

Что же составляете это отверстие? Подобно тому, как в светильнике, так и в нас (есть отверстие); это – глаз и ухо. Не попускай вторгаться в эти отверстия сильному духу лукавства, – иначе он погасит светильник – но огради их страхом Божиим. Двери – это наши уста; затвори, загради их, чтобы и свет чрез них проходил и они отражали нападение отвне. Например, если кто-либо обидел тебя или оскорбил словами, ты затвори уста, потому что, – если откроешь их, то воздвигнешь бурю. Разве не видишь в домах, когда две противоположные двери стоят одна прямо против другой, и когда поднимется сильный ветер, то, как скоро затворишь, одну из дверей и сквозного ветра не будет, ветер ничего не сделает, напротив потеряет много силы? Так и здесь две двери: твои уста и

уста оскорбляющего тебя и злословящего. Если закроешь уста свои и не откроешь воздуху свободного течения с противоположной стороны, – уничтожишь всю (силу) ветра; если же откроешь их, то он делается неукротимым. Итак, не будем угащать его (духа). Но случается часто, что этот пламень погасает и без всякой посторонней причины. Когда не достает еля, когда не творим милостыни, дух угасает. Так как он сам пришел к тебе по милости Божией, то когда не находит в тебе этого плода, отлетает от тебя, потому что он не пребывает в душе немилостивой. А что бывает после того, когда дух угасает, об этом знают из вас те, которые ходили в безлунную ночь. И если трудно идти ночью путем, ведущим с земли на землю, то как можно идти безопасно путем, ведущим от земли на небо? Ужели не знаете, сколько демонов на этом расстоянии, сколько зверей, сколько духов лукавства? Но если мы имеем в себе тот свет, то они не будут в силах повредить нам; а если погасим его, немедленно они уловят нас, немедленно отнимут у нас все. Так и разбойники сперва гасят светильник, и тогда уже грабят: они видят в этой тьме, потому что делают дела тьмы; а мы непривычны к такому свету. Итак, не будем угащать его. Всякое злое дело погашает этот свет: и злоречие, и обида, и всякий грех, какой бы ты ни указал. Как бывает с огнем – что все чуждое ему уничтожает его, а все сродное с ним его усиливает, так и с этим светом: что сухо, что жарко, что пламенно, то усиливает пламень духовный. Итак, не будем приносить к нему ничего холодного, ничего влажного; это истребляет его. Впрочем, есть другое изъяснение (приведенного из послания места). В те времена многие пророчествовали, одни истинно, другие ложно. Об этом (апостол) упоминает и в послании к Коринфянам, (говоря), что по этой причине Бог дал различение духов ([1 Кор. 12:10](#)). Именно диавол, будучи лукав, хотел чрез этот дар пророчества низвергнуть все в Церкви. Вследствие того и тот и другой предсказывали будущее – и демон и дух, хотя первый ложно, а второй истинно, и неоткуда было взять признака, по которому можно было бы отличать одного от другого, так как и те и другие (пророки) учили, не давая отчета, подобно Иеремии, или Иезекиилю. Но с течением времени (лживые пророки) были обличены и дарована была (способность) различать духов. Поэтому, так как в то время у фессалоникийцев многие пророчествовали, на что и в другом месте намекает (апостол), говоря: «не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов» ([2 Сол.2:2](#)), то, сказавши: духа не угашайте, он благовременно присовокупил и следующие слова: «пророчества не уничтожайте». Итак, он хочет здесь выразить следующую мысль: по той

причине, что у вас есть несколько лжепророков, вы ради их не противодействуйте пророкам истинным и не отвращайтесь от них, – не угашайте их, то есть, «пророчества не унижайте».

2. Видишь, что значат слова его: вся испытайте. Так как он сказал: «пророчества не унижайте», то чтобы не подумали, что он всем дает право пророчествовать, он говорит: «все испытывайте, хорошего держитесь», то есть, истинные пророчества. «Удерживайтесь от всякого рода зла», – не только от той или другой, но от всякой. Испытывайте и ложное и истинное, чтобы со знанием дела отличать вам одно от другого, и от первого удаляться, а держаться последнего. В самом деле, мы только тогда будем особенно ненавидеть первое и любить последнее, когда станем делать все не просто и без испытания, но после точного исследования. «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» ([1Фес.5:23](#)). Заметь любовь учителя. К увещанию он присоединяет и молитву, и при том еще в послании, так как нужны и наставления и молитва. Потому – то и мы, преподав сначала наставление, потом молимся за вас, – и это знают посвященные в тайны. Правда, Павел по праву делал это, имея великое дерзновение пред Богом, а мы -находясь в унижении и не имея дерзновения; но так как мы поставлены на это, то и делаем то же самое, несмотря на то, что мы недостойны, и ходатайствовать и даже занимать место последних учеников. Именно, вследствие того, что благодать действует и чрез недостойных, не ради их, но ради ищущих пользы, – и мы присоединяем наши (молитвы). – «Да освятит вас, – говорит, – во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа». Что обозначает он здесь словом – дух? Дар (Святого Духа). Если мы выйдем с горящими светильниками, то войдем в брачный чертог; а если с погасшими, то – нет. Поэтому-то говорит: всесовершен ваш дух; когда всецело сохраним в себе дарование (Святого Духа), тогда и наш дух останется невредим. И душа, говорит, и тело, – никакое зло не коснется ни души, ни тела. «Верен Призывающий вас, Который и сотворит [сие]» ([1Фес.5:24](#)). Смотри, какое смиренномудрие! После того, как он произнес молитву, он сказал: не подумайте, что это исполнится вслед моих молитв, но вследствие – того намерения, по которому Бог призвал вас. Если Он призвал вас к спасению, а Он истинен, то несомненно спасет, потому что желает этого. «Братия! молитесь о нас» ([1Фес.5:25](#)). О, какое смиренномудрие! Но если он сказал это по смиренномудрию, то мы не по смиренномудрию, а ради великой пользы и вследствие желания

приобрести чрез вас нечто великое, говорим: «молитесь и о нас». Если вы и не получили от нас значительной пользы, ничего такого, что было бы достойно удивления, то по крайней мере (молитесь за нас) ради самого нашего сана, ради самого имени. Некто имел детей, и хотя они не получили от него никакой пользы, но так как он был отцом их, то он обратил в укоризну им то, (что и они также не принесли ему пользы), сказав: даже в продолжение одного дня вы меня не называли отцом. Поэтому и мы говорим: молитесь и о нас; и говорим это не ради того только, чтобы говорить, но искренно желая ваших молитв. Если я принял на себя обязанность ходатайствовать о всех вас и должен буду дать отчет в этом, то тем необходимее становится для меня ваша молитва. Ради вас я принял на себя большую ответственность; следовательно, и вы должны подавать мне большую помощь. «Приветствуйте всех братьев лобзанием святым» (1Фес.5:26). О, какая теплота! О, какие мысли! Так как он, будучи в отсутствии, не мог сам приветствовать их лобзанием, то приветствует чрез других. Так и мы делаем, когда говорим: поцелуй его за меня. Так и вы сохраняйте в себе огонь любви, – расстояние не составляет для нее препятствия, напротив она наполняет собою разделяющее пространство и везде находится. «Заклинаю вас Господом прочесть сие послание всем святым братьям» (1Фес.5:27). И здесь не столько наставление, сколько любовь: чтобы, таким образом, говорит, мне и с ними беседовать. «Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами, аминь» (1Фес.5:28). И не просто повелевает он (прочесть послание всем), но с заклинанием, делая и это по влечению пламенного своего сердца, – чтобы они, если бы и не захотели обратить внимание на его просьбу, ради заклания исполнили то, что было им заповедано. Тогда весьма боялись этого; а ныне и это попрано. И часто бывает, что наказываемый раб, заклиная и Богом и Христом Его, говорит: дай Бог тебе умереть христианином, – и никто не слушает, никто не обращает на это внимания; если же будет заклинать (наказывающего) собственным его сыном, то всякий тотчас, хотя против воли, хотя с скрежетом зубов, уменьшает однако свою ярость. Опять иной, которого влекут и ведут на середину площади, в присутствии эллинов и иудеев, заклинает влекущего самыми страшными клятвами, – и никто не слушает его. Чего не скажут эллины, когда верный заклинает верного и христианина, и это не приносит ему никакой пользы, напротив мы еще больше обнаруживаем к нему презрение?

3. Хотите ли, я расскажу вам одно происшествие, о котором сам слышал? Говорю не выдуманное мною, а слышанное от лица, заслуживающего доверия. Одна рабыня выдана была замуж за человека

злого, преступного, бродягу. Муж ее наделал много зла, и госпожа решила продать его, потому что проступки его были непростительны, между тем госпожа была вдова, не состоянии была сама наказывать человека, разоряющего дом ее, вот и решила продать его. Но, считая делом нечестивым – разлучать мужа с женою, она вместо того, чтобы развести их, надумала продать вместе и жену, несмотря на то, что эта рабыня была ей полезна. Тогда рабыня, видя себя в затруднительном положении, пришла к одной почтенной, коротко знакомой с ее госпожой, особе, которая и рассказывала мне об этом, и, припавши к коленам ее, со многими слезами, умоляла заступиться за нее пред ее госпожою. Истощивши множество слов, она, наконец, присоединила одно страшное заклятье, надеясь при посредстве его более всего убедить ее. Заклятие было такого рода: не презри моего прошения, чтобы и Христос не презрел тебя в день судный. Сказав это, она удалилась. Но женщина, которую рабыня просила, будучи озабочена какими-то не терпящими отлагательства делами, обыкновенно встречающимися в домашней жизни, забыла (о ее просьбе). Потом в самый полдень вдруг пришло ей на память то страшное заклятие. Она весьма встревожилась, отправилась немедленно, с полным усердием ходатайствовала, и дело устроила. В ту же ночь она вдруг увидела отверстые небеса и самого Христа; впрочем видела настолько, насколько возможно женщине видеть. И именно потому она удостоилась такого видения, что всецело обратила внимание на это заклятие, – потому, что убоялась его. Я рассказал об этом для того, чтобы мы не пренебрегали заклятиями, особенно когда кто-либо умоляет нас о делах добрых, о милостыни, о человеколюбии. Но вот сидят нищие, лишенные ног, и смотрят, когда ты проходишь мимо их. Так как они не в состоянии идти за тобою, то надеются удержать тебя страхом заклятия, как бы некоторого рода удочкою, и, простирая к тебе руки, заклинают подать один или два обола; а ты, несмотря на то, что тебя заклинают твоим Господом, проходишь мимо. Когда тебя заклинают твоими очами, отсутствующим мужем, сыном или дочерью, – ты тотчас уступаешь, твое сердце приходит в сильное движение, согревается; а когда заклинают тебя Господом, – проходишь мимо. Я знал многих (женщин), которые, услышавши имя Христа, проходили мимо; но, когда подходящие к ним хвалили их красоту, они смягчались, таяли от удовольствия и протягивали руку. Таким образом, они сами заставляли несчастных нищих решаться на это смеха достойное дело. Так как они, употребляя сильные и скорбные выражения, не трогали их души, то должны были прибегнуть к такому средству, чрез которое могли доставить им особенное удовольствие. Таким

образом, великое наше нечестие принудило и убогого, и томимого голодом говорить, когда он просит милостыни, похвальные речи нашей красоте.

И, о, если бы только это! Но, что еще несноснее, это заставило бедных сделаться фиглярами, срамословцами и шутами. Когда нищий, потрясая и повертывая в руках чашечки, стаканчики, или ковшички, звенит ими, или, имея свирель, играет на ней срамные и сладострастные песни и припевает голосом, между тем его обступает толпа, и подают ему, кто – кусок хлеба, кто – обол, кто – что-нибудь другое, держат его долго и забавляются им, как мужчины, так женщины, – то что может быть несноснее этого? Не достойно ли это горьких слез? Конечно, это мелочи, – они и считаются за мелочи; но они порождают в наших нравах великие пороки. Ведь всякое постыдное слово, всякая соблазнительная песнь расслабляет сердце и растлевает самую душу. Нищего, который призывает Бога и испрашивает вам бесчисленных благ, вы не удостаиваете и слова; а кто вместо этого представляет какие-нибудь ребячества, на того вы смотрите с удивлением. Но я скажу вам то, что мне пришло теперь на мысль сказать вам. Что же это такое? Когда ты подвергнешься бедности, или болезни, тогда не от иного кого, а именно от нищих, скитающихся по переулкам, научись благодарить Владыку. Всю жизнь свою проводя в нищенстве, они не богохульствуют, не досадают, не ропщут, но всегда говорят о своей бедности с благодарением, называя Бога великим и человеколюбивым. Истаиваючи от голода называет Бога человеколюбивым; а ты, живя в достатке, если не присвоишь себе того, что принадлежит всем, называешь Его жестоким! Насколько же (нищий) превосходнее тебя! Как он осудит нас тогда! Бог определил, чтобы нищие были во всем мире – общими для нас учителями и утешением в несчастьи. Может быть, ты претерпел что-нибудь такое, чего бы не хотел? Но этого нельзя сравнить с тем, что терпит он. Ты лишился глаза? А он обоих. Ты страдаешь от продолжительной болезни? А он одержим болезнью неисцелимою. Ты лишился детей? А он – и собственного телесного здоровья. Ты потерпел великий убыток? Но ты не дошел еще до того, чтобы нуждаться в других. Поэтому благодари Бога. Ты видишь, что они, находясь в самой крайней бедности, просят у всех, но получают от немногих. Когда ты молишься до изнеможения и не получаешь просимого, то подумай, сколько раз ты слышал, как просил у тебя нищий, и ты не внимал ему, между тем он не досадовал, не оскорбил тебя. Ты поступал так по жестокосердию; но Бог по человеколюбию делает и то, что не внемлет тебе. Итак, если ты не считаешь себя заслуживающим порицания за то, что по жестокосердию не внимаешь подобному тебе рабу, то можешь ли порицать Владыку, когда Он не

внимает рабу Своему по человеколюбию? Видишь ли, какое неравенство, какая несправедливость?

4. Будем постоянно размышлять об этом, – о низших, о тех, которых постигло большее, нежели нас, несчастье, – и в этом будем находить побуждение благодарить Бога. В жизни весьма много таких поучительных примеров. Бдительный и внимательный человек многому может научиться, взирая тоже на молитвенные дома. В самом деле, в церквях и при гробницах мученических для того сидят в преддверии нищие, чтобы мы, глядя на них, получали великую пользу. Именно, подумай, что мы, когда входим в земные царские чертоги, не можем видеть ничего подобного, – отовсюду выходят тебе навстречу люди важные, знаменитые, богатые и разумные; а в чертогах поистине царских, то есть, в церкви и молитвенных домах, устроенных над гробами мучеников – бесноватые, убогие, нищие, старые, слепые и увечные. Для чего же это? Для того, чтобы ты, глядя на них, научался, во-первых, тому, что, еслиходишь (во храм) с некоторою надменностью, ты должен, при виде их, оставить надменность, привести в сокрушение свое сердце и тогда уже входить и слушать то, что читают, – потому что молящиеся с гордостью не может быть услышан, – далее тому, что ты, увидев старца, не должен гордиться молодостью, – потому что и эти старики были молоды, – еще тому, что ты, когда слишком тщеславишься воинским званием и властью, предоставленною тебе от царя, должен подумать, что и в числе их есть люди, которые некогда были знатными при дворах царей, наконец, тому, что ты, когда надеешься на телесное здоровье, должен, обратив на них внимание, смирить свою гордость. Таким образом, постоянно приходя сюда, здоровый не будет много мечтать о своем здоровье, а больной получить немалое утешение. Впрочем не для того только они садятся здесь, но и для того, чтобы ты становился милосерднее и преклонялся на милость, еще для того, чтобы ты благоговел пред человеколюбием Божиим, – потому что если Бог не гнушается ими, но поставил их в преддверии дома Своего, то тем более ты (не должен гнушаться ими), – наконец для того, чтобы ты не слишком гордился великолепными чертогами земными. Итак, не стыдись, когда нищий зовет тебя по имени, и не отталкивай его, когда он подойдет к тебе и обнимет твои колени, ведь они в некотором смысле достойные удивления собаки царских чертогов. Я назвал их собаками не потому, чтобы хотел унижить их, – нет, – наоборот, чтобы воздать им великую похвалу. Они стерегут дворец Царя небесного; поэтому питай их; этим можешь воздать честь самому Царю. Там, то есть, в земных чертогах царских, все – гордость; здесь все – смиренномудрие. От самых уже преддверий ты вполне

узнаешь, что все человеческое ничтожно; от сидящих там ты научаешься, что богатством нельзя благоугодить Богу. Их сидение и собрание служит некоторого рода назиданием для всего человеческого рода, громогласно вещая, что дела человеческие – ничто, что они – тень и дым. Если бы богатство было добро, то Бог не посадил бы нищих в преддверии Своего дома. А если Он и богатых допускает сюда, то не удивляйся, потому что не для того допускает их, чтобы они оставались богатыми, но чтобы отложили гордость. Послушай, что говорит им Христос: «Не можете служить Богу и маммоне» ([Мф.6:24](#)); и еще: «Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное»; и еще говорит им Христос: «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» ([Мф.19:23–24](#)). Он для того принимает здесь богатых, чтобы они слышали слова эти, чтобы возлюбили богатство вечное, чтобы возжелали благ небесных. И что удивительного в том, что Бог не почитает нищих недостойными сидеть в Своих преддвериях? Он не считает их недостойными того, чтобы они были призваны к Его духовной трапезе и соделались участниками вечери Его; напротив хромой и увечный, одетый в рубище, грязный и неопрятный старик, вместе с красивым юношей, даже с облеченным в багряницу и имеющим на главе своей диадему, приступает приобщиться к трапезе и удостоивается духовной вечери, – те и другие сподобляются одного и того же, и нет никакого различия.

5. Таким образом, Христос не считает их недостойными того, чтобы они были призваны к Его трапезе вместе с царем, – и они и он призываются вместе, – а ты, может быть, считаешь унижительным для себя, если другие увидят, что ты подаешь нищим, или говоришь с ними? О, какое высокомерие, какая надменность! Смотри, чтобы нам не претерпеть того же, что никогда претерпел богач. Он тоже не хотел и взглянуть на Лазаря и не давал ему ни пристанища, ни кровя, и Лазарь лежал вне его дома, за воротами, и не удостоивался от него ни одного слова. Но смотри, как он, когда имел крайнюю нужду в его помощи, тоже не получил ее. Если мы стыдимся тех, кого не стыдится Христос, то стыдимся Христа, стыдясь друзей Его. Пусть наполнится трапеза твоя хромыми, увечными; Христос приходит в лице их, а не в лице богатых. Ты, может быть, смеешься, слыша это. Поэтому, чтобы ты не подумал, что это мои слова, послушай, что говорит сам Христос, и не смейся, а трепещи. «Когда делаешь обед или ужин, – говорит Он, – не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния. Но, когда делаешь пир, зови

нищих, увечных, хромым, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных» ([Лук. 14:12–14](#)). Здесь и славы больше, если ты любишь ее. В самом деле, от первых и зависть, и ненависть, и пересуды, и злословие, и большое опасение, как бы не случилось чего-нибудь неприличного; при том, если званые будут важнее тебя, ты стоишь перед ними, как раб пред господином, опасаясь с их стороны укоризн и злословия. А со стороны последних ничего такого не бывает; но что бы ты ни подал им, они все принимают с удовольствием, и за все – великая благодарность, громкая слава и глубокое уважение. Все, которые узнают об этом, не столько хвалят тех (кто угощает знатных), сколько этих (кто угощает бедных). Если не веришь этому ты, богач, созывающей вождей и правителей, то сделай опыт, созови бедных, наполни ими трапезу, – и увидишь, не все ли будут хвалить тебя, не все ли будут тебя любить, не все ли будут считать тебя за отца. От тех угощений нет никакой пользы, а за эти уготовано небо и небесные блага, – коих и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Примечания

1

Эти беседы произнесены святителем в Константинополе в 399 г.

Следовало сказать к *Филиппийцам*, судя по приводимым ниже местам из послания к Филиппийцам Между тем в послании к Филиппийцам имя Тимофея поставлено наряду с именем апостола Павла, а в послании к Ефессянам этого, действительно, нет. Это могло произойти от того, что святитель, приводя тексты из послания к Филиппийцам на память, почел их принадлежащими посланию к Ефессянам.

«мы просили и убеждали и умоляли» в точном переводе (славянском)
«моляще и утешающе и свидетельствующе». – и.Н.

В оригинале – «осиротевши» (απορφανισθεντες).

Точный перевод: «благовествовал нам о вере вашей». – и.Н.

Точный перевод: «об усопших» (κοιτωμενων). – и. Н.

В синодальном переводе неточность. В оригинале «усопших» – κοιτώμενων.

Вероятно, Златоуст имел в виду именно слова ст. 6: «не спим, но да бодрствуем».

Так у Златоуста, в синодальном переводе: «Кто пожалеет об ужаленном заклинателе змей?»»